

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК IX (IV)

СЕРИЯ Б. НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
IX МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ**

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК IX (IV)

СЕРИЯ Б. НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
IX МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

**Севастополь
2012**

Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск IX(IV). Серия Б. Новая и новейшая история. Избранные материалы IX Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И. Кузищина. - Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2012. – 142 с.

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам отобранных оргкомитетом для публикации докладов профессоров, преподавателей и студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Филиала МГУ в г. Севастополе, сотрудников научных и музейных учреждений России, Украины, Крыма и Севастополя, прочитанных 12-13 октября 2011 г. на заседаниях IX Международной научной конференции «Лазаревские чтения».

Представленные статьи будут интересны широкому кругу специалистов в области истории, политологии и краеведения.

Редакционная коллегия:

- Иванов В.А.** доктор физико-математических наук, профессор, академик НАН Украины, зам. директора Филиала МГУ в г. Севастополе по научной работе.
- Кузищин В.И.** доктор исторических наук, профессор, советник декана исторического факультета МГУ, зав. кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (главный редактор).
- Буйских А.В.** доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины.
- Петрова Э.Б.** доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков ТНУ им. В.И. Вернадского.
- Усов С.А.** доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Филимонов С.Б.** доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зав. кафедрой российской истории ТНУ им. В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
- Юрченко С.В.** доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, заведующий кафедрой политических наук и международных отношений ТНУ им. В.И. Вернадского, профессор кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран ТНУ им. В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
- Цимбаев Н.И.** доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XIX – начала XX веков исторического факультета МГУ.
- Бойцова Е.Е.** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, проректор по научной работе Севастопольского городского гуманитарного университета.
- Мартынкин А.В.** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Ставицкий А.В.** кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Ушаков С.В.** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, старший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии НАН Украины.
- Хапаев В.В.** кандидат исторических наук, зам. заведующего кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (ответственный секретарь).

Публикуется по решению Оргкомитета Международной научной конференции «Лазаревские чтения»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>Мемории</i>	
<i>Ишин А.В.</i> Письмо адмирала М.П. Лазарева Таврическому губернатору В.И. Пестелю о строительстве собора Святого равноапостольного Великого князя Владимира в городе Севастополе	6
<i>Новая история</i>	
<i>Арутюнян Л.В.</i> Католики-армяне в Крыму и их вклад в мировую культуру	8
<i>Сидорович Е.С.</i> Французские мастера, промышленники и ремесленники в экономическом развитии Новороссийского края в конце XVIII – первой половине XIX веков	15
<i>Фесенко А.А.</i> Из истории «Чумного бунта» 1930 года в Севастополе. Анализ источников	22
<i>Новейшая история</i>	
<i>Бойцова Е.Е.</i> Становление и развитие института школьного музея в Севастополе	29
<i>Ишин А.В.</i> Февральская революция и церковный вопрос в Крыму: новые материалы	49
<i>Крапивенцев М.Ю.</i> Дискуссия о будущем статусе Крыма в период германской оккупации полуострова (май-ноябрь 1918 г.)	55
<i>Кущев В.Ю.</i> Прославленный подводник инженер-вице-адмирал, профессор М.А. Крастелёв, атомный подводный флот и Севастополь	62
<i>Латишева О.В.</i> Першій голова Держстраху СРСР Д.І. Єфремов: кримський період у житті	72
<i>Междисциплинарные исследования</i>	
<i>Красовская Т.М.</i> Проблема реконструкции культурных ландшафтов Крыма: Историко-этнологический контекст	75
<i>Кузьмина А.В.</i> Сравнительный метод в изучении истории промышленных предприятий	79
<i>Ставицкий А.В.</i> Современный миф и геостратегия: актуальность исследования	84
<i>Научное творчество студентов</i>	
<i>Авсенёва С.Н.</i> Архитектурный облик Керчи в описаниях путешественников конца XVIII – первой половины XIX веков	93
<i>Боровская П.М.</i> Севастополь в воспоминаниях княжны Е.С. Горчаковой. 1880 год	100
<i>Кардаильская Д.А.</i> Женское образование в Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков	104
<i>Крайнов В.Ю.</i> П.А. Столыпин и его роль в деле усиления Черноморского флота	110
<i>Кулакова Т.И.</i> Имение «Нижняя Ореанда» в истории дома Романовых и биографиях деятелей русской культуры	113
<i>Малиновская Е.С.</i> Биография Александра Ивановича Бертье-Делагарда как пример адаптации иностранца на русской службе	123
<i>Полонская Е.А.</i> Благотворительная и образовательная деятельность в Севастополе во второй половине XIX – начале XX веков	128
<i>Хоменко С.В.</i> Оценка деятельности Бурхарда Миниха в отечественной историографии	136
<i>Сведения об авторах</i>	141

ПРЕДИСЛОВИЕ

Международная научная конференция «Лазаревские чтения» проводится в Филиале МГУ в городе Севастополе с 2002 г. С 2005 г. в рамках конференции работает секция «Новая и новейшая история России и стран Причерноморья». Выделение этой секции в самостоятельное направление было связано со значительным интересом участников конференции к исторической проблематике, связанной с новым и новейшим периодами Отечественной истории и истории стран Черноморского бассейна.

Предлагаемый на суд читателя сборник посвящен знаменательной дате в истории России, Крыма и Севастополя – **250-летию восшествия на престол императрицы Екатерины Великой**. Именно в ее правление Россия прочно обосновалась на берегах Черного моря, в корне изменив геополитическую ситуацию в регионе. По ее указам были основаны Севастополь и Черноморский флот, многие города и порты Причерноморья, началось интенсивное развитие Новороссийского края. Многие из публикуемых статей прямо или косвенно затрагивают события, связанные с правлением великой императрицы.

В пяти разделах четвертого выпуска сборника представлены статьи, подготовленные участниками конференции «Лазаревские чтения» 2011 года. Разделы отражают основные направления научной дискуссии в рамках секции: мемории, новая история, новейшая история, междисциплинарные исследования. По традиции, статьи, написанные студентами, выделены в особый раздел.

В **первом** разделе представлен выявленный исследователем А.В. Ишиным уникальный документ – письмо адмирала М.П. Лазарева, именем которого названа наша конференция, Таврическому губернатору В.И. Пестелю с ходатайством о сборе пожертвований на строительство Владимирского собора в Севастополе.

В разделе «**Новая история**» размещены исследования по истории Причерноморья XVIII – начала XX веков. Л.В. Арутюнян традиционно (это уже четвертая ее публикация на страницах сборника) обращается к роли армянской общины в истории и культуре Крыма. Представленная статья знакомит читателя с вкладом католической армянской общины в мировое культурное наследие.

Херсонский исследователь Е.С. Сидорович рассказывает о роли французских иммигрантов в экономическом развитии Новороссии во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.

В жанре яркого и захватывающего расследования написана статья историка-архивиста А.А. Фесенко о подоплеке жестокого подавления «Чумного бунта» 1830 г. в Севастополе.

В разделе «**Новейшая история**» основное внимание авторов привлекли перипетии революционной и постреволюционной эпохи в Крыму, первые годы становления Советской власти на полуострове.

Е.Е. Бойцова представила развернутый анализ создания и развития школьных музеев в Севастополе: от первых послереволюционных лет до наших дней.

А.В. Ишин исследует проблему положения Православной Церкви в Крыму и ее взаимоотношений с революционной властью в период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г.

М.Ю. Крапивенцев изучил варианты будущего статуса Крыма, обсуждавшиеся на полуострове в период германской оккупации 1918 г. Автор анализирует притязания на обладание Крымом, выдвигавшиеся Германией, Украинской державой гетмана Скоропадского и османской Турцией, а также проекты воссоединения полуострова с Россией или провозглашения Крымского ханства, обсуждавшиеся различными группами крымской элиты того периода.

Е.В. Латышева рассказывает о крымском периоде в жизни и деятельности первого Председателя Госстраха СССР Д.И. Ефремова.

Особое место в данном разделе занимает биографическая статья В.Ю. Куцева, посвященная фактическому создателю Севастопольского высшего военно-морского инженерного училища инженер-вице-адмиралу М.А. Крастелеву. В ней подробно исследуется боевой и трудовой путь выдающегося военачальника и педагога.

Разнообразы по тематике статьи, представленные в разделе «**Междисциплинарные исследования**».

Профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор географических наук Т.М. Красовская представила исследование, в котором рассуждает о роли исторического и этнического факторов в создании и реконструкции культурных ландшафтов Крымского полуострова.

Молодой исследователь А.В. Кузьмина публикует методологическую статью, в которой обосновывает методику изучения истории промышленных предприятий на основе сравнительного метода.

Историк и философ А.В. Ставицкий исследует миф как историческую и геостратегическую категорию, рассуждает о его роли в формировании практической политики.

Разнообразна тематика исследований, представленных в заключительном разделе «**Научное творчество студентов**». Здесь рассматриваются вопросы истории Крыма и Севастополя XIX-XX вв., судьбы известных российских династий, а также проблемы общероссийской истории.

С.Н. Авсенёва описывает г. Керчь конца XVIII – первой половины XIX вв. глазами российских и иностранных путешественников.

П.М. Боровская представляет взгляд княжны Е.С. Горчаковой на полуразрушенный Севастополь 1880 г.

В.Ю. Крайнов анализирует роль П.А. Столыпина в усилении Черноморского флота накануне I Мировой войны.

Т.И. Кулакова представила развернутое исследование по истории южнобережного имения «Нижняя Ореанда», его роли в судьбах представителей династии Романовых и развитии российской культуры.

Е.С. Малиновская публикует биографический очерк об основателе знаменитой в истории России, Крыма и Севастополя династии Бертье-Делагардов А.И. Бертье-Делагарде, иммигрировавшем из Франции и принявшем русское подданство в конце XVIII в.

Е.А. Полонская изучила историю создания и деятельности благотворительных организаций дореволюционного Севастополя.

Проблемам общероссийской истории посвящены статьи Д.А. Кардаильской и С.В. Хоменко. Д.А. Кардаильская реконструирует историю развития женского образования в России второй половины XIX – начала XX вв. С.В. Хоменко анализирует противоречивые и взятые оценки роли Бурхарда Миниха в российской истории, характерные для отечественной историографии.

Таким образом, спектр статей, отобранных Оргкомитетом для публикации в настоящем сборнике, отражает ряд основных направлений научного поиска историков стран Северного Причерноморья в области новой и новейшей истории, а также наших коллег из смежных отраслей знания.

* * *

Оргкомитет Международной научной конференции «Лазаревские чтения» приглашает историков, политологов, культурологов, а также студентов, магистрантов и аспирантов соответствующих специальностей, проживающих в государствах Причерноморья, к научному сотрудничеству, аргументированным и толерантным дискуссиям, как на заседаниях конференции, так и на страницах сборника «Причерноморье. История, политика, культура».

Оргкомитет

I

МЕМОРИИ

ПИСЬМО АДМИРАЛА М.П. ЛАЗАРЕВА ТАВРИЧЕСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ В.И. ПЕСТЕЛЮ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОБОРА СЯГО РАВНОАПОСТОЛЬНОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ¹

Ишин А.В.

Таврическая Духовная семинария (г. Симферополь)

В 2014 г. исполняется 160 лет одной из главных православных святынь Крымской земли – собору Святого Равноапостольного Великого Князя Владимира в Севастополе. Закладка храма состоялась 15 июля 1854 г., а место строительства было освящено выдающимся церковным деятелем – Святителем Иннокентием, Архиепископом Херсонским и Таврическим.

Этот собор, строившийся в значительной мере на добровольные пожертвования, известен всему миру как усыпальница великих русских адмиралов – М.П. Лазарева, В.А. Корнилова, В.И. Истомина, П.С. Нахимова и замечательный памятник Крымской войны, на скрижалях которого запечатлены имена ее героев. Ныне севастопольский Свято-Владимирский собор является действующим и в полной мере сохраняет свое значение святыни православной духовности и символа неувядающей воинской славы Отечества.

В настоящей публикации вниманию Читателя предлагается уникальный документ – письмо Главнокомандующего Черноморского флота и портов Черного моря Адмирала Михаила Петровича Лазарева Таврическому губернатору Владимиру Ивановичу Пестелю от 24 февраля 1848 г. о проведении сбора пожертвований на строительство собора.

Прославленный русский флотоводец, герой Наваринского сражения, участник трех кругосветных плаваний и один из первооткрывателей Антарктиды, М.П. Лазарев (1788-1851 гг.) был одним из главных вдохновителей строительства Свято-Владимирского собора в г. Севастополе. Во многом благодаря именно его энтузиазму, инициативе, деятельному участию идея возведения прекрасного памятника церковного зодчества XIX столетия была успешно реализована.

¹ С любезного разрешения А.В. Ишина редакция повторно публикует данную статью, впервые вышедшую в 2003 г. в журнале «Крымский архив» (№ 9 за 2003 г. С. 56-57). В настоящее время ведется комплексная реставрация Адмиралтейского Владимирского собора на средства Министерства Обороны Российской Федерации. В 2011 г. состоялась его официальная передача Православной Церкви. Поэтому, весьма актуально вспомнить, с чего начиналась история этого храма, в котором покоится прах Михаила Петровича Лазарева и его великих учеников (прим. ред.).

Текст письма М.П. Лазарева хранится в фондах Государственного архива Автономной Республики Крым (ГААРК) и представляет несомненный интерес для широкой читательской аудитории. Приведем его содержание.

«Господину Таврическому Гражданскому Губернатору.

С Высочайшего соизволения Государя Императора, в 1829 году бывший Главный Командир Черноморского Флота и Портов Адмирал Грейг относился к предместнику Вашего Превосходительства с просьбою о том, чтобы по вверенному Вам управлению было сделано известным предположение увековечить память величайшего в Отечестве нашем события – принятия Равноапостольным Великим Князем Владимиром Св. Крещения – возведением памятника на развалинах древнего Херсонеса Таврического, где совершилось Таинство Крещения сего Князя. Адмирал Грейг, вместе с тем, просил пригласить верных сынов Отечества и истинных христиан к соучастию в этом религиозном патриотическом предприятии посильными приношениями и собираемые из оных суммы высылать в Черноморскую Казначейскую Экспедицию в Николаев.

Долгом считаю сообщить Вашему Превосходительству, что между тем Высочайше разрешено построить в память сего события храм во имя Великого Князя Владимира в самом г. Севастополе на указанном Его Императорским Величеством месте по проектным чертежам Архитектора Тона, и что, хотя высланные из разных мест пожертвованные деньги составляют капитал довольно значительный, но еще не удовлетворяющий тем потребностям на возведение храма, которые соответствовали бы величию события и цели – достойно народа Русского увековечить воспоминание о том; почему, и вследствие Высочайшего соизволения, возобновляется повсеместная подписка для сбора добровольных пожертвований на изъясненный предмет.

Что может быть священнее для всякого истинного сына России и доброго христианина воспоминания о введении в Отечестве нашем учения Христова, как источника славы и величия его, и о виновнике их – нашем Равноапостольном Князе Владимире, память которого, после многих столетий, соизволил почтить ныне благополучно царствующий Государь Император? И потому нет сомнения, что при содействии Вашего Превосходительства в подведомственном Вам управлении усердные христиане и ревнители Церкви Православной охотно готовы будут пожертвовать частью избытков своих на дело, которое грядущим векам могло бы свидетельствовать о нелицемерном в России чувстве Религии и о народной признательности к великому виновнику нашего христианского просвещения.

Деньги, какие этим путем собраны к Вам быть могут, покорнейше прошу Ваше Превосходительство приказать отправлять в Главное Казначейство Интендантства Черноморского Флота и Портов, в Николаев, Херсонской губернии.

Главный Командир Черноморского Флота и Портов, Генерал Адъютант,
Адмирал Лазарев
Правитель Канцелярии [подпись]»

(ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 16249, л. 1-1 об., подлинник).

II

НОВАЯ ИСТОРИЯ

КАТОЛИКИ-АРМЯНЕ В КРЫМУ И ИХ ВКЛАД В МИРОВУЮ КУЛЬТУРУ

АРУТЮНЯН Л.В.

Севастопольский филиал

Саратовского государственного социально-экономического университета

«Кто знает одну религию – не знает ни одной»

Макс Мюллер

Каждая нация имеет свои непреложные ценности. Для армян это их история, язык, культура, религия. Религия позволяет человеку не потеряться в современном мире, помогает ему оставаться самим собой в общении с представителями других наций, конфессий, культур. Традиционно армянский этнос ассоциируют с Армянской Апостольской Церковью (ААЦ). И это закономерно, учитывая ту огромную роль, которую сыграла Церковь в деле сохранения армянского этноса на всем протяжении ее многовековой истории.

После утраты армянами своей государственности ААЦ в течение столетий была единственной национальной организацией армянского народа, обеспечившей его этнокультурную консолидацию вне зависимости от расселения. В этом ее уникальная историческая роль [1, с. 98].

Однако армянский этнос неоднороден по своей конфессиональной принадлежности. Известны группы армян, придерживающихся другого вероисповедания, других конфессий. Существуют армяне–мусульмане, армяне - протестанты, цаты – исповедующие греко-православие армяне или халкидониты, а также армяне-католики или франки и др. Но если в ислам армяне обращались, как правило, вынужденно, насильственным путем, то в христианские конфессии они переходили чаще осознанно, по тем или иным соображениям.

Целью данной статьи является анализ истории развития и распространения католицизма среди армянского этноса в Украине и в Крыму, в частности.

Предыстория Армянской Католической церкви начинается в XI-XII вв., когда прокладывая путь в Святую Землю, крестоносцы установили тесные религиозные и военные контакты с армянами-христианами Киликии в Малой Азии [14].

Христианская армянская Киликия, находившаяся во враждебном окружении мусульманских государств, остро нуждалась в союзниках и поддержке, поэтому, охотно пошла на контакты. Непосредственное общение представителей двух христианских традиций и сложившийся военный союз против мусульман привели к тому, что между киликийскими армянами и Римом была заключена уния, просуществовавшая с 1198 по 1375 гг. Она распалась только после падения Киликийского царства под натиском египетских му-

сульман-мамлюков. Уже в те времена в церковную традицию и богослужебный обиход армян вошли многие латинские обычаи. Среди киликийских армян и после распада государства традиционно сохранилась тенденция к церковному союзу с Римом. В начале XVIII века армянские епископы Алеппо и Мардина выступали за переход в католичество. В 1741 г. новоизбранный католикос Киликии Авраам Арджвинян открыто высказался за унию с католической церковью и получил паллий из Рима. В 1742 г. Папа Бенедикт XIV установил армянский католический патриархат в Киликии. Однако большая часть священнослужителей ААЦ не поддерживали этого стремления и начали преследование своих проримски настроенных соотечественников, именовавшихся франками. Многие армяно-католики стали жертвами этих гонений.

Другим крупным ареалом соприкосновения армян с католиками была территория современной Украины и, в частности, Крым. Уже в XIII веке значительное количество армян служило в войсках галицкого князя Льва Даниловича, а на территориях от Подолья до Галиции образовались значительные армянские поселения. На этих землях существовала и Армянская Церковь, чей архиепархиальный кафедральный собор находился во Львове. Львовский Католикос являлся предстоятелем армян Всея Руси и Валахии. Границы его епархии распространялись на Галицию, Волынь, Молдавию вплоть до столицы Золотой Орды – Нового Сарая Бату [5, с. 8]. В XVII в. под давлением польского государства и католической церкви осуществлялось насильственное окатоличивание жителей Западной Украины. Точно так же, как это произошло и с местной православной общиной, армянского архиепископа Львова тоже вынудили подписать унию. Армянская Апостольская Церковь занимала резко негативную позицию по отношению к миссионерской деятельности Рима среди армян. Тем не менее, в середине XVII века наиболее значительная армянская колония в Западной Украине, насчитывавшая 300 тыс. армян, под мощным политическим и идеологическим давлением была вынуждена принять католичество.

В 1630 г. львовский армянский архиепископ Николай Торосевич торжественно провозгласил унию армянской архиепархии со Св. Престолом. Безусловно, этот шаг расценивался многими как отпадение от исконной традиции и вызвал серьёзную оппозицию, которая была преодолена лишь к концу XVII века. Однако, Львовская уния армян оказалась прочной и долговечной, и армянская католическая архиепархия Львова, подчинявшаяся непосредственно Святейшему отцу, просуществовала до момента её физического уничтожения коммунистами в 1944 г. Почти половина верующих армян, 2500 человек, была сослана в Сибирь, а их предводитель, отец Дионисий Каетанович был арестован и скончался в ссылке в 1954 г. Большая часть имущества армянских католических церквей Львова, Ивано-Франковска, Тисменицы, Лисеци, Снятина, Бережани, Городенки, Кута было национализировано [3].

Крымские колонии, в которых с XIII в. жили католики-итальянцы, стали местом миграции для многих выходцев из Армении, подвергавшейся с XI в. жестоким нашествиям со стороны византийцев, сельджуков и татаро-монголов. Вот как описывает эти события куратор армяно-католиков Екатеринодара патер Эммануил Машур : *«В 1239г. Хань Чармагань татарь завоевалъ Армению большим количествомъ войскъ. Он взял много городов и ихъ разрушилъ, въ числе техъ городовъ была тоже знаменитая столица армянъ Ани и одну часть жителей он увелъ въ татарстанъ. Но там армяне много страдали от татарь, и когда они слышали, что христиане генуэзцы владели частью Крыма, в 1299 году многие из них приехали в Крым и жили в Феодосии и в окрестностях ея. Армяне в Феодосии через короткое время имели большие успехи въ коммерции. Они очень обогащались и размножались. В Крыму они образовали до 100 тысяч семейств. Они устроили много церквей и монастырей. Генуэзцам армяне очень понравились»* [12, с. 19-20].

Как известно, раздел Римской империи в 395 г. привел к образованию двух религиозных центров – в Риме и Константинополе. Это имело серьезные последствия для судеб христианства. Указанное разделение положило начало формированию и соперничеству двух самостоятельных конфессий – католицизма и православия. Однако попытки восстановления единства Вселенской церкви предпринимались Римом неоднократно.

В XIII в. начинается миссионерская деятельность Римско-католической церкви в Крыму. Важнейшими миссионерскими католическими центрами были генуэзские колонии в Северном Причерноморье. Армянские поселения оказались в зоне их влияния. Для распространения католицизма среди крымских армян Римская церковь пользовалась разными методами и приемами. В основном это были пропагандистские ухищрения, но иногда применяли и насилие, несмотря на то, что из центра их наставляли делать свое дело с большой осторожностью и умением: *«Необходимо очень внимательно и дружелюбно относиться к армянскому католику, архимандритам и попам, – написано в одном из наставлений миссионерам, – потому что армяне, увидев, что миссионеры дружат с их духовными вождями, с доверием и без подозрений будут прислушиваться к проповедям миссионеров. Так как армяне слишком преданы своим обрядам и обычаям, необходимо для успеха католической религии довольствоваться только тем, что они признали вероисповедание католической церкви, а обычаи и обряды надо оставить неизменными»* [10, с. 72].

Предпосылки обращения армян в католицизм в Крыму были налицо. Уже в конце XIII столетия в католицизм обращались богатые армяне-торговцы, серьезно конкурировавшие с генуэзскими торговцами-католиками. В условиях генуэзского господства это сулило значительные материальные выгоды и привилегии.

По свидетельству жившего в XIX в. В. Кондараки, автора «Универсального описания Крыма», в католицизм переходили в основном самые богатые и честлюбивые из армян. Вероятно, армянская аристократия жаждала преимуществ и равноправия в генуэзских колониях, где господствовали итальянцы-католики [13].

Вслед за периодом миссий, в XIV в. начинают возникать католические епископства в Крыму. Активной миссионерской деятельностью в Кафе занимались монахи-доминиканцы. В 1333 г. армяне-католики (доминиканцы) открыли в Кафе свой монастырь. В этот период епископ Тадеос перевёл с латыни на армянский язык «Книгу толкования литургии». В середине XV в. в городе уже действовали три орденские обители, одна из которых была францисканской [2].

Часто именно здесь готовили проповедников для армян, обучая их армянскому языку. Братья-доминиканцы пользовались латинским обрядом, переведя его на армянский язык. Служба в армянских католических храмах велась на армянском языке. Литургия Армянской Католической Церкви практически идентична богослужебному обряду в Армянской Апостольской Церкви, за некоторыми незначительными исключениями. Особенностью армян-католиков является то, что армянские священники служат полную литургию каждый день, однако, в будние дни литургия не пропевадается, как обычно, а прочитывается [3].

Особая роль в миссионерской деятельности среди армян принадлежит так называемым «братьям унии» (*fratres unitores*), основанной в 1320 г. и ныне уже не существующей армянской монашеской общине, связанной с доминиканцами.

В 1439 г. состоялся Ферраро-Флорентийский собор, в котором принял участие и армянский католикос Константин VI. На соборе была обнародована булла папы Евгения IV «*Exsultate Deo*» о воссоединении Армянской Апостольской церкви с Римом. Данный декрет не дал немедленных результатов, хотя и послужил догматическим основанием для будущей Армянской Католической Церкви [13].

Принятие унии, а также тесные связи армян Крыма с западно-украинскими землями, находившимися под властью католической Польши, способствовали увеличению числа католиков. Каффа стала одним из центров подготовки католических миссионеров, отправлявшихся на Восток [2].

Однако успехи католических миссионеров среди крымских армян были незначительны, признание же частью армян католической веры чаще носило временно-конъюнктурный характер, ограничиваясь лишь формальным признанием верховенства Папы [10, с. 74].

В 1475 г., после захвата Крыма турками, влияние Римской католической церкви практически сошло на нет. *«В Крыму под владением турок религиозные требы и обязанности для армяно-католиков отправляли армяно-католические священники, пришедшие из Польши,*

которые тайно от армяно-григориан и от турок, инкогнито, под женскими платьями отправляли свои духовные обязанности», - отмечает Патер Эммануил Машур [12, с. 21].

Лишь в 1772 г., когда русское правительство завладело Крымом, армяно-католики с разрешения российского правительства взяли в Феодосии одну из 24 церквей, в честь святого Агарона, принадлежащих армяно-григорианам и отправляли там богослужение.

В 1777 г. армяне-католики в числе прочих армян были депортированы из Крыма. Приблизительно 80 семейств армяно-католиков поселились на берегу реки Днепра около Екатеринослава. Там они построили одну деревянную церковь, которую латинский архиепископ Станислав Богуш-Сестренцевич освятил в 1784 г.

«В 1779 году, ноября 14-го дня, Екатерина II дала через Патера Якова Вартересевича различныя особенныя преимущества армяно-католикамаъ. Они имели свой особенный судъ: они из своего народа избирали своего судью. Они пользовались свободною торговлею внѣ и внутри государства. Имъ позволено было строить церкви и колокольни съ свободнымъ отправлениемъ въ оныхъ всехъ церковныхъ службъ и духовныхъ чиноположений. Эти привилегии император Павелъ тоже утвердилъ в 1800 году, апреля 18-го дня. В 1804 году, января 30-го дня, Александр I утвердилъ опять эти же привилегии» [12, с. 23].

В 1790 г. армяно-католики переселились из Екатеринослава в Карасубазар, где они и построили в 1793 г. деревянную церковь во имя святого Григория. *«Но такъ какъ то место было для церкви неподходящее, по этому они потом купили на берегу реки Карасовка другое высокое место: там они въ 1813 году, марта 27-го дня, подъ руководствомъ Патера Хачадуря Дугаянъ заложили фундамент церкви. Постройка новой церкви окончилась въ 1813 году, февраля 2-го дня, и в тот же день там первая торжественная обедня отправилась»* [12, с. 24].

В 1826 году в Карасубазаре было 150 семейств армяно-католиков.

С первой четверти XVIII в. армяно-католики начали переселяться из Карасубазара в разные города России, где они, в отсутствие армяно-католических церквей и священников, вынуждены были посещать латинские храмы, что привело к их ассимиляции. Большая часть армяно-католиков, вышедших из Карасубазара, перебралась в Симферополь, где с 1863 г. имела свою приходскую церковь и церковную школу.

В 1883 г., с разрешения правительства, под армянскую католическую церковь была отреставрирована древняя католическая церковь в крепости Судак. Вот как описывает эти события в своей книге священник Керовбе Кушнарев: *«... Около одной из этих святынь 2 октября 1883 г. теснилась толпа богомольцев. Святыня эта находится между руинами древней Солдаи и стоит на отвесной скале, возвышающейся над морем; вокруг нея гордо вздымаются стройные башни с готическими надписями ...В 10 часов утра маленький колокол, висящий на паперти здания, весело приглашал молящихся к себе... Хотя церемония не продолжалась более двух часов, но смело можно сказать, что она доставила всеобщее удовольствие присутствующим. Причина очень ясна: многовековой храм божий, который еще четыре месяца тому назад представлял собою груды развалин, теперь, по крайней мере внутри, сиял чистотой и приличной обстановкой»* [8, с. 6].

К XVIII в. среди армян насчитывалось достаточно исповедников католической веры для того, чтобы Папа Бенедикт XIV мог специальной буллой создать отдельную иерархическую структуру для армян-католиков.

В архивных документах второй половины XVIII – начала XIX вв. упоминаются армянские католические приходы в Крыму, Одессе и Николаеве [3].

Помимо официальной иерархии Армянской Католической Церкви, с начала XVIII в. существует и армянский католический орден мхитаристов, названный так в честь Св. Мхитара Севастийского. Братство мхитаристов основано в 1701 г. в Константинополе Мхитаром Себастици, увлечшимся деятельностью католических миссионеров. В 1712 г. он основал монастырь на острове Сан-Ладзаро дельи Армени в Венеции.

Ещё одна группа мхитаристов обосновалась в 1811 г. в Вене. Обе общины уже долгое время занимаются научной деятельностью в Европе и на Ближнем Востоке и являются наиболее значимыми центрами армянской культуры в мире.

Приспособившись к местным политическим условиям, братия монастыря (мхитаристы) признала примат папы римского; тем не менее, эта община и возникшее её ответвление в Вене старались оставаться в стороне от пропагандистской деятельности католиков, занимаясь исключительно научно-просветительской работой, плоды которой заслужили всенародное признание.

«Мхитаристы выказали себя какъ неутомимые издатели и переводчики. Въ качествѣ переводчиковъ Мхитаристы представили переводы какъ съ древнихъ, такъ и съ новыхъ языковъ. Благодаря имъ, арм. литература обогатилась переводами творений древнихъ классиковъ: Гомера, Виргилия, Горація, Фукидида, Еврипида, Ксенофонта, Саллюстія, Тацита, Цезаря, Цицерона, Плутарха и др.; переводы эти были исполнены на др.-арм. языкѣ съ замѣчательною изящностью и въ то же время очень близко къ оригиналу» [6, с. 168].

На острове у мхитаристов часто останавливался Джордж Байрон, который знакомился с армянской культурой и изучал армянский язык.

В течение зимы 1816 г. по несколько раз в неделю Байрон пересекал лагуну, навещая монахов острова Святого Лазаря. Его письма свидетельствуют: *«По утрам я улываю в своей гондоле, чтобы брать у монахов уроки армянского языка, который дается мне с трудом... мой ум жаждал освобождения с помощью тяжелой нагрузки... Это оказалось самым трудным, что мне удалось найти... алфавит – битва при Ватерлоо»* [6, с. 169]. Байрон не только выучил армянский и сделал переводы с армянского в монастыре в Венеции, но и составил со своим учителем армяно-английские грамматические учебники, англо-армянский словарь и написал свое знаменитое «Предисловие», в котором он ставит цель – освобождение армянского народа из-под ига турецких пашей и персидских сатрапов.

Интересный факт: Наполеон, дойдя до Венеции, сжигал по пути все книги, но библиотеку мхитаристов пощадил. Оказывается, телохранителем его пасынка, вице-короля Италии, был Петрос Карабахци, при содействии которого он познакомился с мхитаристами и приехал на остров. Впечатлившись деятельностью вардапетов, вице-король ходатайствовал перед Наполеоном о сохранении библиотеки. В 1810 г. указом Наполеона армянский Орден был признан академией, а монахи – академиками. У монастыря были и другие привилегии: например, мхитаристам разрешалось иметь собственное кладбище на своей территории [6, с. 171].

Надо отметить, что и армянское католическое духовенство, и целый ряд видных представителей армяно-католиков сыграли существенную роль в деле сохранения армянского этноса, в возрождении национальной культуры армян.

Учеником Венецианской академии св. Лазаря был Карасубазарский армянский католический священник архимандрит Минас [Медици] Бжишкян, видный филолог, историк, музыкант и педагог. Он прибыл в Крым в 1821 г., и до 1846 г. проживал в Карасубазаре (ныне Белогорск). В 1830 г. в издательстве Венецианских мхитаристов острова св. Лазаря на староармянском языке была издана его книга «Путешествие в Польшу и другие места, населенные армянами, выходцами из древнего столичного города Ани». В переводе на русский язык публиковались только отдельные выдержки из книги.

Другим ярким представителем мхитаристов был Габриел (Гавриил) Айвазовский, брат мариниста И. Айвазовского. Г. Айвазовский был крещен в Армяно-григорианской церкви Св. Георгия. Начальное образование он получил в Феодосийском уездном училище, а затем его отдали на обучение знаменитому Минасу Медици. Заметив в молодом Айвазовском необычайные способности к языкам (впоследствии Г. Айвазовский свободно владел 12 языками) и его рвение к наукам, Медици послал юношу в 1826 г. на обучение в Венецию, в Академию Св. Лазаря, при монастыре Ордена мхитаристов. В 1830 г. Г. Айвазовский был подстрижен в монахи этого Ордена, а в 1834 г. возведен в сан священника [7].

Получив звание профессора, Айвазовский стал преподавать в Академии Св. Лазаря в Венеции, а затем был переведен директором парижского лицея Мурадян. Он преподавал армянский язык и историю, писал педагогические труды, и создавал новые учебники. Г. Айвазовский подчеркивал, что образование больше просветляет мысли, воспитание же приводит в порядок людские сердца. Габриел сделал множество сочинений средневеко-

вых авторов переводов с немецкого и итальянского языков. За большие научные заслуги он был избран членом-корреспондентом Парижской Академии, членом Парижского Азиатского общества и членом многих других научных обществ во Франции и Италии.

Завистники среди монахов Ордена мхитаристов и некоторых представителей высшего духовенства, обвинили Айвазовского в «насаждении армянского национализма», вопреки «духу и доктрине католичества», и Габриел возвращается в лоно ААЦ (по другой версии, в 1856 г. Габриел по настоянию младшего брата Ивана Айвазовского отказывается от католичества и возвращается в лоно ААЦ [9, с. 27].

В Карасубазаре родился и жил известный арменовед и историк Керовбе Кушнерян (1841-1891 гг.). Он тоже учился у венецианских мхитаристов. В Крыму он стал деканом всех католических церквей. После его смерти, в Феодосии и Венеции была издана на армянском языке книга "История колонизации армян в Крыму". Этот труд не потерял исторической ценности и в наши дни. Он владел несколькими языками и переводил на армянский язык стихи Пушкина, Крылова, Лермонтова, Шевченко [7].

Там же, в Карасубазаре, жил и работал видный филолог, историк, музыкант и педагог Минас Бжишкян [Мина Медици]. В 1820 г. Минас Бжишкян предпринял большую поездку с целью ознакомления с положением армянских переселенцев, проживающих в странах Восточной Европы, изучения памятников материальной культуры, рукописей и документов.

Он побывал в наиболее крупных армянских колониях и обобщил итоги этой поездки в книге, изданной в Венеции в 1830 г. В ней которой содержались ценные сведения по истории, культуре, этнографии армянских поселений Восточной Европы. Среди армян-католиков в Западной Украине можно назвать Садок Баронча (при рождении получил сразу два имени – Винцент и Ферериуш) – галицкий польский историк, фольклорист, архивист, монах-доминиканец. В 1866 г. он на собственные средства издает «Басни, анекдоты, легенды, пословицы и песни на Руси».

Ну и, конечно же, нельзя не вспомнить блестящего ученого-химика, врача и фармацевта, известного, прежде всего, как первооткрыватель минеральных вод Трускавца и один из первых исследователей минеральных вод Немирова, Шкло и т.д. Теодора Торосевича.

В рамках одной статьи невозможно показать роль каждого армяно-католика в развитии культуры в Украине и, в частности, в Крыму.

О количестве армян-католиков имеются разные данные, которые колеблются в пределах 200-300 тысяч. По данным «Календаря 1916 года» в Российской империи проживали 61240 армян - католиков (172 города и села, 71 церковь, 71 священник). Главой Армянской Католической Церкви в наше время является патриарх Жан Пьер (Оганес Петрос) XVIII Каспарян (род. в 1927 г., избран в 1982 г.), титул: Патриарх Киликийской Армении, резиденция в г. Бейрут (Ливан) [4].

Духовным наставником армян-католиков России, Восточной Европы, Армении и Грузии является знаменитый Мхитаристский писатель, историк и филолог архиепископ Нерсес Тер-Нерсесян.

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что отсутствие католических церквей армянского обряда, вынужденная необходимость посещать латинские церкви, где служили иностранные священники, привели к тому, что католичество среди армян стало отождествляться с «франкизацией», т.е. с религиозной и культурной денационализацией, отход от ААЦ приводил армяно-католиков, ввиду их малочисленности, в конечном итоге, к потере национальных обычаев и традиций, а армяно-католики постепенно ассимилировались.

Источники и литература.

1. Алов А.А., Владимиров Н.Г., Овсиенко Ф.Г. Католицизм, протестантизм, Армянская Апостольская Церковь в России». М.,1995. 111 с.
2. Араджиони М.А. Армяне. [Электронный ресурс] // Сайт «Крымские армяне». Режим доступа: <http://reskomnac.ark.gov.ua/mejnacotnosh/atnich-atlas-krima/125-armyane>

3. Армянская католическая церковь. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://drevo-info.ru/articles/2783.html>
4. Селицкий А.И. Армяне Малой Армении (Киликии) в XIX в. были в основном армяно-католиками? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.mashtots.ru/istoriya-armyan-kubani/nauchnye-raboty/iz-istorii-armyano-katolikov-na-severnom-kavkaze>.
5. Ароян С.В. Краткая история Армянской католической церкви. [Электронный ресурс] // Сайт Армянская Католическая церковь. Режим доступа: <http://armeniancatholic.info/ru/index.php>
6. Багдыков М.Г. Очерк о предводителе армян России Основателе Нахичевани-на-Дону архиепископе Иосифе Аргутинском-Долгоруком // История (№23 [53] 08.12.2000.
7. Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М.: Типография Кушнерев и К°, 1898. 613 с.
8. Габриелян О.А., Григорян Т.А., Липунов И.С. Крымские Армяне [Электронный ресурс] // Сайт «Крымские армяне». Режим доступа <http://kao.org.ua/kultura/dejateli-nauki-i-kultury/kahtsatsjan-andreas>
9. Кушнарев. Судакская долина и Генуэзская древняя капелла Феодосия. М.: Тип. А.Б.Натковича и Н.М. Винниковича, 1904. 18 с.
10. Левичев И. Сеятель просвещения // Победа № 39 (15420) от 8 апреля 2010.
11. Микаэлян В.А. История крымских армян. К.: ООО «Энергия плюс», 2004 224 с.
12. На пути к католическому единству - Армянская Церковь. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://armcatholic.livejournal.com/53303.html>
13. Эммануил Машур (патер). Несколько слов об армяно-католиках Карасубазара 1813-1913 (на арм. и рус. яз.). Тифлис: Электротпечатня Н.Г. Аганьянц, 1913. 32 с.
14. Юдин А. Армянская католическая церковь. [Электронный ресурс] // Сайт «Католическая церковь». Режим доступа: <http://otrestavrirovat.ru/ru/library/encchurch.html>.

**ФРАНЦУЗСКИЕ МАСТЕРА, ПРОМЫШЛЕННИКИ И РЕМЕСЛЕННИКИ
В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ НОВОРОССИЙСКОГО КРАЯ
В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКОВ**

Сидорович Е.С.

Институт истории Украины НАН Украины (г. Киев)

Российское правительство проявляло значительный интерес к хозяйственному освоению Новороссийского края, что стало одним из основных рычагов в переселенческом движении иностранцев на юго-запад Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв. Центром французской иммиграции в обозначенный период стали губернии Новороссии. Причины приезда иммигрантов были разнообразными: политическими (эмигранты периода Великой французской революции), коммерческими и др. Независимо от причин переселения, французы внесли существенный вклад в экономическое развитие региона. Однако данный вопрос освещен в научной литературе лишь фрагментарно.

Основная цель статьи – провести комплексный анализ ведущих исследований российских, украинских и иностранных ученых по данной тематике, чтобы реконструировать общую картину влияния французских иммигрантов на становление Новороссийского края.

Источниковой базой исследования являются юридические документы, кодифицированные в Полном Собрании Законов Российской империи, содержащем, частности, законоположения, создававшие условия для успешной натурализации французов на юге страны [9-19, 23-24]. Историографической основой исследования стали дореволюционные, советские и постсоветские (современные) изыскания историков по истории колонизационного движения на Юге современной Украины.

Дореволюционная историография. Общую картину промышленного развития Новороссии, с упоминанием некоторых известных французских хозяйственников, представил офицер генерального штаба А. Шмидт [28, 29]. Российский исследователь А. Скальковский, рассматривая различные аспекты истории Новороссии, упоминает иностранцев, которые принимали участие в развитии различных сфер экономики края [25]. Английский исследователь Х. Сеймур, изучавший внутреннюю политику Российской империи в Причерноморье, приводит данные о деятельности отдельных французских предприятий на территории Крымского полуострова [31]. Записки Одесского общества истории и древностей содержат целый комплекс публикаций по изучаемому в настоящей статье вопросу. Н. Мурзакевич обобщил данные о льготах и привилегиях, которые получали французские переселенцы [7]. К. Смольнянов, характеризуя историю дореволюционной Одессы, сообщает данные и о деятельности «французских одесситов» [26]. А. Де-Рибас, исследуя влияние французских эмигрантов на развитие промышленности города, указывал на активизацию их деятельности в различных сферах экономики Одессы [3]. Новороссийские адрес-календари (за 1841 и за 1849 гг.) дают возможность проследить ареал расселения французов в регионе [8]. Особое место в дореволюционной историографии занимают записки путешественников. Важными для настоящего исследования являются воспоминания А. Демидова, который путешествовал по югу современной Украины и описывал работавшие там в первой половине XIX в. предприятия (в том числе французские) [30].

В советской историографии также уделялось внимание становлению промышленности региона и деятельности французских специалистов на юге России в исследуемый период. И. Певзнер обобщил данные о развитии суконной промышленности в Новороссийском крае [22]. А. Фадеев рассматривает основные отрасли хозяйства, в которых принимали участие иммигранты [27]. Е. Дружинина изучала развитие промышленности в степной части Украины, особенно – заводов коммерции советника Вильгельмина Рувье [4].

Постсоветская историография в настоящем исследовании представлена работами ведущих украинских исследователей. Херсонский краевед и архивист З. Орлова, анализируя документы Государственного архива Херсонской области, касается деятельности в Новороссии французских иммигрантов [20, 21]. Научный сотрудник НАН Украины А. Машкин, описывая общее влияние иностранцев на экономическое развитие Украины в конце XVIII – первой половине XIX вв., акцентирует внимание на деятельности этих переселенцев в промышленном становлении южных губерний Российской империи [5, 6]. Историк П. Герлиги, освещая историю развития Одессы, упоминает живших и трудившихся в городе известных французских мастеров [1].

Конец XVIII – первая половина XIX вв. стали поворотным периодом в натурализации французских иммигрантов на юге современной Украины. Присоединение и освоение новых земель заставило царское правительство принять меры к заселению этого региона, что, в свою очередь, существенно активизировало приезд на территорию Новороссийского края специалистов и мастеров из Франции, представлявших разные отрасли хозяйства.

Российское правительство поощряло экономические инициативы представителей западноевропейских наций. Офицер генерального штаба А. Шмидт так характеризовал условия их жизни в южных степях: *«Живут преимущественно в Одессе и небольшая часть в остальных губерниях. Образ жизни и нравы их вполне разнохарактерны и мы можем здесь сказать только то, что большая часть из них составила свои капиталы здесь же в Одессе и в Херсонской губернии и указать на другую, общую им черту, что весьма немногие из них отличаются истинным образованием. В Одессе они находятся в таком числе, что составляют особое общество, и притом, более оседлое, чем живущее там Русское дворянство, которое принадлежит или к немногим аристократическим фамилиям, временно там поселяющимся и живущим уединенно, или к чиновному люду, занесенному сюда служебной деятельностью, или, наконец, к сословию помещиков, приехавших по делам или для удовольствия, пока средства позволяют. Поэтому иностранцы здесь имеют значение основного элемента общества, которое и отличается многими особенностями. Одесские негоцианты отличаются от иностранных тем, что сделались негоциантами здесь же в Одессе, составив капиталы из ничего, и потому, не имеют ни соответствующего образования, ни подготовки, чтобы стать в уровень со своим положением. Количество денежных оборотов утверждает здесь за аферистом имя негоцианта, а о соединении с этим именем идеи высшей коммерческой образованности здесь и не думают»* [28, с. 537-538].

Следовательно, французы, как и остальные иностранные подданные, находились в привилегированном положении, что, в свою очередь, позволяло им более продуктивно влиять на развитие региона Северного Причерноморья, тем более что царское правительство создавало благоприятные условия для деятельности французов в южных губерниях. Еще во второй половине XVIII в. российское правительство осознало целесообразность создания законодательной базы, которая позволила бы привлечь к развитию Новороссийского края специалистов из Западной Европы. Так, 7 января 1764 года был издан Указ, в котором шла речь о приглашении корабельных мастеров из Франции для строительства флота. Этим специалистам также вменялось в обязанность обучить российских ремесленников своему делу [10].

Российское правительство было также заинтересовано в переселении западноевропейских промышленников. Поэтому, со 2 октября 1795 г. все иностранцы, которые записывались в мещанство новых городов Екатеринославской губернии, освобождались на 10 лет от казенных платежей и воинской повинности [2], что в свою очередь увеличило приток французских переселенцев в регион.

Нормативная база Российской империи дает возможность подробно проследить рост влияния французов на становление юга Украины. В конце XVIII в. французские подданные принимают активное участие в разведении в Новороссии овец. Согласно докладу Экспедиции государственного хозяйства от 20 июня 1797 г. на территории Таврии проводился сбор средств на создание и развитие овцеводческого завода [17]. 12 августа 1797 г. на собранные деньги предприятие было открыто; для него за 6 тыс. рублей закупили 2 тыс. овец [18].

Французы также приняли активное участие в развитии суконного производства на территории Российской империи. В соответствии с указом Сената от 15 января 1798 г. фабрики, находившиеся на юге страны (некоторыми из них владели французы), должны были нарастить количество работников для увеличения количества изготавливаемой ткани [11].

Мастера французского происхождения на законодательном уровне получили льготные условия деятельности. Эти привилегии были прописаны в Указе от 22 марта 1801 г. В документе говорилось о свободном пропуске иностранных подданных, которые задействованы в разных: «... *промыслах, художествах, мастерствах и всяких других надобностях...*», на территорию Российской империи, в том числе и в Новороссию [16].

В начале XIX в. роль французов в развитии экономики Новороссии еще более возрастает, как и их привилегии и ответственность за их эффективную реализацию. В докладе министра внутренних дел от 12 января 1804 г. говорилось, что каждый овцевод может получать землю в размере одной десятины на овцу. Вначале земли выдавались на 10 лет. Если предприниматель не выполнял взятых на себя обязательств, правительство Российской империи могло забрать его участок в государственный земельный фонд и взыскать налог в размере 20 копеек с десятины за каждый год [15].

Были также законодательно прописаны основные условия деятельности французских мастеров и ремесленников на территории Херсонской и Таврической губерний. В соответствии с Указом от 27 мая 1807 г. все иностранцы получали право переходить в подданство Российской империи, а также могли записываться в мещанство, цехи и др. [14].

Французские иммигранты привезли на юг Украины новые методы обработки хозяйственного сырья. Доклад военного министра от 10 декабря 1808 г. содержит представление проекта француза Тишона об улучшении качества муки [19].

В первой половине XIX в. из-за интенсивного наплыва иммигрантов вводится ряд мероприятий по уменьшению их потока. Согласно Положению Комитета министров от 25 октября 1819 г. российским миссиям и консулам было запрещено выдавать паспорта французским и другим иностранным мигрантам, которые переходили границу государства [13]. Таким образом, был временно сокращен поток новых французских переселенцев.

Однако российское правительство продолжало поддерживать предприятия французов. Так, французский изобретатель Кольсон получил приглашение приехать в Россию и льготы на внедрение своих инноваций. Ему было дано 100 десятин земли. Кроме того, он получил от царского правительства 1,5 тыс. рублей [24]. Государственная поддержка продолжала выражаться и в льготах на получение подданства. Согласно Указу Сената от 14 мая 1824 г. все иностранцы по-прежнему могли записываться в мещанство и цехи [12], т.е. подтверждался Указ от 1807 г.

Интенсивное экономическое развитие Новороссии стало причиной дальнейших изменений в законодательстве о переселенческой политике. С 7 декабря 1827 г. иммигранты, которые желали перейти в русское подданство, получали право на поселение в «льготных» городах Новороссийского края. При этом были предоставлены определенные льготы и для французских специалистов [2, с. 165].

Таким образом, в первой половине XIX в. законодательная база Российской империи создала благоприятные условия для переселения французских промышленников, мастеров и ремесленников на территорию Новороссийского края и позволяла им плодотворно вести экономическую деятельность.

Со второй половины XVIII в. французы принимают активное участие в строительстве городов Новороссийского края, в частности, крепости Херсон. Для её постройки были «выписаны» каменотесы Вексель и Лалмемань [20, с. 30-33]. Их пригласил 13 ноября 1785 года российский посол в Париже И. Симолин. Мастера получили 400 ливров на приобретение инструментов и 600 ливров на дорогу в Россию. В числе строителей Херсона значится также архитектор К. Буржуа [7, с. 375]. Некоторые из этих специалистов были задействованы также в строительстве города и порта Одессы. В 1796 г. был подписан договор между местной властью и херсонским помещиком, французом И. Дофине, который обязался закончить строительство церкви Святой Екатерины к августу 1797 г., за что получил 18850 рублей [26, с. 357].

Огромный вклад внесли французские переселенцы в становление промышленности южных губерний Российской империи. Советский исследователь И. Певзнер, анализируя развитие суконного производства, указывает, что в конце 90-х годов XVIII в. при их непосредственном участии резко возросла роль предприятий, использовавших наемную рабочую силу [22, с. 228-229].

В экономической жизни Новороссии известны целые семьи французских предпринимателей. Одним из наиболее выдающихся был род Вадонов, которые на протяжении всего XIX в. владели заводами и предприятиями на территории города Херсона. З. Орлова указывает, что Жозеф Вадон открыл здесь свою знаменитую «Кузницу» в первой половине XIX в. [21, с. 70-71], в дальнейшем число его предприятий неуклонно увеличивалось.

Еще одним известным предпринимателем Новороссийского края был коммерции советник Вильгельмин Рувье. В 1805 г. этот француз заключил договор с царским правительством, согласно которому он получал ссуду до 100 тыс. рублей ассигнациями и 30 тыс. десятин земли в хозяйственное распоряжение. В. Рувье должен был начать в Крыму разведение меринсов, выписанных из Испании и увеличить их количество до 100 тыс. голов [29, с. 223-224]. В 1808 г. его предприятие обследовал присланный из Петербурга чиновник А. Жеребцов, который так охарактеризовал увиденное: *«Заведение овцеводства господина коммерции советника Рувье, в урочище Текие в двадцати верстах от Симферополя и за Перекопом в урочище Джаралгач состоящее, весьма малозначуще до сих пор. При осмотре моем нашел я в первом баранов гишпанских 6, овец той же породы – 200; ягнят, от них родившихся, одногодков – 400, двухгодовалых – 15. Овец вологских 2007, от них родилось в нынешнем году 600»*. В отношении ухода за овцами дело обстояло почти так же плохо, как и в крестьянских хозяйствах, что следовало, очевидно, объяснить недостатком рабочей силы у Рувье. *«А из хозяйственных для сего строений, – продолжал Жеребцов, – ничего, кроме одного старого сарая, нет. В последнем же 52 барана, которые от гишпанских в Крыму произошли, от них ягнят 366. Вологских 7028, от коих молодых 3632; настоящих же меринсов породы не отыскал я ни одного. Все овцы пасутся в степях без малейшего разбора, и ни для сбережения оных в зимнее время, ни для отделения больных от здоровых, ни одной породы от другой никакого заведения не сделано»* [4, с. 243-244].

В дальнейшем деятельность «заведения» коммерции советника несколько улучшилась. Согласно отчету таврического губернатора, уже в 1811 г. он имел 18895 овец, в том числе: испанских (трех поколений) – 8254, цыгайских (первое поколение) – 4833, вологских – 5801. Кроме того, у предпринимателя было 1509 коз и небольшое число волов и лошадей, которые использовались в качестве тягловой силы. К концу 1812 г. В. Рувье не хватало 1,5 тыс. овец до нормы, которую ему полагалось иметь (25 тыс.). Однако бедствия, разразившиеся над южной Украиной в 1812-1813 годах, сказались и на его хозяйстве. Вместо 30 тыс. овец у него осталось к концу 1813 года только 19206 овец, да и те, по словам губернатора, находились *«в болезнях, без хорошего присмотра и без надежного в нужное время убежища»* [4, с. 243-244].

Российское правительство, которое поощряло разведение тонкорунных овец в южных степях, раздавало земли и другим французским помещикам для основания заводов. С 1816 г. был разрешен экспорт шерсти за границу, что привело к интенсификации производства этой продукции. В результате поголовье овец в Причерноморье стало увеличиваться быстрыми темпами. В 1808 г. оно насчитывало более 9 тысяч тонкорунных овец, а в 1823 г. – уже 444 тысяч голов [27, с. 329]. Подтверждение этого факта находим в архивных документах государственных архивов Одесской и Херсонской областей.

Известным предпринимателем был в Новороссии граф К. Сент-При. В 1813 г. он числился главой коммерческого суда [23, л. 1], а в 1816-1821 гг. занимал должность Херсонского гражданского губернатора. В это время он пригласил из Франции Пьера Мулле-на, под руководством которого началось строительство цехов для мытья шерсти в Херсоне на берегу Днепра [20, с. 81-82].

В первой половине XIX века российское правительство продолжило выделение земельных участков под предприятия по разведению овец. Летом 1811 г. еще один предприниматель, одесский негодант д'Эпине подал на рассмотрение проект разведения цыгайских овец

в Новороссийском крае. Царское правительство проект одобрило и наделило его 14 тыс. десятин земли под овцеводство в Ольвиопольском уезде Херсонской губернии [25, с. 176].

А. Скальковский замечает, что российское правительство контролировало ход промышленного развития южных губерний. Например, в первой половине XIX в. граф Кочубей получил от новороссийского генерал-губернатора, графа А. Ланжерона отчет о развитии овцеводства. В нем были перечислены предприятия французов: овчарни В. Рувье, Рено, графа К.Ф. Сент-При, Кобле и др. Исследователь подчеркивает, что один только В. Рувье владел 37 тыс. голов овец и в 1820 году получил с шерсти 112 тыс. рублей прибыли [25, с. 291].

Среди известных французских промышленников следует также выделить негоцианта Рене Осиповича Вассала, который в 1823 г. основал в Херсоне большую шерстомойку. Современник так описывает его предприятие: *«Она устроена на большом острове, образуемом рукавами Днепра, и состоит из многих обширных деревянных зданий. В верхнем этаже работают женщины, которые расщипывают шерсть, уже вымытую, и разбирают ее по сортам; в нижнем устроено множество чуланов, из которых в каждом хранится особый ряд шерсти. Здесь же находится пресс. Этим прессом уминаются тюки с шерстью. Он состоит из простого винта, поворачиваемого посредством горизонтальных рычагов, а потому далеко не представляет тех выгод, какие можно иметь с помощью гидравлического пресса. При осмотре промывания нам представилось зрелище истинно живописное, носившее такой отпечаток местного характера, что нельзя оставить его без описания. Чаны же, в которых производится мытье шерсти, установлены на больших плотках; мытьем занимаются 200 девушек от 18 до 20 лет, находящиеся под надзором нескольких пожилых женщин. Мы пришли на мануфактуру сразу после обеда, когда рабочим дается отдых. В жаркую погоду молодые работницы, по существующему здесь обычаю, употребляют время отдыха для купания; а потому на плотках не было почти никого. Зато вокруг плота, на реке, было рассеяно множество плавающих девушек...»* [5, с. 181-182].

Р.О. Вассал, имевший чин камергера Российской империи, имел овцеводческие хозяйства также в Ялте и на Перекопе. Путешественник А. Демидов считал его профессионалом в деле разведения овец чистой породы, т.к. овчарни Р. Вассала развивались на основе новых для того времени методов и технологий [30, р. 454-455].

Иностранцы заводчики (Р. Вассал, К. Потье, граф К. Сент-При, Бонфорт и другие французские переселенцы) покупали шерсть-сырец у помещиков Днепровского, Херсонского и Мелитопольского уездов и перерабатывали в промышленное сырье [28, с. 401]. Они же принимали активное участие в развитии других отраслей промышленности. Так, француз Бенедикт де ля Муре был руководителем мануфактуры в городке Карасу-Базаре Бахчисарайского уезда, где из жирового сырья натурального происхождения изготовлял моющие средства и предметы церковной утвари [5, с. 184].

Французские подданные внесли свой вклад в развитие коневодства, которое приносило им и российскому государству огромные прибыли. Известны заводы в имениях Делакура и графа Ламберта в селе Варваровка Херсонского уезда [28, с. 200-201].

Велик был вклад французских иммигрантов в развитие предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции. Настоящую революцию в переработке муки в Одессе совершил инженер Гом, который был строителем и хозяином введенной в строй в 1850 г. первой в городе пятиэтажной мельницы [5, с. 181-182]. Инженер Гом выписал из Парижа две паровые машины для своего изобретения. Он создал 12 подставок, в которых каждый камень был диаметром 1½ метра. Мельница могла перемалывать 200 четвертей зерна в сутки [28, с. 437].

Французы были также производителями отечественных вин. Одним из самых известных предприятий Новороссийского края была Крымская винная компания француза М. Лангуера, которая находилась недалеко от Судака. Английский исследователь Х. Сеймур описывал ее так: *«... как место для винной компании выбрали Судак как главный район, и вино этого района было всегда популярным.... Крымская винная компания устанавливала изготовление известного другого сорта крымских вин на мировом рынке. Винная продукция приобрела огромное развитие в Крыму с начала века (XIX – Е.С.)»* [31, р. 227].

Фабрики Питанье изготавливали стеариновые свечи. Мыло варили предприятия Любера. Занимались также французы вываркой клея. Поэтому, А. де-Рибас имел все основания написать о французах: «их можно назвать учителями в разных отраслях промысла» [3].

В первой половине XIX в. иностранные подданные возвели в Новороссии несколько казенных учреждений. В 1822 г. коллежский советник Скаси, который был назначен опекуном Керченской и Бугской торговли, поручил инженер-полковнику К. Потье заняться постройкой зданий таможни и карантин [25, с. 308-310].

Некоторые «новороссийские французы» оставили по себе лишь краткие упоминания. Например, французский мастер Пьер Пурро 16 октября 1834 г. «тодал для записи в книгу учеников мещанских детей...» [6, с. 58]. В списках канцелярии Новороссийского генерал-губернатора за 1840 г. значился архитектор, коллежский асессор Франц Карлович Боффо. Тогда же в Одессе пребывал французский переселенец – башмачник А. Кампе [8, с. 134, 258].

Французские иммигранты старались поддерживать друг друга, в том числе финансово. Гоммер де Гель, французский инженер, в 1841 г. дал ссуду В. Рувье для разведения овец-мериносов. Гоммер де Гель также посетил своего зятя Пуатье, на землях которого насчитывалось более 20 тыс. овец. На их семейном предприятии по мытью шерсти было занято более 600 человек [1, с. 58].

Таким образом, французские специалисты, переселявшиеся на территорию степной Украины, способствовали прогрессивному экономическому развитию региона. Ими были построены и налажены многочисленные предприятия, в частности, овчарни и заводы по переработке шерсти. Иммигранты, внедряя новые технологии, способствовали развитию целых отраслей хозяйства, что, в свою очередь, дало толчок развитию экономики юга Российской империи в целом. Поэтому, влияние французов на экономическое развитие Новороссийского края в исследуемый период может оцениваться как прогрессивное. Французы заложили основы дальнейшего развития региона на протяжении всего XIX столетия.

Источники и литература.

1. Герлігі П. Одеса. Історія міста, 1794-1914. К, 1999. 382 с.
2. Городские поселения в Российской империи. Т.5. Ч. 2. СПб, 1865. 530 с.
3. Де-Рибас А.М. Из прошлого Одессы. Сборник статей. Одесса, 1894. 399 с.
4. Дружинина Е.И. Южная Украина в 1800-1825 гг. М, 1970. 385 с.
5. Машкін О. М. Іноземці в соціально-економічному житті України кінця XVIII - першої половини XIX ст. / НАН України. Інститут історії України. К, 2008. 450 с.
6. Машкін О.М. Участь вихідців з Європи в економічному житті Східної Наддніпрянщини кінця XVIII – першої половини XIX ст.: українська радянська історіографія 1920-х рр. // Проблеми історії України XIX – XX ст. Вип. XII. С. 50-65.
7. Мурзакевич Н. Материалы для истории губернского города Херсона. Ордера светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического Новороссийского генерал-губернатора // Записки Одесского общества истории и древностей (далее – ЗООИД). Т. 11. 1879. С. 324-377.
8. Новороссийский календарь на 1841, издаваемый при Ришельевском лицее. Одесса, 1840. 328 с.
9. О взносе процентов // Полное Собрание Законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Т. 30. 1808-1809. С. 278-279.
10. О выписывании из Англии и Франции корабельных мастеров // ПСЗРИ. Т.16.1762-1765. С. 182-183.
11. О делании денежной ссуды // ПСЗРИ. Т. 25.1798-1799. С. 30-31.
12. О записе в мищанство и цехи иностранцев // ПСЗРИ. Т.39.1824. С. 316-317.
13. О запрещении Российским миссиям // ПСЗРИ. Т.36.1819. С. 362.
14. О предоставлении иностранцам // ПСЗРИ. Т.29.1806-1807. С. 1191-1193.
15. О раздаче земель // ПСЗРИ. Т. 28.1804-1805. С. 15-16.
16. О свободном пропуске идущих в Россию // ПСЗРИ. Т.26.1800-1801. С. 593-594.
17. О сложении в бывшей Таврической области // ПСЗРИ. Т. 24.6 ноября 1796-1798. С. 670-671.
18. О содержании и заведении // ПСЗРИ. Т. 24. 6 ноября 1796-1798. С. 681-684.
19. О способах // ПСЗРИ. Т.30.1808-1809. С. 704-705.
20. Орлова З.С. Колекція документів з історії Херсонщини: Огляд фонду № 324 / Державний архів Херсонської області. Вип. 9. Херсон, 2007. 72 с.
21. Орлова З.С. Родина Вадонів // Південний архів. Херсон, 2001. Вип.6. С. 70-71.
22. Певзнер И.В. Суконная промышленность России на рубеже XVIII-XIX вв.и экономическая политика правительства // Исторические записки. Т.102 М, 1978. С.224-245.
23. По просьбе отставного поручика Михайлова одолженных ему Графом Сентр-При деньгах // Государственный архив Одесской области. Ф. 1., оп. 248.,дело. 3597. 8 л.

24. Привилегии французскому Кольсону на устройство // ПСЗРИ. Т.38.1822-1823. С. 1062-1064.
25. Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730-1823 гг. Ч. 2. 1796-1823 гг. Одесса, 1838. 349 с.
26. Смольнянов К. История Одессы // ЗООИД. Т. 3. 1853. С. 340-432.
27. Фадеев А.В. Социально-экономические предпосылки внешней политики царизма в период «Восточного кризиса» 20-х годов XIX вв. // Исторические записки. Т.54. М, 1955. С. 327-342.
28. Шмидт А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Херсонская губерния. В 2-х частях. Ч.1. СПб, 1863. 619 с.
29. Шмидт А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Херсонская губерния. В 2-х частях. Ч.2. СПб, 1863. 989 с.
30. Demidoff A. Voyage dans la Russie meridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et le Moldavie en 1837. Paris, 1840. 625 p.
31. Seymour H.D. Russia on the Black Sea and Sea of Azof. London, 1855. 365 p.

ИЗ ИСТОРИИ «ЧУМНОГО БУНТА» 1930 ГОДА В СЕВАСТОПОЛЕ. АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ

ФЕСЕНКО А.А.

Государственный архив города Севастополя

7 июня 1830 года восстание в Севастополе, вошедшее в историю как «чумной», а в некоторых источниках «бабий» бунт было жестоко подавлено. К следствию было привлечено 6 тысяч человек. 1580 человек предстали перед судом: 497 гражданских лиц, из них 423 – жены и вдовы матросов и мастеровых, 480 матросов флотских экипажей, 128 солдат разных частей, 14 младших офицеров, 11 карантинных чиновников и врач, 6 комиссионеров. К смертной казни приговорили несколько десятков человек, затем приговор был изменен и 11 августа 1830 года в слободках были публично казнены семь человек: квартирмейстер Тимофей Иванов, унтер-офицер Крайненко, мещанин Яков Попков, фельдфебель Петр Щукин, квартирмейстер Кондратий Шкуропетов, слесарь рабочего экипажа Матвей Соловьев, боцман Федор Пискарев. Несколько сот осужденных прогнали шесть раз сквозь строй, многие погибли, не вынеся тяжелых телесных наказаний шпицрутенами, другие были сосланы на каторгу и в арестантские роты. Свыше 4200 матросов с семьями были высланы в Архангельск и другие отдаленные районы страны [6, л. 48, 48 об.].

Эти события были связаны с именем видного военного и государственного деятеля России I половины XIX столетия, генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии, графа Михаила Семеновича Воронцова.

В связи с созданием 20 марта 1805 г. Николаевского и Севастопольского губернаторства, Севастополь имел особый статус, и вся полнота власти, находилась в руках Главного командира Черноморского флота и портов, военного губернатора Алексея Самуиловича Грейга. Власть же Новороссийского генерал-губернатора на Севастополь не распространялась. В канцелярию наместника поступали указы императора и сената, распоряжения разных ведомств, для общего исполнения.

Однако именно М.С. Воронцов сыграл значительную роль во время восстания 1830 г. Ему императорским указом были предоставлены неограниченные полномочия, как в подавлении восстания, так и в расследовании его причин, которое было проведено после бунта, что подчеркивает актуальность темы.

Сегодня особое внимание историков привлекают межличностные отношения, влияющие на ход исторических событий. В исследуемой теме автор попытался понять, почему лучшие друзья М.С. Воронцов и А.С. Грейг стали врагами, а их непримиримость повлекла за собой столь масштабные исторические последствия.

По свидетельству многих исследователей, занимающихся эпохой Воронцова (О.Ю. Захарова, Б.И. Гаврилов, С. Андросов и др.), Михаил Семенович способствовал подъему экономики Крымского полуострова, благоустройству городов, развитию морских и сухопутных коммуникаций. По его инициативе проложено шоссе, соединившее Севастополь с Симферополем, построены пристань в Балаклаве, провиантские магазины в Севастополе и других городах Крыма, приведены в порядок почтовые и военные дороги. Однако в этот период ему пришлось столкнуться с острейшей проблемой – борьбой с эпидемическими заболеваниями, несущими опасность распространения по всей территории Российской империи. Первый успешный опыт борьбы с чумой М.С. Воронцов получил в 1825 году в Измаиле.

Во время Русско-турецкой войны 1828-1829 гг. в действующей армии вспыхнула эпидемия чумы, охватившая Бессарабию и Одессу, которая была быстро ликвидирована. Но суда Черноморского флота, постоянно взаимодействуя с армией, часто заходили в порт Севастополь, доставляя беженцев, пленных, пополняя запасы продовольствия и вооружения. Поэтому, во избежание распространения инфекции, по всей территории Российской империи Новорос-

сийский и Бессарабский генерал-губернатор граф М.С. Воронцов, которому был подчинен и Крым (но не подчинен Севастополь) отдал приказ о взятии Севастополя в мае 1828 г. в карантинное оцепление. На окраине города в районе Херсонеса расположена бухта, где пришедшие в Севастополь суда выдерживались в карантине. Вполне достаточно было оцепить определенную площадь вдоль бухты. Однако карантинной цепью в радиусе 30 верст окружен был весь город.

До июня 1829 г. в город свободно ввозились продукты, и производился выпас скота через Северную и Южную заставы, но с назначением Воронцовым начальником карантинного оцепления полковника князя Херхеулидзева, положение резко ухудшилось. Не советуясь с Главным командиром Черноморского флота и портов А. Грейгом, а также с руководством города, пользуясь полномочиями, полученными от Воронцова, он с 17 июня восстановил «полный карантинный термин». В этот период в городе не наблюдалось никаких эпидемических заболеваний, а на рейд не заходило ни одно судно. На флоте не отмечено сходных по признакам с чумой заболеваний и на всех судах в море, по указанию адмирала Грейга, соблюдались строгие профилактические меры [4, с. 24-25].

В результате мер, предпринятых Херхеулидзем, город оказался в полной изоляции. Цены резко подскочили, на карантинных заставах процветали спекуляция и коррупция. Ухудшилось положение беднейших слоев населения. Однако полицейские, карантинные чиновники и врачи в этот период получали достаточно высокие суточные. До 23 августа в городе не было ни одного подозрительного заболевания. Лишь 23 августа на корабле, шедшем в Севастополь, умерло 4 матроса, и то не от чумы. Однако этот факт послужил поводом для ужесточения карантинных мер. Через 4,5 месяца контр-адмирал Сальти доносил, что «Севастополь состоит благополучным». 10 ноября А.С. Грейг писал князю Меншикову «нашел сей порт в совершенно благополучном состоянии... Приняты все меры к оцеплению тех мест, где помещаются больные, свозимые с судов, и к отделению судов сомнительных...». Несмотря на то, что инкубационный период чумы несколько дней, по показаниям свидетелей «сомнительных держали в карантине до 140 дней», что вызывало недовольство горожан [5, л. 15-15 об.].

В чумное и карантинное отделения на Павловском мысу в непригодные для этого помещения, свозили больных и тех, кто был в контакте с ними. Многие умирали там от бесчеловечного обращения, невежественных методов лечения, плохого питания. Адмирал Грейг писал в своих замечаниях к делу о восстании, что «Павловский мыс казался для людей могилой» [5, л. 30-30 об.].

В интересах чиновников было выгодно доказать наличие чумы в Севастополе и контр-адмирал Сальти 27 сентября 1829 г. доносил о том, что «Карантинная контора... усиливается и обыкновенные болезни показать чумными...». По свидетельству Грейга «...В течение 5 месяцев люди не слышали, чтобы болели и умирали естественной смертью, а кто бы ни заболел в командах или на дому – объявлялись за чуму» [5, л. 1-28].

Наступление холодов, отсутствие топлива, недостаточное питание и недоброкачественные продукты повлекли увеличение заболеваемости и, как следствие, смертности. Это послужило поводом для признания в городе чумы. Однако 1 декабря 1829 г. Медицинский совет отверг существование чумы. Объективное мнение Медицинского совета не смутило местное карантинное начальство и М.С. Воронцова. Однако со стороны Воронцова были попытки узнать истинное положение дел в городе Севастополе и желание оказать помощь. Он направил предписание губернатору Таврической губернии Казначееву позаботиться о снабжении города. Воронцов писал: «... если имеется нужда – пособить Севастополю дровами за справедливую плату». Однако Казначеев в рапорте от 9 декабря 1829 года возразил: «Город со времени учреждения карантинной линии никогда не терпел и не терпит такой крайности». Хотя и не отрицал «возвышения цен от ранней зимы и дурных дорог» [5, л. 1-68].

Новый военный генерал-губернатор Севастополя генерал-адъютант Столыпин, которого современники характеризовали как «бездеятельного, безвольного», всецело доверял своим подчиненным. В первую очередь это были назначенные губернатором Казначеевым председатель комиссии «по погашению чумы в Севастополе» инспектор Таврической врачебной управы Ланг и штаб-лекарь Верболозов, которому, согласно его собственному утверждению, принадлежала «заслуга» открытия в Севастополе чумы [5, л. 1-68].

Врачи, утверждавшие наличие чумы в городе, создали свой медицинский совет, который признал существование чумы и ввел новые профилактические меры: город был закрыт, разделен на 9 зон, однако Грейг в письме императору указывает 5 зон, еще более ужесточены карантинные меры, создавшие серьезные проблемы для беднейших слоев населения, запрещено свободное передвижение и общение, кроме должностных лиц (медицинский персонал, поставщики продовольствия, торговцы). Из переписки А. Грейга с императором Николаем I следует, что имелись доносы от команды Воронцова на действия А. Грейга. В письме от 11 ноября 1929 г. Грейг указывает: *«Я ни в коем случае не думал ослаблять карантинные правила, как, по-видимому, донесено было Вашему Императорскому Величеству. Напротив всегда наблюдал об исполнении строжайших мер к недопущению заразы не только в пределы Империи, но и на флоте»* [5, л. 1-31].

Однако семя сомнения было посеяно. Также начались доносы на адмирала Грейга по поводу злоупотреблений на флоте на предмет плохого снабжения продовольствием на кораблях. По поручению императора контр-адмирал Беллинсгаузен и капитан 2 ранга Корсикив провели ревизию в Севастопольском порту. Злоупотреблений практически не было выявлено, кроме найденных недоброкачественных сухарей на фрегате «Флора». А. Грейг сообщал императору: *«показания Корсакова неосновательны... подрядческий хлеб по необходимости завозится в казенные магазины, что забракованная солонина не могла быть отпущена, что малость негодного такелажа не была отдана на казенный завод и т.д.»*, далее сообщал, что *«... препроводительными рапортами частных командиров ясно отмечается неисправность доноса, ибо на всех судах, кроме фрегата Флоры, где часть сухарей попортилась от особенных причин, провизия оказалась доброкачественной»* [5, л. 21-24].

В городе началось противостояние двух команд – А. Грейг со своими единомышленниками и М. Воронцов со своими сторонниками.

По поручению М. Воронцова в Севастополе была создана комиссия «на предмет продовольствия» под председательством генерал-майора Примо. Население бесплатно, хотя и в недостаточном количестве, обеспечивалось дровами, продовольствием и лекарствами. Совет ограничил доступ врачей к чумным больным, кроме четырех: Ланг, Шрамков, Верболозов и Валявский. Об этом указывают как архивные документы, так и свидетельства современников. Не смотря на то, что они осматривали заболевших «чумой», никто из них не пострадал. Как указывает исследователь А. Полканов, это был единственный пример в истории чумных эпидемий [4, с. 36].

Неправильная диагностика, «нетрадиционные» методы лечения, как то: репрессивное купание зимой в море, привели к увеличению смертности среди населения города от горячки. Действительно, в метрических записях Адмиралтейского Николаевского собора в январе 1830 г. зафиксировано самое большое количество умерших – 73 смертных случая, из которых 16 дети: 29 умерло от поноса, 15 – от горячки, 3 от водяной, но ни одного случая от чумы. В последующие месяцы количество умерших составило: февраль – 27, март – 23, апрель – 19, май – 15, июнь – 26 [2, л. 48].

Анализ частично сохранившихся метрических книг позволил выявить только одну запись о смерти от чумы – 13 мая 1830 г. прапорщика севастопольского военного карантина 50-летнего Андрея Семенова [2, л. 48].

Однако данный диагноз можно подвергнуть сомнению. Это подтверждают и выводы исследователя А. Полканова, и исследования документов, хранящихся в фондах РГА ВМФ. В исторической записке о событиях в Севастополе 3 июня имеется выписка в виде таблицы с указанием умерших и выживших в карантине. Так, в январе 1830 г. общее количество заболевших составило 307 человек, умерших – 110, выздоровевших 197, что составило 60% [5, л. 48]. *«Картина, совершенно исключаяющая наличие действительной чумы»* [4, с. 39]. О том, что смертность находилась в прямой зависимости от условий содержания больных и методов их лечения, доказывают не только протоколы Медицинского совета, но и письменные свидетельства Грейга, Сальти, воспоминания доктора Закревского, заведовавшего противочумными мероприятиями в Корабельной слободе под непосредственным начальством Ланга, и других современников [5, л. 1-68; 1].

По мнению специалиста по чуме профессора С.М. Щастного, чумы в Севастополе не было, т.к. в условиях содержания и купания в море болезнь неизбежно приняла бы форму легочной чумы и скосила весь город. В специальной литературе по истории чумных заболеваний имеются указания на чуму в 1827-1829 гг. в Румынии, Бессарабии и Одессе, однако, нет упоминания о Севастополе [4, с. 42].

Карантин держали до 27 мая 1830 г., а для Корабельной слободки продлили еще на 7 дней. Но и после его окончания начальство приказало вывести жителей слободки за город и продлило карантин еще на 2 недели. Эта мера была вызвана стремлением изолировать население самой «бунтарской» (так она называлась в архивных документах) слободки от населения других частей города. Тем не менее, восстания в Севастополе не удалось избежать.

Вечером 3 июня по набату колокольни Адмиралтейского собора, жители с криками «ура» двинулись к дому временного военного генерал-губернатора Столыпина, адмиралтейству и Собору. К мятежникам примкнули матросы флотских экипажей, 17 и 18 рабочих экипажей и рабочие военного ведомства. Многие авторы, исследовавшие севастопольский бунт (Полканов, Гаврилов, Семин и др.), указывают, что восстание было заранее спланировано и возглавлено «Доброй партией». Однако документы, хранящиеся в личном фонде Грейга в РГА ВМФ, опровергают эти сведения.

Доведенные до отчаяния повстанцы 3 июня убили Столыпина, а вместе с ним еще нескольких чиновников [6, л. 27 об.]. Об этом сохранилась запись в метрической книге Адмиралтейского Николаевского собора, хранящейся в Государственном архиве г. Севастополя. Кстати, Николай Столыпин был родным братом бабушки М.Ю. Лермонтова. Кроме Столыпина были убиты карантинный инспектор 60-летний генерал Степан Стулли и бригадный командир 48-летний полковник Степан Воробьев [2, л. 48-49 об.].

Ранее, 11 марта 1830 г., имеется запись об убитом лейтенанте Дмитрие Делаграмматико-ве матросом 13 ластового экипажа. Т.е. отдельные случаи неповиновения и негодования случались и ранее бунта, поэтому, нельзя утверждать об организованном бунте, скорее этот случай указывает на стихийный характер восстания [3, л. 66; 1].

К 22 часам мятежники захватили весь город. Они разгромили дома и квартиры 42 чиновников и офицеров, избили плац-адъютанта военного губернатора Родионова. Вся полиция бежала из Севастополя. Войска гарнизона (860 человек при трех пушках) отказались подавлять бунт. Комиссар Батищев, капитан Магусевич, штабс-капитан Перекрестов, лейтенант Энгельгардт, прапорщики Дмитриев, Кулаков и многие другие офицеры сочувствовали восставшим. У руководителей «комиссии по погашению чумы», включая контр-адмирала Скаловского, организовывавшего карантинное оцепление, коменданта города генерал-лейтенанта Турчанинова и городского головы И. Носова были взяты подписки о том, что «никакой чумы в городе не было». 4 июня комендант Турчанинов издал по требованию народа следующий приказ: «Объявляю всем жителям города Севастополя, что внутренняя карантинная линия в городе снята, жители имеют беспрепятственное сообщение между собой, в церквах богослужение дозволяется производить, и цепь вокруг города от нынешнего учреждения перенесена далее на две версты». Свою победу над произволом администрации жители Севастополя отметили молебном и крестным ходом.

В фондах ГАГС был найден интересный документ, который не описан ни в одном источнике, ни одним исследователем. В рапорте А. Казначеева М. Воронцову от 5 июня 1830 года значилось: «В буйстве и умерщвлении участвовали действительно матросские жены; говорят, однако же, что в числе их были мужчины, одетые в женское платье. После злодеяний мятежники заставили священника служить молебен, потом ходили по улицам с образами и хоругвями. Пехотные войска отдавали им честь. Из числа 6 батальонов в Севастополе среди них орловский батальон ведет себя хорошо; прочие участвуют иногда в грабежах, а большую частью ничего не делают» [1].

По свидетельствам исследователей, в большинстве своем беднейшая часть населения участвовала в восстании, главным образом, из чувства ненависти к «своим притеснителям во время чумы» и, найдя выход гневу, в ночь на 4 июня, постепенно вернулась в обычным будничным заботам. В различных источниках имеются разночтения по поводу прекращения бун-

та. 12 августа следственная комиссия докладывала императору о том, что *«бунт не прекращен, а прекратился сам собой»*.

Однако архивные документы свидетельствуют, что бунт «прекратился» не 5 июня, когда в город были введены первые войска, а 7 июня, об этом неоднократно в своих рапортах упоминает А. Грейг, прибывший из Николаева [5, л. 1].

11 июня Грейг издал приказ по командам и городу, в котором призывал: *«... виновных явиться добровольно к начальству и чистосердечным признанием и раскаянием, обещал им предстательство пред Всемилостивейшим Государем, о смягчении их участи или о самом прощении, кроме зачинщиков мятежа и злодеев дерзнувших обагрить руки свои в крови Императорского наместника и других чиновников»* [5, л. 2, 2 об.].

А.С. Грейг обещал наказать карантинных чиновников и помилование всем, кроме зачинщиков и убийц.

Независимо от добрых намерений Грейга, население было обмануто. В Исторической записке по поводу возмущения 3 июня, хранящейся в РГА ВМФ, указывается на тайные доносы, порочащие А. Грейга, посылаемые из Севастополя императору в Санкт-Петербург.

Как следствие, вышел приказ императора о неограниченных полномочиях М.С. Воронцову, а Грейгу предписывал *«состоять по сему случаю в начальстве у графа Воронцова и исполнять все распоряжения его... графа Воронцова командировать к Севастополю и куда надобность потребует достаточное число войск от состоящих в заведывании графа Витта...»* [5, л. 1-65].

Стали стягивать к Севастополю войска. Гражданский губернатор Казначеев вызвал из Феодосии 12-ю дивизию генерала Тимофеева, прибывшую с театра военных действий.

Воронцов не рискнул прибыть в сам Севастополь, а поселился на Северной стороне.

А. Грейг, приехав в Севастополь, встретился с населением. Его окружила «толпа народа», в том числе и малолетних детей, и голодных женщин, жалующихся на «изнурительный карантин» [5, л. 1].

По вступлении в город надежных частей дивизии «боевого» генерала Тимофеева, началась расправа.

Над выяснением обстоятельств дела работали следственные комиссии: одну возглавлял сам Воронцов, вторая была организована Грейгом и называлась она «по приему жалоб разных лиц морского ведомства и жителей на карантинное управление во время бывшей в Севастополе чумы в 1830 г.»

Комиссию, назначенную приказом Грейга 11 июня, возглавил капитан 1 ранга Патаниоти. Приказом от 12 июня Воронцов назначил в комиссию своего представителя – майора греческого Балаклавского батальона Качони [6, л. 1 об.].

Состав комиссии постоянно менялся, однако, «комиссия» собрала много доказательств грубейшего произвола и беззакония со стороны чиновников, притеснения со стороны властей. В комиссию были сданы свидетельские показания о бесчеловечном поступке «мортусов» с умершею от родов вдовою Христиною Фгученковою, о противозаконных поступках Качони и аудитора Рыжкова, о докторе Верболозове, который склонял к сожительству жену унтер-офицера Кириллова, о недостатке продовольственных пайков, о купании населения в море и др. [6, л. 4].

В исторической записке значится: *«...Некоторых женщин, умерших от родов, но признанных за чумных, мортусы таскали днем через весь город в самом позорном положении, не омыв их от кровей. И почти нагих привязанных и окровавленных младенцев»* [5, л. 11].

Представитель Воронцова майор Качони прибыл в комиссию 29 июня, а 18 июля тайно вынес рапорт, подготовленный императору, о положении жителей Корабельной стороны и, объявив себя больным, отказался от заседаний в комиссии [5, л. 7].

Как указывают письма Меньшикова, Толстого и др. *«комиссия Грейга могла открыть многое, т.к. было собрано много жалоб, но она была закрыта Воронцовым 19 июля»* [6, л. 28 об.].

Воронцов заменил комиссию Грейга другой, во главе с Г.В. Гинтовном, и это «...невольнo поражает всякого, произвольно разрушивши комиссию, вдруг одному лицу предоставлять все права оной, одно лицо полагают достаточно там, где многие ошиблись» [6, л. 28 об.].

Возможно, если бы делу был дан законный ход, не произошло бы последующих трагических событий. По настоянию графа Воронцова комиссию обвинили в превышении полномочий и распустили, протоколы аннулировали, но вторая комиссия во главе с графом А.П. Толстым не только подтвердила выводы первой, но и отказалась подписывать фальсифицированные протоколы о числе «умерших от чумы».

То, что выявила комиссия А. Грейга о злоупотреблениях гражданских чиновников, было невыгодно Воронцову, а т.к. главными участниками восстания были матросы флотских и рачбочих экипажей, это компрометировало Главного командира ЧФ и портов Грейга.

Примечательно, что в отличие от Воронцова, А. Грейг добивался полного оправдания восставших севастопольцев, поскольку чувствовал в происходящем и большую долю собственной ответственности. Он неоднократно обращался к императору с просьбой о помиловании офицеров, которые были приговорены к смертной казни. «...Почитаю дело сие весьма спорным и, опасаясь ответственности, как изъявления моего согласия, так и препятствование исполнению распоряжений... Воронцова, я осмеливаюсь придать сие обстоятельство всеподданнейше на благоусмотрение Вашего Императорского Величества, о чем уведомил и Одесского градоначальника отношением с сего копий подносимых» [6, л. 15 об.]. Далее прилагался список офицеров, где о каждом Грейг писал, что знает этих офицеров с хорошей стороны: «... кои долговременно и усердно, или отлично службою своею лично мне известны, и которы, е судя по выражению: за неисполнение своих обязанностей без всякого участия в злонамеренных действиях возмутителей, так токмо имели несчастье соделаться виновными, что среди беспорядков и заблуждении буйной черни, не нашлись удержатъ в повиновении людей» [6, л. 18-30].

В личном фонде Грейга в РГА ВМФ сохранились письма императору с просьбой о помиловании многих нижних чинов морского ведомства и жителей, высланных за пределы Севастополя. В одном из писем сообщалось: «...они (жители – прим. авт.) ведут в окрестностях Севастополя беспризорную жизнь, снискивают себе пропитание испрошением подаяния и распутством, они умоляют... к соединению их с мужьями и дозволении до того местожительства в Севастополь». Далее Грейг писал, что многие уже умерли от холода и голода и просил пощадить оставшихся в живых [6, л. 19-19 об.].

Однако, после расправы над восставшими были проведены «суды офицерской чести» над высшим военным руководством города. Суды постановили «изгнать из армии и исключить со службы» всех высших офицеров, принявших участие в организации «чумного карантина» в Севастополе, включая коменданта Севастополя, командующего войсками генерал-лейтенанта Турчанинова, который, помимо обвинений в казнокрадстве, был осужден «за трусость и попустительство».

Противостояние между Грейгом и Воронцовым продолжалась 3 года: об этом свидетельствует переписка между ними, рапорты императору, переписка Меншикова с Грейгом и Воронцовым и, наконец, материалы, переданные в Комитет министров. 3 года шли разбирательства жалоб Грейга и Воронцова. Вот, что написано в выписке из журнала Комитета министров от 30 октября 1833 г.: «... Грейг обвиняет Воронцова, как главного местного начальника – распространителя карантинных мер, которые в 1830 г. были предприняты в Севастополе против чумы. Граф Воронцов обвиняет начальников морских». Комитет прямо утверждает: «Граф Воронцов и Адмирал Грейг по занимаемому званию каждый из них имеет право на равную степень веры, а потому, ни одному из них не верит: Воронцову в обвинениях морского ведомства, а Грейгу в обвинениях гражданского. ... Посему Комитет, согласно заключению Министра Внутренних дел, полагает настоящим делом почестъ оконченным и оставить без всяких дальнейших последствий. Государь Император положение Комитета высочайше утвердить соизволил» [5, л. 61-66].

Однако, нельзя не отметить и далее сочувственного отношения Грейга к участникам севастопольского восстания: он пишет на имя императора историческую записку, копия которой хранится в фондах РГА ВМФ, и это свидетельствует о том, что подлинник все-таки был отправлен императору. В ней А. Грейг описывает все происходящее в Севастополе, излагает

причины бунта, считая, что это – жестокие карантинные меры, введенные графом Воронцовым, а также беззаконие и произвол чиновников. Это было доказано свидетельскими показаниями матросов, солдат и населения (украдены из канцелярии Качони), однако, Воронцов, стремясь отвести от себя ответственность, отменил действия А. Грейга, а самого отстранил от расследования дела.

Автор сделал вывод, что более важным для императора стало скорейшее наведение порядка в севастопольской крепости, а какими методами, это уже другой вопрос. Николай I принял сторону своего наместника М.С. Воронцова.

Была велика роль М. Воронцова не только в подавлении восстания, но и казнях. Через конфирмацию графа Воронцова прошли все осужденные, и только после этого списки подавались на утверждение императору, который оказался более толерантным. В результате из 626 человек, приговоренных к смертной казни, казнили только семь. Первые казни были совершены публично 11 августа 1830 г. по распоряжению Воронцова одновременно в трех концах города: у Корабельной слободки, у Артиллерийской бухты и у шлагбаума, т.е. у места жительства наиболее активных участников восстания в целях их устрашения.

За подавление восстания многие гражданские чиновники из команды М. Воронцова были отмечены наградами. Наивысшую получили непосредственные усмирители простого люда – генерал Тимофеев и князь Херхеулидзиев. Оба получили пожизненную аренду, что выражалось в несколько десятках тысяч дохода в год. Более двухсот человек офицеров и унтер-офицеров, а также карантинные и медицинские чиновники получили различные награды.

Таким образом, севастопольское чиновничество, в дополнение к незаконному обогащению во время карантина, получило и «законное» вознаграждение от императора. Награды раздавались щедро, и зависело это от благорасположения высших ведомственных начальников, которые получили право представлять и аттестовать своих чиновников.

Из команды А. Грейга к наградам представлений не было, а сам адмирал вскоре, после окончательного разбирательства по делу «Чумного бунта» и вынесенного вердикта Комитетом министров, в 1833 г. был переведен с должности Главного командира ЧФ и портов в Санкт-Петербург, видимо, не случайно.

Дореволюционные авторы пытались представить восстание в Севастополе в виде «бабьего бунта», в советской историографии события в Севастополе трактовались в качестве «одной из ярких страниц истории освободительной борьбы в России».

Неверные идеологические выводы из истории с фальшивым «чумным карантинном» позволили списать произвол местных властей, пользовавшихся полным доверием у М.С. Воронцова, на «Николаевский режим».

Однако исследования архивных документов и объективная оценка событий свидетельствуют, что никто из восставших не имел никаких **политических** требований. Напротив, в ходе восстания собирались доказательства взяточничества и коррупции «комиссии по погашению чумы», создания невыносимых бытовых условий населению с целью личного обогащения. М. Воронцов применил излишне радикальные меры в этом вопросе, что можно объяснить высокой государственной должностью и оторванностью от тех должностных лиц, которые знали истинное положение дел, но, воспользовавшись доверием Воронцова, использовали свое положение для обогащения.

Взрыв социального негодования в Севастополе выявил важную особенность государственного управления: нельзя спускать на региональный уровень бесконтрольное выполнение общегосударственных задач по жизнеобеспечению всего населения страны. Это неминуемо приведет к грубейшим злоупотреблениям властью. Так и произошло в Севастополе.

Источники и литература.

1. Государственный архив г. Севастополя (далее ГАГС), м/п 1186.
2. ГАГС, ф. 23, оп. 1, д.10.
3. ГАГС, ф. 35, оп. 1, д. 1.
4. Полканов А. Севастопольское восстание 1830 года. Симферополь, 1936.
5. Российский государственный архив военно-морского флота (далее РГА ВМФ), ф. 8, оп. 1, д. 17.
6. РГА ВМФ, ф. 8, оп.1, д.21.

III

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ В СЕВАСТОПОЛЕ

Бойцова Е.Е.

Севастопольский городской гуманитарный университет

Школьные музеи являются одним из замечательных и во многом уникальных явлений отечественной системы образования. В деятельности школьных музеев совмещаются и культурно-образовательные, и воспитательные, и научно-исследовательские функции, прежде всего, изучение истории родного края. Поэтому данный феномен привлекает внимание многих исследователей, в частности, теория и методика работы школьных музеев стала предметом изучения таких российских и украинских ученых, как Н.И. Ганнусенко, О.Ю. Малиновская, И.М. Медведева, Т.Ю. Юренева, М. Ю. Юхневич и других авторов [11; 16; 36; 40; 41].

Изучение данной проблемы невозможно вне общего контекста истории отечественного музееведения. Развитию музейного дела в российской и украинской истории, эволюции экспозиционной работы в советских музеях, анализу деятельности краеведческих музеев в СССР посвящены работы А.Б. Закс, О.В. Ионовой, Г.Г. Мезенцевой, Ю.А. Омельченко, Д.А. Равикович [12; 13; 17; 22; 27].

Многие аспекты крымского музееведения исследованы в трудах С.А. Андросова, А.А. Непомнящего, А.В. Севостьянова, С.Б. Филимонова, А.В. Хливнюка и других учёных [1; 20; 29; 34]. Очевидно, что интерес к данной проблематике растёт, однако, история музейного строительства в Севастополе, особенно деятельность школьных музеев пока остаётся малоизученной. Некоторые её аспекты рассматриваются в публикациях научных сотрудников Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя (НМГООС): Л.В. Голиковой, Н.С. Павшенко. Особый интерес представляет анализ научно-методического сопровождения работы общественных музеев города, которое осуществляет НМГООС [24]. История Севастопольского музея краеведения, созданного на основе школьного краеведческого кружка при Доме Просвещения, прослеживается в работах Е.В. Веникеева, Е.Е. Бойцовой и М.В. Онучиной [5; 6].

Целью данной публикации является анализ формирования и эволюции института школьного музея в таком уникальном историческом городе, как Севастополь.

Круг источников по исследуемой проблеме достаточно широк. Первый блок составляют опубликованные документы: правительственные и законодательные акты, материалы центральных и местных исполнительных органов по вопросам народного образования и музейного дела [14; 25; 26]. Во второй блок входят работы государственных и общественных деятелей, которые помогают более четко проследить отношение государства к со-

хранению историко-культурного наследия в музеях учреждений образования в изучаемый период [9; 10; 39]. Третий блок составляют опубликованные отчеты и материалы музейных съездов, конференций, инвентарные книги поступлений и отчеты музеев, краеведческих обществ, отчетная документация отделов народного образования. В четвертый блок входит центральная, ведомственная и местная периодическая печать. Речь идет о таких изданиях, как: «Бюллетень официальных распоряжений и сообщений НКП», «Музей», «Народное просвещение», «Краеведение» и т.д. [2; 15].

Отдельный блок составляют архивные материалы: документы Музейного отдела хранятся в фонде А-2307 Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) [8]. Прежде всего, это переписка Музейного отдела с музеями Крыма и Севастополя за 1921–1925 годы по различным административно-хозяйственным вопросам. В коллекции Отдела Письменных Источников Государственного Исторического Музея (ОПИ ГИМ) - фонд 54, представлены материалы 1920–1927 гг., сгруппированные по региональному принципу [23]. Уникален по своему значению единственный сохранившийся отчет о деятельности Севастопольского музея краеведения за 1924–1926 годы [23. 1007, л. 110–114 об.]. Значительный интерес представляют дела, посвященные областным музейным конференциям, прошедшим в РСФСР в 1926–1927 гг. В отдельное дело № 671 были выделены документы Крымской областной музейной конференции 1926 года: резолюции, протоколы заседаний, тезисы докладов и т.д. [23. 671].

Наиболее информативна коллекция Государственного архива города Севастополя (ГАГС), которая содержит документы о создании и деятельности школьных музеев на разных этапах истории города. Особый интерес представляют материалы из фонда Детской экскурсионно-туристической станции (Р-440), в частности, историческая справка о деятельности внешкольных учреждений 1920–1967 гг. (дело № 43) и отчет о работе Севастопольского межшкольного краеведческого музея (СМКМ) за 1969–1970 г.г. (дело № 54) [7]. Часть источников находится в коллекциях ведомственных архивов, в том числе, в архиве Национального заповедника «Херсонес Таврический» (НЗХТ), где сохранились такие уникальные источники, как Протоколы заседаний V Всекрымской конференции музейных работников 1929 года [4, л. 145–191], о которой в других архивах нет даже упоминаний. В фондах МКМ представлены 226 дел с уникальными фото и документальными материалами, в частности, письмами и фотографиями из семейных архивов членов Севастопольского музея краеведения [3].

Зарождение школьных музейных коллекций в Российской империи связано с развитием экскурсионной практики для учащихся. По мнению М.Ю. Юхневич, первые музеи учебных заведений, возникшие в дореволюционной России, имели целью обеспечить предметность образования, при этом у каждого из них была своя особенность, функция и судьба. Первые экскурсии стали проводиться для российских школьников уже в конце XVIII - начале XIX веков. Постепенно экскурсионная работа в учебных заведениях России начала получать теоретическую базу, в начале XX столетия начали издаваться три специальных журнала, посвященных экскурсионному делу: «Экскурсионный вестник», «Русский экскурсант», «Школьные экскурсии и школьный музей». Экскурсии для учащихся подразделялись на ознакомительные и исследовательские. Участвуя в них, школьники исследовали географические особенности местности, памятники старины, старинные книги, журналы, рукописи, гравюры, иконы, записывали предания, рассказы и песни местных жителей, описывали обряды и т.д. Собранные материалы предназначались для пополнения коллекций школьных музеев [41, с. 62].

По данным А.А. Непомнящего и Е.В. Молочко, первые краеведческие экскурсии для учащихся в Крыму организовали преподаватели Симферопольской мужской казенной гимназии, которая на протяжении всего досоветского периода была крупнейшим учебным заведением Таврической губернии. Организовывал и руководил экскурсиями директор гимназии Григорий Иванович Тимошевский – член-корреспондент Московского Археологического общества, экскурсоводами выступали преподаватели гимназии, среди которых были такие известные краеведы Крыма, как Ф.Ф. Лашков и А.И. Маркевич [1, с. 165–171]. Во время поездок ученики вели специальные дневники, в которые заносили свои наблю-

дения. В августе 1886 г. были осуществлены экскурсии гимназистов в сопровождении их преподавателей в Севастополь, Херсонес, Балаклаву, Инкерман. Отчет об этом путешествии был опубликован осенью того же года [18, с. 151].

Севастопольские учащиеся также принимали участие в экскурсионных походах. Первое учебное заведение в Севастополе – школа юнг на 100 воспитанников – появилась в 1826 г., а в 1888 г., по данным Севастопольского градоначалия, в 24 учебных заведениях учились 1357 человек. В городе действовали реальное училище, женская гимназия, 2 специальных и 18 низших учебных заведений [7, ф.15, оп.1, д.5, л.12]. В начале XX в. для учащихся города проводились многодневные шлюпочные походы вдоль побережья Крымского полуострова с остановками для обзора исторических достопримечательностей. Например, в июне 1911 г. группа учеников Севастопольской мужской гимназии под руководством преподавателя истории И.И. Смоленского осуществила семнадцатидневную экскурсию вдоль Южного берега Крыма на двух шлюпках. Гимназисты посетили Балаклаву, Ласпи, Форос, Алупку, Ялту, Гурзуф, Алушту. Активное участие в проведении экскурсий принимало Севастопольское отделение Крымско-Кавказского горного клуба, открытое 16 апреля 1891 г. Экскурсии проводились не только для гимназистов, но и для учащихся земских школ, реальных, коммерческих, педагогических училищ, а также слушателей учительских, фельдшерских и других курсов. В Севастополе ученики посещали судостроительный завод и военные корабли Черноморского флота, в Балаклаве – завод по выращиванию мидий [18, с. 153]. Материалы экскурсионных походов пополняли школьные музеи наглядных пособий, однако, их становление и развитие как центров краеведения происходило уже на следующем этапе истории.

После Великой Октябрьской социалистической революции значительно расширилась социальная база учащихся, началось движение всеобщего, а экскурсии стали средством культурно-просветительной работы в процессе культурной революции в СССР. Государственное руководство экскурсионным делом в стране в 1918 г. стал осуществлять внешкольный отдел Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса), который возглавляла Н.К. Крупская. В Севастополе после окончательного установления Советской власти в ноябре 1920 г. все учебные заведения были переданы в ведение Отдела народного образования Севастопольского исполкома, который, в соответствии с законодательной базой РСФСР, приступил к организации в городе системы двухступенчатого семилетнего школьного образования: 1-я ступень - 1-4 классы, 2-я ступень - 5-7 классы. Несмотря на экономические трудности, уже в 1922-23 учебном году в Севастополе были открыты 15 школ 1 ступени на 2000 учащихся и 12 школ 2 ступени на 3000 человек [7, ф. Р-420, оп. 4, д. 19, л. 5]. Кроме того, в городе были созданы пролетарский университет, рабфак, народный политехникум, на базе которого позже открылись кораблестроительный и железнодорожный техникумы. К 1929 г. в Севастополе было открыто 32 школы, количество учащихся возросло с 5 тысяч до 7,8 тысяч человек, принял учеников вечерний медицинский рабфак (позже медицинское училище) [7, ф. Р-420, оп. 2, д. 1273, л. 29].

Уже в начале 1920-х гг. учащиеся Севастополя стали принимать активное участие в массовом краеведческом движении. За первые 10 лет Советской власти, по сведениям С.О. Шмидта, число краеведческих организаций в стране выросло примерно в 8 раз – с 246 до 2000 [37, с. 16]. Это были учреждения различного уровня – от школьных кружков до крупных исследовательских объединений. Инициатива местных краеведов опиралась на поддержку центральных органов власти, ещё в 1922 г. для координации и поддержки краеведческих исследований было создано Центральное Бюро Краеведения [32, с. 64]. Регионоведческие изыскания стали в этот период самостоятельной отраслью советской исторической науки. На Крымском полуострове продолжали деятельность в области краеведения авторитетные организации досоветского времени – Таврическая учёная архивная комиссия (с 1923 г. – Таврическое общество истории, археологии и этнографии), Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы. Наряду с этим учреждались научные организации, ставившие целью комплексное изучение Крыма. Прежде всего, Российское общество по изучению Крыма (РОПИК) с отделениями во всех крупных

крымских городах, проводившее свою исследовательскую и популяризаторскую деятельность в 1922–1932 гг. [35, с. 43].

Первый Севастопольский краеведческий музей вырос из школьного краеведческого кружка при Доме Просвещения, расположенного в здании бывшей гимназии А.А. Ахновской (Пролетарская, 5), в котором с 1921 года размещался Севастопольский народный политехникум. Музей краеведения был открыт 29 августа 1923 года по инициативе работавших в политехникуме Павла Петровича Бабенчикова – преподавателя истории, Владимира Петровича Бабенчикова – преподавателя литературы и Юрия Петровича Твердохлебова - преподавателя физиологии. Сбор материалов для будущего музея начался ранее - весной 1923 г., когда учащиеся под руководством увлеченных историей родного края преподавателей начали совершать экскурсии по окрестностям Севастополя. Коллекции в музее формировались по тематическому принципу: геология, море, Херсонес, Балаклава, пещерные города, производство в Севастополе и другие [30, с. 280]. Сначала музей располагался в 3 небольших комнатах чердачного помещения при Доме Просвещения, позже ему были предоставлены 5 комнат с отдельным входом в том же здании. Ведущими направлениями в работе музея стали научные исследования и популяризация как истории, так и природных особенностей Севастопольского региона. Краеведческий музей заслужил высокую оценку партийных и общественных организаций за просветительскую работу со школьниками и умение заинтересовать их научными изысканиями. В прессе о нём отзывались исключительно как о настоящем музее, главным достижением которого было «проведение массовой работы» [30, с.280].

Севастопольский отдел народного образования, взявший музей в конце 1924 года на частичное обеспечение, выделял ежемесячно по 45 рублей, поэтому, средств не хватало даже на самое необходимое. Сотрудники не могли организовать должным образом размещение экспозиции из-за отсутствия витрин, большинство экспонатов были представлены прямо на стенах, что производило весьма невыгодное впечатление. В распоряжении «музеистов» не было даже мебели, сотрудники приносили её из дому. Экспедиции музея постоянно проводили фотофиксацию собиравшихся материалов на производствах и памятниках, в архивах накапливались сотни негативов, однако, недоставало средств для покупки фотобумаги и химикатов для печати фотографий.

Севастопольский музей краеведения был по-своему уникален. С одной стороны, это был музей с коллекциями, экспозицией, фондами и даже филиалом в селе Чоргунь. С другой стороны, он работал как научно-исследовательский центр, осуществлявший серьёзные научные изыскания по истории, географии и биологии родного края, тесно сотрудничавший с Севастопольским отделением РОПИК, которое было создано летом 1924 г. [35, с. 47]. И, наконец, с третьей стороны, он являлся учебным заведением с собственным штатом преподавателей, планом занятий, контролем знаний, экзаменами и т.п. [6]. В составе музея работали четыре сектора: этнографический под руководством В.П. Бабенчикова, историко-археологический – П.П. Бабенчикова, геологический – Е.А. Воронцова, истории – Николая Фишера. Музей имел свой устав, знамя и значок, экземпляр которого сохранился в коллекции Русского музея в Санкт-Петербурге. Первым старостой музея был Глеб Николаевич Миронов, затем его сменил Евгений Владимирович Веймарн [3, д. 131, л. 5].

Коллекции музея комплектовались преимущественно из материалов, собранных школьниками во время экскурсий под руководством братьев Бабенчиковых. Перед любой экскурсией сначала обозначалась основная тема, в соответствии с которой избирался определённый маршрут. Во время проведения экскурсии действовал принцип: «Наш краевед должен знать всё», поэтому по пути проводились всесторонние наблюдения и составлялись разнообразные коллекции. Каждая экскурсия серьёзно готовилась и выполняла определённую исследовательскую задачу. Экскурсии проводились пешеходные, на небольшие расстояния: от 25 до 40 верст от города, любые непредусмотренные траты (например, наём ослика для экскурсии) были недоступными [30, с. 281]. Экскурсанты не только сами собирали материалы, но и занимались их сортировкой и изучением.

К 1926 году коллекции музея делились на 5 разрядов (по главным направлениям исследовательской работы): физико-картографический, биологический, экономико-этнографический, по истории материальной культуры, геологический. Все «сырые» материалы: дубликаты экспонатов, записи, зарисовки, фотографии, чертежи и планы, сделанные во время экскурсий, хранились в архивах секторов [23, д. 1007, л. 112 - 113].

Подготовка музейистов осуществлялась по оригинальной системе, разработанной педагогами Бабенчиковыми. В сентябре двери музея открывались для приёма новых соискателей на звание «сотрудников Севастопольского музея краеведения» из числа учеников 5–7 классов, которые должны были продемонстрировать свою увлечённость краеведением на вступительных экзаменах. По воспоминаниям Евгения Андреевича Воронцова и Елены Борисовны Демешкан, членов Севастопольского музея краеведения, для сдачи этого своеобразного «кандидатского минимума» необходимо было хорошо знать материалы путеводителя по Крыму под редакцией К.Ю. Бумбера 1914 года издания и «Записок о Галльской войне» Юлия Цезаря на латинском языке [3, д. 131, л. 8]. Далее «музейисты» в форме увлекательной игры совершали восхождение по ступеням знаний: от практиканта к кандидату I и II категории, уже готовому к выполнению самостоятельных заданий. За каждое задание кандидат получал баллы, заносившиеся в специальный журнал. Соискатели, набравшие 50 баллов, успешно завершившие сезонную работу и подготовившие письменный доклад на заданную тему, становились «сотрудниками» музея. Защита докладов проходила на ежегодном собрании всего коллектива музея. В торжественной обстановке, в присутствии родителей, новым «сотрудникам» вручали нагрудные знаки Севастопольского музея краеведения. Для многих соискателей это событие совпадало с окончанием школы, многие «выпускники» музея поступали на учёбу в вузы, а затем становились научными сотрудниками. Прекрасным подспорьем для юных исследователей служила библиотека музея, которая пополнялась благодаря книжным посылкам из Центрального бюро краеведения, Академии наук, Российского исторического музея и других организаций, к концу 1926 г. она насчитывала свыше 700 томов [23, д. 1007, л. 112 - 113].

Постепенно работа в Севастопольском музее краеведения перешла от простой фиксации собранных материалов, как было на первоначальном этапе, к глубоким исследованиям. Научные изыскания сотрудников привлекли внимание таких известных учёных, как В.А. Городцов, А.А. Спицын, Б.В. Фармаковский, И.Н. Бороздин, А.С. Башкиров, которые называли работу Севастопольского музея краеведения «исключительно образцовой и даже научной» и стали его почётными членами [23, д. 1007, л. 112]. В 1926 г. на проходившей в Керчи I Всесоюзной археологической конференции сотрудники музея представили собственные чертежи пещерных городов Крыма, которые были признаны «прекрасными». Сообщение Е.В. Веймарна «Об археологической разведке Эски-кермена» привлекло внимание археолога Н.И. Репникова, организовавшего регулярные раскопки данного памятника совместно с «музейистами» [6]. Сотрудничал краеведческий музей и с экспедицией Херсонесского музея на Гераклеяском полуострове. В статье Н.П. Анциферова, опубликованной на страницах журнала «Краеведение», был отмечен опыт исследования башен и пещер Гераклеи, проведённый Севастопольским музеем краеведения [2, с. 209]. «Музейистами» были подготовлены две карты: одна, отмечающая башни, другая – пещеры. По каждому памятнику был составлен точный план с описанием общего ландшафта и остатков материальной культуры, найденных в районе памятника.

Помимо исследовательской, Севастопольский музей краеведения проводил широкую просветительскую работу. Павел Петрович и Владимир Петрович Бабенчиковы получили квалификацию экскурсоводов-методистов на Конференции экскурсоводов в Москве, созванной Главполитпросветом в 1925–1926 годах. Это позволило музею начать сотрудничество с Севастопольским единым лекторско-экскурсионным бюро (СЕЛЭБ), куда В.П. Бабенчиков был приглашён как методист экскурсий по Крыму [30, с. 280]. Весной 1926 года руководителями музея краеведения при содействии отдела культуры городского бюро профсоюзов, Херсонесского и Севастопольского военно-исторического музеев были организованы курсы по подготовке «экскурсоводов-политпросветчиков», превратившиеся до известной степени в обще-

крымские. Кроме того, были организованы занятия для школьных учителей с целью «насыщения программ преподавания краеведческим материалом» [23, д. 1007, л. 112].

Однако, при столь значительных масштабах деятельности, Севастопольский музей краеведения по-прежнему фактически не получал дотаций. Представляя в Музотдел Главнауки отчёт за 1926 г., директор музея ходатайствовал о предоставлении «заслуженной поддержки» музею, как учреждению, представляющему собой «интересный опыт советского музейного строительства» и заявившему себя работающей краеведческой организацией [23, д. 1007, л. 114]. Распоряжений из Музейного отдела по этому поводу, однако, не пришло. Более того, из протокола заседания Севастопольского отдела народного образования от 8 июня 1927 года мы узнаём, что Севастопольский музей краеведения был передан в ведение Политпросвета. Руководство музея обращалось с предложением вернуть его в ведение Наркомпроса, поскольку Политпросвет не отпускал музею средств даже на канцелярские принадлежности [7, ф. Р-79, оп. 1, д. 259 – л. 19 (м/п № 148)].

К сожалению, в результате землетрясения 1927 г. здание, в котором размещался музей краеведения, дало трещину, находиться в нём стало невозможно, а средства на ремонт выделены не были [7, ф. Р-79, оп. 1, д. 259 – л. 90 (м/п № 148)]. Экспозицию музея в очень сокращённом виде разместили в бывшем магазине под Севастопольской картинной галереей, а остальные коллекции переместили в подвальные помещения Военно-исторического музея. Там же на первом этаже по вечерам продолжал свою лабораторную работу молодёжный коллектив музея краеведения.

Новые принципы организации работы краеведческих музеев были изложены на IV съезде работников политического просвещения (1927 г.) и I Всекрымском съезде по изучению производительных сил (1928 г.). Предлагалось главное внимание в работе музеев уделять делу приближения памятников культуры к современности, их увязки со всеми разделами социалистического строительства. Именно краеведческие музеи могли в полной мере отразить производство, кустарную промышленность, характерные для данного района, и показать перспективы дальнейшего культурного прогресса, достигаемого через «индустриализацию и применение более трудоёмких специальных культур». В частности, от Севастопольского краеведческого музея ожидалось представление в экспозиции результатов деятельности кустарной национальной промышленности Крыма, фабрично-заводской продукции лёгкой и тяжёлой индустрии, а также разработки темы «Крым – всесоюзная здравница» [10, с. 60]. Кроме того, рекомендовалось организовывать перманентные выставки достижений советского строительства, где был бы представлен каждый исполком и наркомат. В русле новых требований с 1927 года в музее начался активный сбор материалов об экономическом развитии Севастопольского региона. В 1929 – 1931 годах музеем краеведения была организована выставка-передвижка по материалам изучения биологии и агротехники новых для Крыма технических культур, продемонстрированная в 20 деревнях Севастопольского района. Передвижная выставка должна была показать крестьянам выгоду создания колхозов и познакомить их с городским производством, его техническими и хозяйственными новинками. Кроме того, сотрудники музея организовали уголки краеведения на крупных предприятиях и в клубах города для изучения рабочими собственного производства [3, д. 131, л. 7].

В 1929 году П.П. Бабенчиков предпринял ещё одну попытку привлечь внимание к проблемам Севастопольского музея краеведения на очередной Крымской музейной конференции. В своём выступлении П.П. Бабенчиков проанализировал задачи краеведческого движения, поддержал общий курс краеведческих исследований на изучение производительных сил общества, полезный социалистическому строительству [4, д. 308, л. 165–166, 174]. Однако, по его мнению, краеведческий музей, прежде всего, должен был оставаться лабораторией и школой для молодого поколения учёных-краеведов, а не формальным учреждением, созданным распоряжением сверху, на основе унифицированного перечня материалов с чёткими инструкциями о том, как их показать в экспозиции. Павел Петрович подчеркивал, что опыт функционирования такого музея в Крыму был успешно апробирован Севастопольским музеем краеведения, к сожалению, оставшимся без здания. К сожалению, уже в следующем 1930 году директор Сева-

стопольского музея краеведения П.П. Бабенчиков был отстранён от работы и арестован за знакомство с академиком С.Ф. Платоновым [6].

Состоявшийся в декабре 1930 года I Всероссийский музейный съезд завершил перелом в советском музейном строительстве. Задачи музеев были сведены к пропаганде существующего строя, минимизировалось значение научной работы музеев. Детальное изучение отдельных экспонатов получило определение «вещевизма» или «фетишизма музейных вещей» [12, с. 147], провозглашённого тормозом в развитии массовой работы музеев. В то же время, по мнению М.Ю. Юхневич, во второй половине 1930-х гг. туристско-краеведческое движение школьников приобретает все больший размах под руководством специально созданных для этого организаций. С целью массового развития школьного краеведения организуются походы по родной стране, первым из которых стал Всероссийский исследовательский поход пионеров и школьников, проводившийся под эгидой Центральной детской экскурсионно-туристической станции (ЦДТЭС) в 1935–1936 гг. Результатом этой первой и последовавших вслед за ней акций стало появление в конце 1930-х – начала 1940-х гг. комплексных школьных музеев краеведения, которые, однако, еще не стали массовым явлением [41, с. 60].

Севастопольский музей краеведения продолжал свою работу в новых условиях вплоть до начала героической обороны Севастополя в годы Великой Отечественной войны, когда большинство экспонатов музея погибло. Одним из главных достижений музея стала подготовка трех поколений краеведов, многие из которых внесли значительный вклад в развитие советской науки. Именно Севастопольским музеем краеведения были воспитаны многие известные впоследствии учёные: искусствовед Б.В. Веймарн, историки А.Н. Бернштам, С.Ф. Стржелецкий, Е.В. Веймарн, биолог О.В. Зеленский и другие [3, д. 131, л. 8].

После окончания Великой Отечественной войны началось восстановление Севастополя, в том числе музеев и экскурсионных учреждений. К концу 1953 года город был полностью восстановлен. Постепенно входили в строй новые заводы, фабрики и комбинаты, увеличивалась территория города. В середине 1950-х годов в Севастополе в 31 школе обучались 20 тысяч детей. [28, с. 28]. Уже в первые послевоенные годы отмечался подъем экскурсионной работы в связи с развитием массового туризма, повышением культурного уровня и благосостояния народа. Расширялись тематика и география экскурсий, значительное место в них занимали военно-исторические и историко-революционные маршруты. Процесс демократизации, начавшийся в стране после смерти И.В. Сталина (1953) и XX съезда КПСС (1956), усиливавшийся интерес к отечественной истории и культуре, природе, туристическому движению способствовали оживлению музейной деятельности. Возобновились регулярные экспедиции по изучению родного края, оживилась издательская деятельность. Одной из форм краеведения стало создание общественных музеев. Из числа общественных музеев, наибольшее распространение получили музеи боевой и трудовой славы, истории предприятий, мемориальные и школьные музеи. По данным В.Е. Туманова и М.Ю. Юхневич, в 1956 г. ЦДТЭС и газета «Пионерская правда» объявила Республиканскую туристско-краеведческую экспедицию пионеров и школьников, посвященную 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, давшую новый импульс для создания школьных музеев различных профилей, прежде всего, историко-краеведческих [31, с. 68; 41, с. 153].

В Севастополе в июне 1960 г. была открыта Детская экскурсионно-туристическая станция, которая стала организатором походов и краеведческих изысканий юных севастопольцев, в частности, под ее руководством 32 отряда из Севастополя в составе 3000 учащихся приняли участие в работе Всесоюзной экспедиции «40 лет пионерской организации СССР». А в экспедиции 1966 – 1967 годов «По дорогам Великого октября» участвовали уже 550 поисковых отрядов, включавших 17000 ребят, т.е. практически половина школьников города, учитывая, что в 55 общеобразовательных школах Севастополя тогда обучались 36,6 тысяч человек. Особенно активное участие севастопольские школьники приняли в поисковом движении под девизом «Нет безымянных героев», что привело к созданию почти в каждой школе музея историко-краеведческого профиля [7, ф. Р-440, оп.1, д. 43, л.5].

Куратором школьных музеев и своеобразным преемником Севастопольского музея краеведения стал единственный в нашей стране севастопольский межшкольный краеведческий музей (СМКМ), созданный еще одним подвижником музейного дела Евгением Никандровичем Овеном. Новый краеведческий музей в Севастополе был открыт 18 декабря 1968 г. в старинном здании бывшей женской казенной гимназии на ул. Суворова, 20. Экспозиция музея включала восемь разделов: первый — исторический — рассказывал о Херсонесе Таврическом, об основании Севастополя и основных этапах его истории. Результатом многолетней поисковой деятельности СМКМ стало создание галереи из 20 портретов севастопольских школьников, вступивших в Севастопольский партизанский отряд в 1941-1942 г.г. и погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Особое внимание посетителей музея привлекал раздел по истории народного образования и ведущих научно-исследовательских учреждений Севастополя, в частности, уникальная коллекция старинных океанографических приборов и материалы об исследовательской и педагогической деятельности в Крыму академика Обручева. В музее можно было познакомиться с историей застройки и современного градостроительства Севастополя. В отделе природы экспонировались коллекции горных пород и минералов, палеонтологических находок, растительный мир Крымского полуострова и Черного моря был представлен обширными гербариями, коллекциями насекомых, птиц, млекопитающих, рыб и пресмыкающихся. Отдел промышленности рассказывал об истории горнодобывающей, судостроительной и рыбной промышленности, а отдел сельского хозяйства - о развитии виноградарства, садоводства, овощеводства и животноводства пригородной зоны [7, ф. Р-440, оп.1, д. 54, лл. 1-4].

В экспозиции проводились тематические уроки-экскурсии по учебным предметам, семинары и занятия с руководителями школьных туристско-краеведческих кружков, учителями, работниками внешкольных учреждений, научно-исследовательская работа среди учащихся по изучению родного края. Например, в сохранившемся отчете СМКМ за 1969 – 1970 учебный год отмечалось, что посетителями музея стали 7458 школьников, в том числе 4710 учащихся севастопольских школ, подготовлена группа юных экскурсоводов из числа кружковцев Детской экскурсионно-туристической станции, подготовлены выставка краеведческих материалов, собранных кружковцами и 2 фотовыставки, коллекция фондов музея пополнилась 59 новыми экспонатами. Особый интерес представляли материалы о жизни и революционной деятельности первого руководителя Севастопольского комсомола Ориона Алексакиса, о подвиге в годы Великой Отечественной войны юной разведчицы Аллы Оношко. Сотрудники музея оказали методическую помощь школьному музею «Царство Нептуна», созданному в школе № 32, в частности помогли открыть второе отделение по истории поселка в Камышовой бухте и его рыбопромысловых предприятий [7, ф. Р-440, оп.1, д. 54, лл. 4 - 5].

Музей неоднократно был участником ВДНХ СССР и ВДНХ Украины. Почетное звание «народный» было присвоено СМКМ в 1981 г. Постепенно в фондах было собрано более 20 тысяч музейных предметов, из них около 3 тысяч экспонировались в 9 залах музея. В 1986 году тиражом в 2000 экземпляров были изданы три буклета по музею, переданные во все учебные заведения города. Информацию о музее разместили в путеводителе «Музеи Крыма», изданном в 1988 году под редакцией В.Н. Барбуха тиражом в 25000 экземпляров [19, с. 47 -48].

Особую значимость коллекциям СМКМ и других школьных музеев Севастополя придавало наличие подлинных материалов, что было определено нормативными документами о статусе данных музеев. В «Положении о школьном музее», утвержденном Секретариатом ЦК ВЛКСМ, коллегией Министерства просвещения и Министерства культуры СССР в 1974 г. подчеркивалось, что основанием для создания школьного музея являлось наличие «фонда подлинных материалов, соответствующих профилю музея, а также необходимых помещений и оборудования, обеспечивающих хранение и показ собранных коллекций» [25, с. 14]. Содействовать определению направления поисково-собирательской деятельности и выбору профиля школьного музея была призвана Всесоюзная туристско-краеведческая экспедиция «Моя Родина СССР» (1972–1986), которая проводилась под руководством ЦДТЭС. Каждый этап этой экспедиции, связанный с определенными юбилей-

ными датами в истории страны, обеспечивался определенными экспедиционными заданиями, которые позволяли локализовать поисково-собираТЕЛЬскую деятельность учащихся. Одновременно с этим был организован первый Всесоюзный смотр школьных музеев и проведена их паспортизация, что сыграло, по мнению В.Е. Туманова, «важную роль в упорядочивании сети школьных музеев, их профилей, выработке единых критериев их работы» [31, с. 79]. В то же время у школьных музеев возник ряд серьезных проблем, прежде всего, обеспечение сохранности музейных предметов. Для того чтобы снизить остроту этих проблем предпринимались различные меры. С целью подготовки педагогов-руководителей и детей-активистов к профессиональной работе с музейным предметом, детскими экскурсионно-туристическими станциями проводилась систематическая учеба руководителей школьных музеев и учащихся. Наряду с этим организовывались межведомственные советы по координации деятельности государственных и школьных музеев. В Севастополе куратором общественных музеев, в том числе школьных, стал Музей героической обороны и освобождения Севастополя [24, с. 93-99].

В 1990-х гг. школьные музеи переживали определенный кризис, связанный с коренными изменениями в общественной и экономической жизни страны. Часть музеев, к сожалению, пришла в упадок и была закрыта, что объяснялось, по мнению М.Ю. Юхневич, сменой идеологических приоритетов, слабой преемственностью в работе, материальными трудностями и отсутствием правового статуса школьного музея в первой половине 1990-х гг. С другой стороны, многим музеям удалось не только «выжить», но и продолжить свое творческое развитие в условиях нового времени. Современный школьный музей является побудителем творческой активности детей, способом улучшения и углубления их контактов с педагогом, средством обогащения учебного процесса: через свои собрания и формы деятельности он связан с преподаванием конкретных учебных дисциплин и с дополнительным образованием учащихся [41, с. 157].

На современном этапе куратором работы севастопольских школьных музеев и координатором научно – исследовательской работы учащейся молодежи в рамках Всеукраинских экспедиций «История городов и сел Украины», «Моя Отчизна – Украина» выступает краеведческий отдел Центра туризма, краеведения, спорта и экскурсий г. Севастополя (ЦТКСЭС) [38]. Сотрудники отдела ведут активную работу с одаренной молодежью Севастополя по направлениям исследований историко-географического отделения МАН, совместно с Национальным музеем героической обороны и освобождения Севастополя и Национальным историко-археологическим заповедником «Херсонес Таврический» организуют интеллектуальные историко-краеведческие игры: турниры знатоков – краеведов, конференции, конкурсы. На сайте ЦТКСЭС [38] приведены данные о сети школьных музеев, существующей в настоящее время в учреждениях образования Севастополя, это 28 музеев и 8 музейных комнат:

Профиль музея		Учебные заведения
Исторические (25)	Боевой славы (15)	Школы №№4, 9, 17 23, 30, 36, 41, 47, 57, 58, 61, интернаты № 3, 4, 5, 6
	Истории района (2)	Школы №24, №34
	Истории спорта (1)	Школа №39
	Революционной славы (1)	Школа №49
	Истории образования (6)	СЦПТО, Индустриально-педагогический колледж, Морской колледж, СевНТУ, Национальный университет ядерной энергии и промышленности, Военно-морская академия имени П. С. Нахимова
Краеведческие (2)	Школа №31, Севастопольский межшкольный краеведческий музей им. Е.Н. Овена	
Историко-краеведческий (1)	Школа №26	
Музейные комнаты (8)	Школы № 3, 7, 14, 23, 43, 45, 60, ЦЭНТУМ	

Звание образцовых завоевали: Севастопольский межшкольный краеведческий музей (СМКМ) им. Е.Н. Овена, заведующая - Кукленко Надежда Александровна; музей «Боевой путь 2-ой гвардейской армии» в общеобразовательной школе № 9; руководитель - Титова

Любовь Николаевна; Музей артиллерии береговой обороны общеобразовательной школы № 23; руководитель - Полянская Ольга Николаевна; Краеведческий музей «Наследие» в общеобразовательной школе № 31; руководитель - Гавриленко Марина Николаевна и музей «Наш Гагаринский район» в гимназии № 24, руководитель - Смирнов Дмитрий Валерьевич [38]. Приведенные данные свидетельствуют, что в Севастополе преобладают школьные музеи исторического и краеведческого профиля, демонстрируя постоянный интерес учащихся к уникальному историко-культурному наследию нашего народа. В экспозиции многих школьных музеев есть экспонаты, имеющие большую историческую ценность, они приняты на государственный учет Национальным музеем героической обороны и освобождения Севастополя. Однако, самое главное, что каждый из школьных музеев не только обладает коллекцией редких памятников, позволяющих углублять знания учеников по многим предметам в учебном процессе, но и является центром воспитательной работы, творческой исследовательской лабораторией школьников.

В наши дни среди музеев Севастополя особое место по-прежнему занимает СМКМ им. Е.Н. Овена, который является отделом Центра туризма, краеведения, спорта и экскурсий. Его уникальность заключается в том, что музей является единственным в городе музеем по естествознанию, который рассказывает о природе родного края. К сожалению, в связи с переводом в другое здание (ул. Н. Музыки, 5) музей был демонтирован. В 2003 - 2004 гг. была проведена его реэкспозиция, выполненная творческим коллективом сотрудников ЦТКСЭС в составе методистов высшей категории Н.О. Кукленко, М.В. Шика, экскурсовода В.А. Смирновой, художника - оформителя с полувековым стажем В.М. Ногина, технических работников [3, унифицированный паспорт музея].

Новая экспозиция представлена в 4 залах: неживая природа, Черное море и два зала, посвященных живой природе Севастопольского региона. Экспозиция «Тектоника» знакомит посетителей с геологическим строением Крыма, особенно в районе Севастополя. Экспозиция «Минералы и горные породы Крыма» по количеству образцов и географии их находок - наиболее обширная среди общественных музеев Крыма. Экспозиция «История геологического развития Крымского полуострова» наглядно показывает ученикам долгую и сложную историю формирования современного рельефа Крыма и окрестностей Севастополя, начиная с юрского периода. Витрины экспозиции содержат богатую палеонтологическую коллекцию, в которой можно увидеть окаменелости редких моллюсков, рыб и т.д. Экспозиция «Климатическая характеристика города Севастополя и близлежащей акватории Черного моря» знакомит учеников не только с особенностями климата данного региона, но и с основными метеорологическими приборами. Растительный мир и обитатели Черного моря широко представлены в экспозиции одноименного зала, в частности, раздел «Бентос Черного моря» знакомит учеников с крабами и моллюсками. Коллекцию моллюсков по заданию музея собирали члены кружка «Юные экологи» ЦТКСЭС. Раздел «Живая природа» представлен двумя залами, которые включают ландшафтные диорамы: «Околоводный ландшафт», «Степь», «Горный Крым», коллекцию насекомых, стенд с гербариями «Растительность города Севастополя», витрину «Плоды и семена дикорастущих деревьев и кустарников», турникет с фотографиями уникальной природы Крыма. Все диорамы в экспозиции выполнены в едином стиле с применением инновационных технологий. Рассказ экскурсовода дополняется фонограммой звуков природы: пением птиц, журчанием ручья, шелестом трав и др. [3, унифицированный паспорт музея].

На современном этапе в фондах СМКМ им. Е.Н. Овена собраны 20 548 оригинальных экспонатов, 258 из них находятся на государственном учете в Национальном музее героической обороны и освобождения Севастополя. Наиболее интересные находки кружковцев представлены в экспозиции: останки мамонта, зуб мастодонта, череп четырехрогой антилопы, редкие крымские минералы и т. д. Из материалов фондовых коллекций музея создаются передвижные выставки, например в 2008 г. были организованы выставки «Севастополю - 225 лет» к юбилею города и «Отклики далекой боли», посвященная Голодомуру 1932 - 1933 гг. Сегодня СМКМ им. Е.Н. Овена остается одним из наиболее востребованных городских музеев. Экспозиция построена с учетом школьных программ по географии, биологии, природоведению. Поэтому, здесь проводятся не просто обзорные или

тематические экскурсии, но и уроки-экскурсии. Отличительная особенность такого урока - максимальная насыщенность рассказа экскурсовода наглядным материалом, которого нет в школьных кабинетах [38].

Таким образом, развитие института школьного музея в Севастополе проходило в русле общегосударственных тенденций. С момента своего возникновения на рубеже XIX–XX вв., вплоть до середины 1920-х годов, школьный музей создавался, исходя из потребностей в наглядном преподавании, в конце 1920-х, 1930-е и 1940-е гг. – он развивался как музей – лаборатория краеведческих исследований школьников. В Севастополе в этот период яркую страницу в историю музейного строительства и воспитание целой плеяды молодых исследователей вписал Севастопольский музей краеведения. С середины 1950-х гг. складывалась новая тенденция: массовое создание школьных музеев и их ориентация на государственные музеи. В Севастополе создание широкой сети школьных музеев происходило в 1960-х – 1980-х годах, во-многом благодаря кураторству и инициативе единственного в стране Севастопольского межшкольного краеведческого музея, созданного в нашем городе Е.Н. Овеном и продолжившего традиции первого Севастопольского музея краеведения. В сложный период 1990-х годов были пересмотрены некоторые направления деятельности школьных музеев, не все музеи смогли перестроиться и продолжить свою работу в новых условиях, но в целом в Севастополе удалось сохранить сеть школьных музеев. Ведущая роль в сохранении и развитии городских школьных музеев на современном этапе принадлежит творческим коллективам педагогов и школьников при поддержке ЦТКСЭС и государственных музеев Севастополя.

Источники и литература.

1. Андросов С.А. Деятельность Крымохриса по созданию и развитию музейной сети в Крыму (1920-1926 гг.) // II Таврические чтения. Симферополь, 2002. С. 27.
2. Анциферов Н. П. Особенности краеведного движения в Крыму // Краеведение. М.: изд-во ЦБК, 1928. № 4. С. 203–210.
3. Архив Севастопольского межшкольного краеведческого музея имени Е.Н. Овена. Д. 131, 136, 199, 207.
4. Архив Национального заповедника Херсонес Таврический (АНЗХТ). Д. 308. Л. 145–191.
5. Бойцова Е.Е., Онучина М.В. Музейное строительство в Севастополе в 1920-е годы. Севастополь: Рибэст, 2011. 116 с.
6. Веникеев Е.В. Большинство экспонатов погибло // Таврические ведомости, Симферополь, 1993. 7 сентября. № 36.
7. Государственный архив города Севастополя (ГАГС). Ф. 15, оп.1, д. 5; ф. Р-420, оп. 2, д. 1273, оп. 4, д. 19; ф. Р-440, оп.1 д.43, 54.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-2307, оп. 3, д. 160, 162, 316, 317; оп. 8, д. 180; оп. 9, д. 77; оп. 10, д. 189, 190, 191, 192, 193.
9. Гриневич К. Э. За новый музей. Севастополь, 1928. 16 с.
10. Гриневич К. Э. Очередные задачи музейного строительства в Крыму // Крым. М.-Л., 1928. № 2. Вып. 1. С. 60–64.
11. Экскурсоведство і музеєзнавство: навчальний посібник / В. К. Бабарицька, А. Я. Короткова, О. Ю. Малиновська. К. : Альтерпрес, 2007. 464 с.
12. Закс А. Б. Из истории экспозиционной мысли советских музеев (1917–1936 гг.) // Труды НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры. Вып. 22. М., 1970. С. 128–165.
13. Ионова О. В. Создание сети краеведческих музеев в РСФСР в первые 10 лет советской власти // Труды НИИ музееведения. Вып. 1: История музейного дела. М., 1957. С. 37–72.
14. Инструкция НКП об учёте и охране памятников искусства, старины, быта и природы – Президиума ВЦИК от 7.VII.1924 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 66, 10 сентября 1924, ст. 654.
15. Лучнин В. Н. О краеведных музеях // Краеведение. М. : изд-во ЦБК, 1929. Т. 6, № 10. С. 577–584.
16. Медведева І.М. Розвиток музейно-педагогічної діяльності. Навч. посібник. Краматорськ: Донбаська державна машинобудівна академія, 2009. 60 с.
17. Мезенцева Г.Г. Музеезнавство. К.: Вища школа, 1980. 120 с.
18. Молочко С. Вивчення, популяризація та охорона пам'яток історії та культури Севастополя: екскурсійна діяльність у другій половині XIX – на початку XX століття // Ніжинська старовина, Вип. 10 (13), 2010. С.149 - 155.
19. Музеи Крыма: путеводитель / Сост. В.Н. Барбук. Симферополь, 1988. 144 с.
20. Непомнящий А.А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX вв.) Библиографическое исследование. Симферополь, 2000. 360 с.

21. Непомнящий А.А. Невідомий рукопис Арсенія Маркевича: нові матеріали до біографії видатного краєзнавця // Краєзнавство, Вип. 1–2, 2010. С. 165–171.
22. Омельченко Ю.А. История музейного строительства на Украине. 1917–1932. Автореф.... канд. ист. наук. К., 1970. 16 с.
23. Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 54, д. 671, 996, 997, 998, 1007, 1008.
24. Павшенко Н.С. Система научно-методической работы НМГООС с общественными музеями // Музей в современном обществе: практика, проблемы, проекты. Материалы международной научно-практической конференции 26 мая 2010 г. Севастополь – Симферополь, 2011. С. 93-99.
25. Положение о школьном музее // Преподавание истории в школе. 1975. № 2.
26. Постановления совещания Президиума Севастопольского райкома РКП (б) и Президиума Всекрымской Конференции работников охрса о необходимости создания в Севастополе научно-краеведческого и художественного музеев // Севастополю 200 лет. 1783–1983: сборник документов. К. : Наукова думка, 1983. С. 178.
27. Равикович Д.А. Формирование государственной музейной сети (1917 – 1 пол. 1960-х гг.). М.: МК РСФСР, АН СССР, НИИ культуры, 1988. 152 с.
28. Севастополь на рубеже тысячелетий / И.И.Куликов, С.И. Кулик, А.А. Скрипниченко, П.А. Шунько. Севастополь, 2003. 642 с.
29. Севастьянов А.В. Десять лет на службе краеведения. 1922-1932 Киев-Симферополь, 2010. 255с.
30. Спицын А.А. О Севастопольском музее краеведения // Известия Центрального бюро краеведения. – М., 1926. – № 8. – С. 279–282.
31. Туманов В.Е. Школьный музей – М.: Изд-во ЦДЮТик, 2003. - 151 с.
32. Турьинская Х.М. Музейное дело в России в 1905–1936 гг. – М.: РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 2001 – 124 с.
33. Ушаков А.В. Краеведческая работа музеев (1917–1940 гг.) // Музейное дело в СССР. М. : Советская Россия, 1974. С. 164–177.
34. Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма: о наследии Таврической учёной архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.). Симферополь, 2004. 316 с.
35. Хроника Московского отд-я РОПИК // Крым. Общественно-научный журнал. М., 1925. № 1. С. 43.
36. Шкільні музеї. Навч.-метод. посібник / Н. І. Ганнусенко, О. В. Ляпін, Г. І. Мацейків та ін. К.: Радянська школа, 1991. 111 с.
37. Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество: краеведческий альманах. М.: Профиздат, 1990. С. 11–28.
38. Центр туризма, краеведения, спорта и экскурсий г. Севастополя (ЦТКСЭС) – официальный сайт // Режим доступа: www.sutur.crimea.ua
39. Эфрос А.М. Музейное дело в Советской Республике // Музейное дело. Музееведение в России в 1 трети XX в. С. 161–187.
40. Юренева Т. Ю. Формирование кадров советских музейных работников 1917–1941 гг.: автореф. дисс. к. и. н. / Т. Ю. Юренева. М. : РУДН, 1991. 18 с.
41. Юхневич М.Ю. Я поведу тебя в музей: Учебное пособие по музейной педагогике. М., 2001. 223 с.

**ФОТОГРАФИИ ПО ИСТОРИИ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО МУЗЕЯ КРАЕВЕДЕНИЯ
И СЕВАСТОПОЛЬСКОГО МЕЖШКОЛЬНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ
ИЗ ФОНДОВ МЕЖШКОЛЬНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ Е.Н. ОВЕНА**

Рис. 1. Здание, в котором располагался Севастопольский музей краеведения (СМК) в 1923–1927 гг. (ул. Пролетарская, 5)

Рис. 2. Первый состав СМК: Роза Финкель, Серафима Казаровская, Нина Бельская, Нина Софронова, Александр Троценко, В.П. Бабенчиков, Николай Фишер, П.П. Бабенчиков, Иосиф Каждан, Борис Берлин, Владимир Чепелев, Глеб Миронов, 1925 г.

Рис. 3. В.П. Бабенчиков и П.П. Бабенчиков с матерью и сестрой, Керчь, 1898 г.

Рис. 4. Бабенчиков Петр Александрович, участник героической обороны Севастополя 1854 -1855 гг., отец В.П. Бабенчикова и П.П. Бабенчикова

Рис. 5. Экспедиция историко-археологического сектора СМК на Эски-Кермен, 1924 г.

Рис. 6. Александр Натанович Бернштам, СМК, 1925 г.

Краеведы за разборкой свежесобранного материала (Севастопольский му

Рис. 7. В Севастопольском музее краеведения, 1927 г. (фото из газеты «Маяк коммуны»)

Рис. 8. Здание Севастопольского военно-исторического музея, 1927 г.

Рис. 9. СМК в подвале Военно-исторического музея, 1933 г.

Рис. 10. Группа музейстов среднего и младшего поколения, СМК, 1934 г.

Рис. 11. Борис Владимирович Бабенчиков, погиб под Москвой в 1942 г.

Рис. 12. В.П. Бабенчиков с сотрудниками Крымского областного краеведческого музея, 1947 г., из коллекции Э.И. Соломоник

Рис. 13. Школьники знакомятся с историческим разделом экспозиции Севастопольского межшкольного краеведческого музея (СМКМ), 1977 г.

Рис. 14. Школьники знакомятся с разделом живой природы в экспозиции СМКМ, 1977 г.

Рис. 15. Общий вид зала неживой природы СМКМ им. Е.Н. Овечина, 2011 г.

Рис. 16. Фрагмент зала “Черное море” СМКМ им. Е.Н. Овечина, 2011 г.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЦЕРКОВНЫЙ ВОПРОС В КРЫМУ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Ишин А.В.

Таврическая Духовная семинария (г. Симферополь)

События Февральской революции, повлекшие отстранение от власти Императора Николая II и формирование органов нового – Временного правительства, послужили отправной точкой в разрушении традиционной для Российской империи политической и социокультурной реальности, в кардинальной смене самой парадигмы государственного развития.

Лидеры рожденного Февралем Кабинета, а также их представители на местах не смогли превратить новообразованное правительство в эффективный орган высшего государственного управления, способный адекватно откликнуться на вызовы эпохи. Этому способствовало множество объективных и субъективных причин.

Для обозначения центрального процесса переходного от Февраля к Октябрю 1917 г. исторического периода мы предлагаем использовать термин «фрагментация власти», отличая его от широко известного понятия «разделение властей». Вследствие процесса фрагментации как в центре страны, так и в провинциях сформировалось три основных властных центра, претендующих на гегемонию: Временное правительство и его органы на местах, Советы рабочих и солдатских депутатов, Ставка Верховного главнокомандующего.

О «февральском» периоде в Тавриде существуют научные исследования, осуществленные рядом авторов, в частности, П.Н. Надинским [11], В.В. Федунным, В.И. Жуковым [14, с. 98-99], А.Г. Зарубиным и В.Г. Зарубиным [6], В.Н. Пащенко [13] и некоторыми другими.

Вместе с тем, в настоящее время существует актуальная необходимость в качественно новом научном осмыслении обширной проблематики, связанной с деятельностью учреждений Временного правительства в Таврической губернии. В частности, в серьезном анализе нуждается широкий спектр архивных материалов, не использовавшихся ранее в исторической литературе. При этом, обоснованным представляется использование институционального подхода (в отличие от доминирующего доньше в историографии событийно-исторического), позволяющего комплексно исследовать «внутреннюю» логику принимаемых управленческих решений и их последствия, механизмы взаимодействия и взаимовлияние различных правительственных институций [7].

Ситуацию, сложившуюся в сфере государственного управления после Февральской революции, удивительно точно характеризуют слова генерала А.И. Деникина: *«И никакой практической работы <...> заведенная бюрократическая машина, скрипя и хромая, продолжала кое-как работать старыми частями и с новым приводом...»* [8, с. 180].

Как справедливо замечает О. Кудинов, *«в ходе революции были освобождены от занимаемых должностей генерал-губернаторы, губернаторы, градоначальники, полицеймейстеры, исправники, становые приставы, урядники, земские начальники с соответствующими канцеляриями и делопроизводствами, были упразднены такие местные учреждения, как полицейские управления, комитеты по делам печати, жандармские управления и охранные отделения и т.д.»* [10]. При этом *«упраздненные должности и учреждения правительственного аппарата на местах были заменены губернскими, городскими и уездными комиссарами Временного правительства и их аппаратом (канцеляриями). Циркулярным распоряжением Временного правительства от 5 марта временно обязанности этих комиссаров до выборов новых органов самоуправления возлагались на председателей губернских и уездных земских управ и городских голов, которые были избраны еще при старом режиме <...> Созданное в марте 1917 г. при Министерстве внутренних дел Особое совещание по местным реформам ввиду сложности работы только к сентябрю подготовило Проект положения о комиссарах, согласно которому компетенция комиссаров напоминала компетенцию губернаторов и ис-*

правников. Само «Временное положение о губернских (областных) и уездных комиссарах» было обнародовано лишь 25 сентября 1917 г. Такая медлительность породила кризис власти на местах» [10].

Безусловно, общественно-политическую ситуацию в Петрограде в известном смысле можно экстраполировать и на Таврическую губернию, включавшую в свой состав, наряду с собственно крымскими уездами, и три «материковых» уезда – Днепровский, Мелитопольский и Бердянский.

Власть Временного правительства опиралась тут (как и в России в целом) на аппарат Таврического губернского комиссара и уездных комиссаров.

6 марта Таврическим губернским комиссаром назначается Я.Т. Харченко, 27 марта – Н.Н. Богданов (оба – известные земские деятели, возглавлявшие Губернскую земскую управу) [6, с. 100, 104].

12 марта 1917 г. Таврическим губернским комиссаром была получена из Петрограда циркулярная телеграмма: «*Николай Второй уже задержан в Царском Селе точка Председатель Совета рабочих депутатов Николай Чхеидзе*» [3, л. 109].

16 марта 1917 г. Я.Т. Харченко телеграфировал в центр, Временному правительству: «*Докладываю в губернии спокойно точка на местах приступлено к организации волостных и сельских общественных комитетов, учреждение которых населением встречается сочувственно*» [6, с. 100; 3, л. 129]¹.

Впрочем, следует признать: архивные документы свидетельствуют о том, что это спокойствие было весьма относительным. 5 марта появляются слухи о «*движении по улицам Феодосии пьяных толп*» [3, л. 22]. 6 марта 1917 года Симферопольский уездный исправник рапортовал Таврическому губернскому комиссару: «*Сего числа, около 5 часов вечера, в мое отсутствие, в мою канцелярию явилось около 20 человек нижних воинских чинов, которые как в канцелярии, так и во дворе, произвели обыск, отобрали оказавшееся здесь оружие и, перерезав телефон, отправились в казарму стражи, где также перерезали телефон и обезоружили стражу, а затем, оставив здесь военный караул, удалились*» [3, л. 34]. 7 марта исправник Никифоров докладывает из Евпатории о намерениях «*рабочего класса обезоружить чинов полиции*» [3, л. 40]. 9 марта Земский начальник станции Васильево (Мелитопольский уезд) телеграфирует о «*состоявшемся постановлении схода его арестовать*» [3, л. 42 об.].

Немаловажно, что власть комиссаров в губернии ограничивалась как центральными ведомствами, так и советами, а также Главным начальником Одесского военного округа, имевшим особые правомочия в условиях военного времени.

Процитируем некоторые показательные документы. Из телеграммы помощника Таврического губернского комиссара Бианки Главному начальнику Одесского военного округа Фелицыну от 30 августа 1917 г.: «*Видах сохранения спокойствия и борьбы с контрреволюцией необходимо предоставление Вами мне права [изд]ания обязательных постановлений с карательной [сан]кцией в административном порядке прошу срочного [рас]поряжения телеграфу*» [2, л. 20].

В ответ Главный начальник Одесского военного округа телеграфировал: «*Уполномочивать по Закону возможно лишь на наложение взыскания в административном порядке за нарушение изданных уже мною обязательных постановлений ввиду чего по вопросу об издании новых постановлений [н]адлежит каждый раз в нужных случаях входить ко мне с представлениями телеграфу*» [2, л. 21].

Безусловно, следует согласиться с мнением генерала Деникина, что «*демагогическая деятельность*» Совета рабочих и солдатских депутатов тяготела «*над волей и совестью Временного правительства*» [5, с. 175]. В Крыму советы были образованы в Севастополе, Симферополе, Керчи, Феодосии, Ялте, Карасубазаре (ныне Белогорск), Перекопе [9, с. 56].

Для аппарата Губернского комиссара (как и в целом по стране) был свойственен во многом декларативный характер решения актуальных управленческих задач. Объективные воз-

¹ Комитеты общественных организаций изначально формировались как демократическая опора власти комиссаров, заменивших губернаторов, и должны были выступать в качестве известного противовеса власти Советов (см. [8]).

возможности его были крайне ограниченными, особенно в силу набиравших обороты процессы социальной деструкции.

В этом контексте процитируем крайне показательное обращение Таврического губернского комиссара в Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов г. Симферополя от 20 мая 1917 г.: *«На обращенную ко мне просьбу Комитета о вызове в г. Симферополь находящегося ныне на действительной военной службе быв. Начальника жандармского управления полковника Мадатова, считаю необходимым сообщить, что выполнить эту просьбу я могу лишь при условии, если Комитет гарантирует, что Мадатов здесь не будет арестован, т.к. выписывать его в Симферополь для ареста я считаю неудобным. Если же Комитет все же арест Мадатова считает неизбежным, то я рекомендовал бы о задержании и доставлении его сюда сообщить непосредственно в Штаб Одесского Военного Округа, в распоряжении которого он находится»* [3, л. 297-297 об.].

Отсутствие идиллии во взаимоотношениях параллельных органов власти рельефно подтверждается еще одним интересным документом, а именно жалобой управляющего имением Аскания-Нова Днепровского уезда, обращенной к Таврическому губернскому комиссару 25 мая 1917 г.: *«6-го Мая с / года члены Херсонского Исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов забрали в экономии Аскания-Нова, согласно прилагаемого списка, винтовки, разного рода охотничьи ружья, револьверы и проч., принадлежащие владельцу имения, а равно принадлежности к этому оружию. Считая отобрание этого оружия, а в особенности охотничьего, неправильным, Управление имением имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о возвращении такового экономии, если не всего, то хотя охотничьего, револьверов и проч.»* [3, л. 342-342 об.].

Следствием управленческого кризиса стало усиление своеволия и анархии. Так, к осени 1917 года усилилась тенденция по захвату земельной собственности. В Феодосийском уезде крестьянами были захвачены земли помещика Фелинова, в Евпаторийском уезде – помещиков Шнейдера и Трещева, в деревне Мазанка Симферопольского уезда запахали земли помещика Семаковского [11, с. 32].

В сложных драматических условиях смены эпох в полноте зазвучал отрезвляющий и вразумляющий голос Русской Православной Церкви, на протяжении сотен лет не просто выполнявшей миссию важнейшего духовного центра и средоточия высоких нравственных ценностей, но и уникального духовного учреждения, благотворно влиявшего на поступательное динамичное развитие самого государства Российского.

Не случайно поэтому, что, в свое время, в ответ на информацию севастопольского градоначальника о «нежелательном развитии сектантского движения» в городе-крепости и главной базе Черноморского флота, Император Николай II наложил резолюцию: *«Им там не место, принять меры к их удалению»* [1, л. 1 об.].

5 (18) марта 1917 г., в самом начале «медового месяца» Февральской революции, увидел свет «Послание пастве Таврической», автором которого является выдающийся православный иерарх, архиепископ Таврический и Симферопольский (впоследствии схиархиепископ) Димитрий (в схиме – Антоний) Абашидзе (1867-1942).

Архиепископу Димитрию суждено было жить и трудиться в переломную революционную эпоху, когда, казалось, рушилось все и вся... Свидетель великой катастрофы XX столетия, Владыка Димитрий все свои силы самоотреченно положил на алтарь духовной борьбы с варварством и саморазрушением дорогого его сердцу народа и Отечества. «Послание пастве Таврической» занимает совершенно особое место среди многих слов, обращений, проповедей Владыки Димитрия.

В этом документе с присущей архипастырю глубиной раскрывается отношение истинно верующего патриота России к происходящим переменам. В отличие от многих современников, Владыка, критически оценивая деятельность ушедшего правительства, вместе с тем отнюдь не спешит «бросать камень» в адрес Государя. Взвешенно и мудро он оценивает текущее положение дел в стране, обозначает важнейшие задачи, стоящие перед каждым истинным гражданином.

Центральным стержнем «Послания», его узловым концептом является призыв к консолидации общества во имя Веры и Отечества, призыв, оставшийся по сути не услышанным...

«... как ни упорен, как ни хитер и искусен враг наш, а все же без малогого трехлетняя борьба ослабила и расшатала его, надломилась сила его и нужно с нашей стороны недолгое еще усилие, чтобы, Богу помогающе, взять верх над ним, выгнать его из наших пределов, обезоружить его и, таким образом, воцарить приятный Христу Богу мир и на нашей земле, и во всех христианских странах, вовлеченных в борьбу с внешним врагом нашим. Для этого желанного успеха, без которого тщетна, немислима надежда наша на светлое и великое будущее Отечества нашего, так естественно и не призрачно радующая нас ныне, для верного исполнения долга нашего перед страждущей страной нашей в настоящее время требуется от всех нас малого и великого, старого и молодого, дружно, единодушно и самоотверженно взяться за борьбу с врагом нашим и не складывать оружия нашего до победного конца. Счастье Русского народа вверено Богом нам – сынам Русского Отечества, счастье это в руках наших. Как сладостно и вместе страшно сознавать это!

Господь, нелицеприятный Судья, потребует от нас ответа, что мы сделали для сохранения и умножения вверенного нам достояния. Он – Царь Небесный дал нам все для возвышения нашего Отечества: и свободу, и силу, и богатство земли. Ничто нас не спасет, если мы ныне не объединимся, не будем действовать как единое существо, по подобию Троицного Бога», – писал, в частности, Владыка Димитрий [3, л. 143-146].

Пламенный и во многом пророческий пафос автора обращен к великой идее победного завершения той Отечественной (больше известной в учебниках под наименованием «Первой Мировой») войны. Напомним, что генерал Деникин в своих мемуарах справедливо отмечал: *«Наши союзники не смеют забывать ни на минуту, что к середине января 1917 г. эта армия удерживала на своем фронте 187 вражеских дивизий, т.е. 49% всех сил противника, действовавших на европейских и азиатских фронтах. Старая русская армия заключала в себе достаточно еще сил, чтобы продолжать войну и одержать победу» [5, с. 133].*

Однако тяжелый Брестский мир, заключенный Лениным и его окружением 3 марта 1918 г. между Советской Россией и государствами Четверного союза во главе с Германией, фактически перевел страну-победительницу в статус побежденной стороны. Вследствие этого для нас была исключена сама возможность участвовать в установлении новой — «Версальской» системы международной безопасности и, соответственно, контролировать послевоенное развитие побежденной Германии, одержимой жадной реванша...

Еще одним уникальным свидетельством о начале «окаянных дней» Тавриды является переписка Архиепископа Димитрия с Таврическим губернским комиссаром Н.Н. Богдановым, обнаруженная нами в фондах Государственного архива в Автономной Республике Крым.

Приведем текст одного показательного письма, с которым Владыка Димитрий обратился к Таврическому губернскому комиссару 13 апреля 1917 г.:

«Милостивый Государь, Николай Николаевич.

От о.о. благочинных Таврической епархии поступают на мое имя заявления, что среди населения губернии во многих приходах идут суждения об отобрании у причтов церковных земель и о прекращении выдачи причтам общественного жалованья как вознаграждения за их труд по приходу.

Принимая во внимание, что с устранением существовавшей формы правления и отменной ее не отменены законы Российской Империи, оберегающие права, обязанности и имущество граждан, и что приговоры сельских обществ о вознаграждении членов причта за их труд не могут и не должны терять своей силы до особых постановлений о сем новой Правительственной власти, я имею честь обратиться к Вам с просьбою, не найдете ли Вы возможным разъяснить чрез Уездных Комиссаров Волостным Правлениям, а через сих последних и сельским Обществам, что нарушение последними принятых на себя обязательств к причтам своих церквей является действием недопустимым, противозаконным, в корне подрывающим нормальное течение государственной жизни, воздерживаться от чего настойчиво требует от всех нас наше Временное Правительство, [коему] мы обязаны повиноваться.

Одновременно с сим считаю своим долгом доложить Вам о действиях исполнительного Комитета села Рубановки, Мелитопольского уезда, который поставив в вину своему свя-

ценнику, прослужившему в приходе свыше 45 лет, его деятельность в 1905/6 годах, как председателя Союза русских людей, коим он, к слову сказать, и не был, предложил оставить приход к 1 Мая с.г., совершенно не считаясь с голосом и желаниями большинства прихожан означенного села /на сходе было всего 100 человек/ и правом епархиальной власти удалять священнослужителей по выяснении степени действительной виновности их. Смею надеяться, что Вы, стоя на страже интересов граждан вверенной Вам губернии и нормального течения государственной жизни, не откажете в своем содействии к прекращению подобных самоуправных действий и о последующем почтить меня своим уведомлением.

Призывая на Вас Божие благословение, с истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть покорнейший слуга, Димитрий, Архиепископ Таврический и Симферопольский» [4, л. 4-4 об.].

Представляется, что весьма непростое положение Православной церкви в Тавриде после Февраля имело не только «стихийную» подоплеку. Архивные документы дают основания полагать, что велась целенаправленная работа по ее публичной дискредитации, о чем наглядно свидетельствует обращение Архиепископа Таврического Димитрия к Губернскому комиссару Н. Богданову от 10 июня 1917 г., в котором Владыка жаловался на несправедливые и ложные обвинения, возведенные на Топловский Свято-Троицкий монастырь в газетах «Южные Ведомости» и «Русское Слово» (в то время игуменьей обители была Параскева (Родимцева), причисленная ныне к лику святых) [4, л. 16-17].

Как грозное предзнаменование подошедшего вплотную разрушительного смерча читаем строки телеграммы Таврического губернского комиссара Алешкинскому уездному комиссару (Днепровский уезд), которая была отправлена 29 октября 1917 г., т.е. уже после Октябрьского переворота в Петрограде: «*Священник села Рыбалчьего Русаневич телеграфирует двоеточие Рыбалчьем школа закрыта учительницы изгнаны мне угрожают самосудом оставляю приход точка Экстренно примите меры восстановлению порядка прав потерпевших Виновных привлечите ответственности*» [4, л. 46].

Известный политический и земский деятель России В.А. Оболенский так вспоминал это «смутное» время: «*Вскоре после большевистского переворота я снова провел несколько дней в Крыму, где только что прошли выборы в Учредительное Собрание, на которых большевики совершенно провалились. Власть в губернии (тогда Крым еще не отделился от Северной Таврии) была формально в руках комиссара Временного Правительства, фактически же строй был анархический. Каждый город, каждая деревня управлялись своими комитетами, вернее же – почти не управлялись, а жили остатками старого привычного порядка <...>. Население стало прибегать к самосудам*» [12, с. 60].

Удивительно: в своих оценках ситуации этого периода, сложившейся в Таврической губернии, князь Оболенский почти в точности повторяет оценки А.И. Деникина в отношении обстановки общегосударственной: «*Все старые губернские учреждения – Суд, казенная и контрольная палата, губернский комиссар, заменивший губернатора и т.д. – были на своих местах и все заведенные при старом режиме колесики бюрократической машины продолжали вертеться. Машина расхлябалась, но все-таки кое-как работала*» [12, с. 67].

В сложившихся реалиях назревшая смена власти становилась неизбежной...

Анализ многочисленных архивных материалов позволяет прийти к выводу, что процесс фрагментации власти явился одной из важнейших, если не ключевой причиной октябрьских революционных потрясений. Абсолютной формой фрагментации стала Гражданская война, повлекшая разруху и миллионные жертвы. С другой стороны, переходный от Февраля к Октябрю 1917 г. период продемонстрировал, что местное самоуправление, в котором Временное правительство изначально видело свою опору, может быть по-настоящему эффективным только в условиях сильной центральной власти, что подтвердил последующий опыт крымских краевых правительств, в целом более успешный, чем опыт аппарата Таврического губернского комиссара.

Источники и литература.

1. Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее – ГААРК). Ф. 27. Оп. 1. Д. 13294.
2. ГААРК. Ф. Р-1694, оп. 1, д. 2.

3. ГААРК, Ф. Р-1694, оп. 1, д. 31.
4. ГААРК. Ф. Р-1694, оп. 1, д. 41.
5. Деникин А.И. Очерки русской смуты. [3 кн.] Кн. 1. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль-сентябрь 1917). М.: Айрис-пресс, 2006.
6. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: АнтикВА, 2008. 728 с.
7. Ишин А.В. Из истории деятельности органов Временного правительства в Таврической губернии (по архивным материалам) // Крымский Архив. 2009. № 11. С. 51-59.
8. История государства и права России / Отв. ред. Чибиряев С.А. М., 1998 // <http://bestboy.narod.ru>
9. Крым: прошлое и настоящее / Отв. ред: С.Г. Агаджанов, А.Н. Сахаров / Институт истории СССР АН СССР. М.: Мысль, 1988.
10. Кудинов О. Реформа местного самоуправления Временного правительства России в 1917 г. // <http://emsu.ru>.
11. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Часть II. Крым в период Великой Октябрьской Социалистической революции, иностранной интервенции и Гражданской войны (1917 – 1920 г.). Симферополь: Крымиздат, 1957. 304 с.
12. Оболенский В.А. Крым в 1917-1920-е годы. (Предисловие, подготовка текста В.В. Лаврова, комментарии А.В. Мальгина) // Крымский Архив. 1994. № 1.
13. Пашеня В.Н. Этнонациональное развитие в Крыму в первой половине XX века (1900-1945 гг.): Монография. Симферополь, 2008. 288 с.
14. Федун В.В., Жуков В.И. Становление органов управления Временного правительства в Крыму (март-апрель 1917 г.) // Революция и Гражданская война 1917–1920 годов: новое осмысление: Материалы. Симферополь: Крымский архив, 1995. С. 98-99.

ДИСКУССИЯ О БУДУЩЕМ СТАТУСЕ КРЫМА В ПЕРИОД ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ ПОЛУОСТРОВА (МАЙ-НОЯБРЬ 1918 Г.)

КРАПИВЕНЦЕВ М.Ю.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Крымский полуостров традиционно является зоной противостояния геополитических интересов крупнейших мировых держав. В переломные исторические эпохи их борьба за овладение этим стратегическим плацдармом особенно обострялась. Одним из таких периодов стала гражданская война 1918-1920 гг. на территории бывшей Российской империи. Ее начальный этап в Крыму включает полугодовой период германской оккупации, когда о претензиях на Крым заявило сразу несколько государств, в первую очередь, Германия и Украина. В самом Крыму (впервые с момента присоединения полуострова к России) родился проект создания независимого Крымского ханства. В то же время, на полуострове действовали силы, стремившиеся к включению Крыма в состав так впоследствии и не возникшей буржуазной Российской Федерации. Загнанные в подполье большевики продолжали надеяться на возвращение полуострова в состав Советской России. Некоторые представители крымско-татарской интеллигенции рассчитывали на поддержку Турции.

Несмотря на то, что ни одной из вышеназванных сил не удалось в 1918 г. реализовать свои устремления, дискуссия о будущем статусе полуострова, начавшаяся именно во время германской оккупации, стала отправной точкой длительного и непростого процесса создания автономной республики в Крыму, завершившегося ее провозглашением в 1921 г.

По мнению А.Г. и В.Г. Зарубиных, стремление германского оккупационного командования опереться на созданное им Крымское краевое правительство, вызвано тем, что терпевшая поражение в I Мировой войне Германия была уже не в силах управлять взбудораженным революцией Крымом сугубо диктаторскими методами [6, с. 57]. Поэтому параллельно с заявлением генерала Р. фон Коша от 30.05.1918 г. о применении к жителям полуострова германского военного судопроизводства по законам германского полевого суда [2, с. 44], немецкое командование принимает решение об организации местных органов власти и гражданского управления оккупированной территорией до окончательного определения судьбы полуострова. Для этого и было создано Краевое правительство под председательством генерала бывшей Российской императорской армии М.А. Сулькевича.

Несмотря на «марионеточный» характер власти этого правительства, после нескольких месяцев большевистского террора, загнавшего все политические силы полуострова в подполье, коалиционный характер новой власти позволил различным социальным и национальным группам вернуться к политической жизни. Главная дискуссия, которая между ними немедленно развернулась – спор о будущем статусе и политической ориентации Крыма. Особенно активно в него включились деятели крымско-татарского национального движения и лидеры партии кадетов. Те и другие вошли в состав краевого правительства. Внешние силы, в первую очередь, Германия и Украинская держава (несмотря на несопоставимые военные и политические возможности) также включились в борьбу за обладание Крымом. В ходе этих дискуссий возникло 4 варианта будущего статуса полуострова. Рассмотрим их поочередно.

Крым – немецкая колония.

29 марта 1918 г. между Германией и Австро-Венгрией было заключено соглашение об оккупации Украины. Оно предусматривало включение Крыма в сферу «германских интересов» [1, с. 82]. Речь шла о захвате Германией Кавказа и установлении ее влияния на Ближнем и Среднем Востоке [4]. Германский генерал Ашауэр (первый комендант оккупированного Севастополя) называл оккупацию Крыма «несравненной геополитической позицией». Уже после

захвата полуострова он писал: «*Овладение этим плацдармом на северном побережье Черного моря, с его идеальными морскими гаванями и находящимися в них судами, расширило круг нашего влияния в таком размере, в котором мы и не предполагали*» [12, л. 111]. Действительно, уже 6 июня два немецких батальона были направлены морем на Кавказ [12, л. 112].

Однако захват Крыма и оккупация Украины были неоднозначно восприняты в самой Германии. 26 апреля 1918 г. представитель партии Центра М. Эрцбергер, выступая в главной комиссии рейхстага, заявлял, что Германия скомпрометировала себя деятельностью на Украине. Социал-демократ Г. Ледебур открыто протестовал против оккупации Крыма, указывая на незаконность таких действий Германии [12, л. 100]. Поэтому, немецкое командование начинает искать местную силу, на которую оно могло бы опереться.

Изначально оккупационные силы делали ставку на немцев-колонистов. Отмечалось наличие многочисленных немецких колоний в Северном Крыму, жители которых дружелюбно встречали приход «соотечественников». Ашауэр писал: «*Казалось, что мы в Германии... немецкие колонисты нас прекрасно принимали*» [12, л. 105]. Он отмечал, что для этих крестьян не существовало земельного вопроса, сыгравшего «*такую решающую роль в русской революции. Большевики ничего не могли им предложить, напротив того, они, так же как и татары, тяжело от них пострадали, и потому, рассматривали нас как своих освободителей*» [12, л. 105]. Для установления диалога с немецкими колонистами, вслед за войсками, в Крым из Германии прибыл имперский министр земледелия Ликдеквист.

Однако немногочисленное (и недостаточно влиятельное) немецкое население не могло стать прочной опорой оккупантов. Германское командование увидело, что более значимую роль на полуострове играет крымско-татарское население. Поэтому, уже в первой половине мая 1918 г. было предложено организовать местное правительство членам крымско-татарского Курултая и одному из его лидеров Джаферу Сейдамету. Однако, в дальнейшем, преследуя цель сохранить Крым за собой и сберечь на полуострове гражданский мир и спокойствие, германское командование стало лавировать между интересами различных социальных и национальных групп, не допуская перевеса ни одной из них. Поэтому, состав правительства М.А. Сулькевича был очень «пестрым»: в него на паритетных началах вошли и крымские татары, и немцы, и русские кадеты [8, с. 81]. Эта пестрота предопределила отсутствие политического единства среди членов кабинета. Одним из самых острых разногласий стал вопрос о присоединении Крыма к Украинской державе, которого Германия стремилась избежать.

Крым – составная часть Украинской державы гетмана Скоропадского.

Четвертый универсал Центральной Рады, объявивший о фактической независимости Украины, не определял территориальных границ УНР [15]. Они определялись Третьим Универсалом, которым Крым в состав Украины не включался [13]. При подписании Брестского мира делегация УНР отказалась от претензий на Крым и Черноморский флот [7].

Лишь через полтора месяца пребывания у власти Рада осознала геополитическое значение Черноморского флота и Крымского полуострова для Украины. Полковник Армии УНР О. Удовиченко вспоминал: «*Крым для України, крім своїх природних скарбів, завдяки численним портам, з головним портом Севастополем, цією стратегічною і технічною базою Чорноморського флоту, був ключем до Чорного моря. Питання володіння кримськими портами, а особливо Севастополем і Чорноморським флотом, було надзвичайної ваги для України як з боку політичного, так і з економічного*» [14, с. 35-36]. Овладение Крымом осложнялось для властей УНР тем обстоятельством, что на полуостров претендовали немцы. Чтобы переломить ситуацию в свою пользу, 12 апреля украинские вооруженные части начинают прорыв на полуостров через Сивашскую линию обороны. В Симферополь они вошли раньше немцев, однако, германская сторона в дипломатической полемике сумела отстоять Крым как свой «трофей». 27 апреля украинские войска были выведены с полуострова, однако, стремление Украины овладеть им осталось в силе.

Через два дня после вывода военных частей УНР из Крыма во главе Украины встал П. Скоропадский, принявший титул гетмана и переименовавший Украинскую народную республику в Украинскую державу. В начале мая 1918 г., когда немцы заняли Крым и не успели опре-

делиться с формой правления на полуострове, в письме германскому послу на Украине фон Мумму гетман подчеркивал: «Особое значение для возрождения Украины имеет установление ее границ, особенно южной и, таким образом, овладение Крымом. Присоединение Крыма имело бы то значение для Украинской Державы, что она была бы обеспечена продуктами первой необходимости, как соль, табак, вино и фрукты. (...) Владение Крымом дало бы еще и возможность сберечь на Украине много средств, организуя новые и отстраивая старые курорты. Кроме того, владея южным берегом Крыма, Украина получила бы такие природные порты, как Севастополь и Феодосия» (цит. по: [3]). 12 июня 1918 г. правительство гетмана П.П. Скоропадского вручило германскому послу ноту требованием передать полуостров Украине [4].

Германское командование лавировало, стремясь удержать под своим контролем и Украину, и Крым. Угрожая крымским властям присоединить полуостров к Украине, немцы всячески избегали практической реализации ее территориальных притязаний [6]. Видя это, вопрос о присоединении полуострова к Украине гетман стремился решить, не вступая в дипломатические контакты с «марионеточным» краевым правительством. Был избран путь экономического давления. Летом 1918 г. на Перекопском и Чонгарском перешейках между Крымом и Украиной начались пограничные конфликты, была разорвана почтово-телеграфная связь и устроена таможенная «война», больно ударившая по ослабленной войной экономике полуострова.

Попыткой урегулировать конфликт и разблокировать границу стали крымско-украинские переговоры осенью 1918 г. Предложенный П.П. Скоропадским вариант вхождения полуострова в состав его державы предполагал предоставление Крыму широких прав автономии под верховной властью Гетмана. В ведение Украины передавались: международные отношения, законодательство, финансы, управление армией и флотом (однако, Крыму разрешалось иметь свои вооруженные силы). Сферы местного самоуправления, торговли, промышленности и земледелия, народного просвещения, религиозная, национальная политика, здравоохранение, пути сообщения (кроме железных дорог), определение государственного языка подлежали ведению Крыма. На них не должны были распространяться «общие законы Украинской Державы» [3]. Однако этот проект был признан крымскими переговорщиками неприемлемым. Делегация Крыма выступила с альтернативным проектом Федеративного союза на основе двустороннего договора. 10 октября переговоры были прекращены, компромисса достичь не удалось. Крым в состав Украинской державы не вошел. Однако и среди политических сил полуострова не было единства по вопросу о вхождении в состав Украины. Как ни странно, эту идею поддержали кадеты. Рассмотрим их позицию подробнее.

Крым – часть будущей воссоединенной России.

Представители партии кадетов вошли в состав правительства М.А. Сулькевича. Русские по национальности, в основном, бежавшие из центральных Российских губерний от большевиков, они не представляли себе Крым вне России. Более того, в ходе гражданской войны они стремились уберечь полуостров от окончательной аннексии Германией или Турцией, рассчитывая на победу «белого» движения. Путь к сохранению Крыма для России они видели во временном присоединении полуострова к гетманской Украине.

В июле 1918 г. для признания Германией Краевого правительства и выработки торгового соглашения в Берлин была направлена делегация в составе Дж. Сейдамета и В.С. Татищева, кадета, занимавшего в Краевом правительстве пост министра финансов. Его основной задачей было получение займа от германской стороны в 50 млн. марок. Но в ходе этой поездки В.С. Татищев попытался провести неофициальные переговоры в Киеве с П.П. Скоропадским. Состоявшаяся встреча, однако, не дала результатов. По воспоминаниям П.П. Скоропадского, они лишь обменялись парой фраз в присутствии немецкого офицера. В мемуарах он написал об этой встрече: «Я никогда не мог понять, что хотел Татищев» (цит. по: [4]). Однако в Берлине В.С. Татищев нашел возможность сообщить министру гетманского правительства Ф.А. Лизогубу о готовности к переговорам о вхождении Крыма в состав Украины при условии признания его автономного статуса и немедленного прекращения экономической блокады [6, с. 60]. Как было показано выше, такие переговоры действительно начались, а экономическая блокада на время их проведения была приостановлена [6].

Во время переговоров, 6 сентября 1918 г., Губернской земской управой, действовавшей параллельно с Краевым правительством¹, было проведено собрание под председательством видного деятеля кадетской партии В.А. Оболенского (с участием В.С. Татищева), на котором выработаны следующие положения: «1) Крым не может быть самостоятельным государством. 2) Представители земств и городов Крыма желают воссоздания России. 3) Как первый этап к воссозданию России, Крым должен быть объединен с Украиной. 4) В случае присоединения Крыма к Украине, он должен получить автономное управление» [12, л. 40].

Надежды кадетов, связанные с П.П. Скоропадским, можно объяснить тем, что гетман имел чин генерал-адъютанта императорской свиты, а в 1918 г. поддерживал тесные связи с «белым» движением на Юге России.

Однако широко пропагандировать свои идеи кадеты не могли. Краевое правительство М.А. Сулькевича, несмотря на формальное сохранение на полуострове законодательства Российской империи (параллельно с германскими оккупационными законами), явно тяготело к независимому статусу Крыма (см. ниже). Ту же цель преследовала крымско-татарская интеллигенция. По мнению кадетов, это могло помешать будущему объединению Крыма с демократической Россией, которая, как им казалось, должна была возникнуть после победы «белого» движения [12, л. 40 - 42].

Крым – независимое государство.

Данный вариант политико-правового статуса Крыма предлагался, в первую очередь, одним из лидеров крымско-татарского национального движения Дж. Сейдаметом. 1917-1918 гг. – время наивысшего подъема крымско-татарского национального движения и, соответственно, пик карьеры Дж. Сейдамета. В этот период при его активном участии создаются Мусисполком (1917) и партия «Милли Фирка» (1918). Дж. Сейдамет выступал за независимость полуострова при доминировании крымско-татарского этноса. В достижении этой цели он был готов опираться на любую внешнюю силу. Именно он в 1917 г. руководил переговорами с Центральной Радой о совместной борьбе против Советской России с предоставлением Крыму независимости. Однако, впоследствии Дж. Сейдамет писал: «Идею независимости Крыма мы оберегали как от русских, так и от украинцев, одновременно надеясь и рассчитывая на покровительство Турции» (цит. по: [5]). Позиция Дж. Сейдамета ярко проявилась в его выступлениях на Курултае весной 1918 г. В первой речи он занял протурецкую позицию, но после прихода в Крым немцев, буквально через несколько дней, выступил с прогерманских позиций [9, с. 64-65].

В июле 1918 г., во время поездки в Берлин, в ходе которой его напарник В.С. Татищев предпринял попытку переговоров с Украиной, Дж. Сейдамет привез Вильгельму II письмо от членов Курултая с идеей возродить на полуострове Крымское ханство. В документе излагался следующий проект: «1) Преобразование Крыма в независимое нейтральное ханство, опираясь на германскую и турецкую политику. 2) Достижение признания независимого Крымского ханства у Германии, ее союзников и в нейтральных странах до заключения всеобщего мира. 3) Образование татарского правительства в Крыму с целью совершенного освобождения Крыма от господства и политического влияния русских» [10, с. 29].

Несмотря на то, что положительного отклика эта идея в Германии не получила, в самом Крыму она вызвала большой общественный резонанс. Публикация текста письма в «Крымском Вестнике» вызвала грандиозный скандал, т.к. оно было отправлено не только без ведома Совета министров, но даже большинства членов Курултая. Курултай даже создал комиссию по расследованию письма «О крымском ханстве», состоявшую из трех человек – Кемала, Дегирменджиева и Абийбулаева [3].

Позже, в ноябре 1918 г., в кадетской газете «Таврический голос», была опубликована статья «К созданию крымского ханства». В ней говорилось, что председателем Комиссии к следствию были привлечены Дж. Сейдамет, отвозивший документ в Берлин, подписавший его Генеральный председатель национальной директории А. Хильми и редактор парламентского органа «Миллет» С. Айвазов. Разобрать же фамилию лица, подпись которого на

¹ Стремясь поддерживать дружеские отношения с различными слоями общества, немцы и М.А. Сулькевич не упразднили этот исполнительный орган местной власти времен Российской империи.

письме стояла возле слов «генеральный секретарь», следователи не смогли. Более того, они допускали, что *«лицо это мифическое, так как в действительности должности такой не существует»* [12, л. 119].

В статье указывалось, что Дж. Сейдамет отрицал свое участие в составлении письма. По его словам, он лишь исполнял роль курьера и, одновременно с этим документом, доставил в Берлин другую докладную записку от немцев-колонистов «о превращении Крыма в германскую колонию». В ходе расследования Дж. Сейдамет заявил, что как социалист-федералист, к идее Крымского ханства он относится отрицательно. Один из подписантов письма А. Хильми также менял свои политические воззрения в зависимости от политической ситуации на полуострове [12, л. 119], а С. Айвазов на тот момент по правительственному поручению находился в Константинополе.

Имя М.А. Сулькевича при этом не упоминается ни разу. Но есть все основания полагать, что председатель Краевого правительства был заинтересован в создании на полуострове независимого монархического мусульманского государства. В мемуарах С. Айвазова имеется специальная глава - «Хитрость Сейдаметова¹ и Сулькевича» [9, с. 68 - 69]. Автор сообщает, что, будучи редактором газеты «Миллет», 20 июля 1918 г. он был вызван Дж. Сейдаметом в Парламентское бюро, где находились также Абляким Хильми, Сеит Омер Таракчи и М.А. Сулькевич. Там Айвазову предложили подписать в качестве одного из председателей Курултая 15 бумаг. Большинство их были протоколами заседаний Курултая. Однако последняя бумага оказалась на немецком языке. Это и было вышеупомянутое письмо Вильгельму II. По словам С. Айвазова, М.А. Сулькевич и Дж. Сейдамет угрозами вынудили его поставить подпись под этим документом. Так появился автограф «Сабри», то есть имя Айвазова. Фамилию он ставить отказался. Действительно, на документе не указана фамилия, но указано полное имя «Хасан Сабри». Айвазов утверждал, что первое имя было дописано без него [10, с. 30]. В мемуарах Айвазов утверждает, что письмо было инициировано представителем немецкого командования генералом фон Кошем, и именно после его правки и одобрения доставлено Дж. Сейдаметом в Берлин. Если верить С. Айвазову, получается, что глава Краевого правительства М.А. Сулькевич имел непосредственное отношение к инициативе возрождения независимого Крымского ханства. Следует, однако, учитывать, что мемуары Айвазова написаны в советской тюрьме в 1930 г. во время его первого ареста, что не могло не повлиять на достоверность сообщаемых автором сведений. В мемуарах содержится ряд фактических ошибок, т.к. автор не имел возможности свериться с документами. Кроме того, воспоминания, написанные в заключении, могли быть использованы в качестве обвинительного документа. Соответственно, С. Айвазов в них неизбежно выгораживал себя. Тем не менее, факт упоминания М.А. Сулькевича в числе тайных инициаторов воссоздания Крымского ханства является примечательным и небеспочвенным.

После провала переговоров в Германии о независимости Крыма вследствие начавшейся там революции, С. Айвазов был послан Дж. Сейдаметом в качестве представителя министерства иностранных дел Крыма в Константинополь с особой миссией. В его задачу входило: *«Ознакомить нейтральные государства с положением в Крыму через их дипломатических представителей и просить их признания самостоятельности Крыма»* [9, с. 71]. В статье «Джафер Сейдамет: штрихи к портрету» А.Г. и В.Г. Зарубины утверждают, что С.А. Айвазов был послан в Турцию не только по поручению Дж. Сейдамета, но и, *«видимо, с согласия самого Сулькевича»* [5]. С.Айвазов в мемуарах отмечает, что М.А. Сулькевич принимал непосредственное участие в подготовке этой миссии.

Идея опереться на помощь Османской империи для отделения Крыма от России находила в Константинополе отклик. Об этом свидетельствуют воспоминания Дж. Сейдамета о его встрече в начале 1918 г. с Энвер-пашой, фактическим главой турецкого правительства. Это был первый дипломатический контакт представителя крымского краевого правительства с высокопоставленным османским чиновником. В ходе этой встречи Энвер-паша живо интересовался возможностью присоединения полуострова к Турции и перспективой аннексии осма-

¹ Имеется ввиду Дж. Сейдамет.

нами российского Черноморского флота [5]. Ситуация в Крыму в 1918 г. активно освещалась центральной турецкой прессой.

Перспектива возможного вовлечения Турции во внутренние дела Крыма беспокоила пророссийские силы на полуострове (в том числе и в Краевом правительстве). 16-17 августа 1918 г. проходило заседание Совета министров, на котором обсуждался вопрос о том, каким образом С. Айвазов мог быть направлен в Константинополь без санкции на то верховной власти. В розданном министрам Рапорте МИД отмечалось, что идея иметь в Турции представителя Крыма исходила от «некоторых» государственных деятелей Османской империи, которые во время июльской встречи с членами крымского Курултая¹ высказали мнение о необходимости присутствия такового «хотя бы для визы паспортов при поездках в Крым» [12, л. 7].

Тем не менее, предъявить свои претензии на Крым открыто Османская империя в 1918 г. не могла, как по внутренним, так и по внешним причинам: оккупировавшая полуостров Германия была союзницей Турции в войне, и немцы всемерно пресекали любые попытки турок вмешаться в крымские дела, как и попытки крымских татар активизировать контакты с правительством младотурок [4].

Таким образом, международная обстановка, сложившаяся вокруг оккупированного германскими войсками Крыма в мае-ноябре 1918 г. была крайне сложной и противоречивой. Германия, оккупировавшая Крым, опиралась в своем стремлении на военную силу, немецких колонистов и марионеточное Краевое правительство, а Украина – на дипломатию. При этом, Украина стремилась добиться согласия Германии на включение Крыма в ее состав, параллельно осуществляя экономическое и политическое давление на местные власти и население полуострова. Одновременно на полуострове высказывалось намерение превратить его в независимое государство или включить в состав будущей буржуазной Российской Федерации, которую намеревалась создать кадетская партия. Немаловажным и, в то же время, малоизученным остается фактор Турции, на помощь которой рассчитывала часть крымско-татарской интеллигенции. Однако публично высказывать эти намерения в условиях германской оккупации было невозможно. Поэтому, они продвигались в форме закулисных переговоров и политических интриг. Понимая невозможность обеспечить государственность Крыма самостоятельно, политические силы полуострова стремились опереться на более сильного внешнего игрока: Германию, Турцию или Украину.

Источники и литература.

1. Борьба за советскую власть в Крыму : [Сборник документов и материалов]. Симферополь: Крымиздат, 1957. Т. 1. 320 с.
2. Борьба за советскую власть в Крыму : [Сборник документов и материалов]. Симферополь: Крымиздат, 1961. Т. 2. 364 с.
3. Зарубин А. Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму [Электронный ресурс] // Сайт «Москва-Крым». Режим доступа: <http://www.moscow-crimea.ru/history/20vek/zarubiny.html>
4. Зарубин В.Г., Зарубин А.Г. Первое Краевое правительство: попытка государственности (1918 год) [Электронный ресурс] // Историческое наследие Крыма. 2007. № 18. Режим доступа: <http://a-pesni.golosa.info/grvojna/bel/a-1kraj1918.php>
5. Зарубин В. Г., Зарубина А.А. Джафер Сейдамет. Штрихи к портрету [Электронный ресурс] // Историческое наследие Крыма. 2006. № 12-13. Режим доступа : <http://a-pesni.golosa.info/grvojna/bel/a-sejdamet.php>
6. Мальгин А.В. Внешняя политика крымского Краевого правительства генерала Сулькевича // Крымский Музей. 1995. № 1. С. 56-66.
7. Мирный Договор между Советской Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с другой стороны («Брестский мир») [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Хроно». Режим доступа: <http://www.hrono.ru/dokum/brest1918.html>
8. Оболенский В.А. Крым в 1917-1920-е годы // Крымский архив. 1994. № 1. С. 58-101.
9. Последняя рукопись Сабри Айвазова. Дело партии «Милли Фирка». Документы свидетельствуют [под общ. ред. В. В. Пшеничного, Р. Н. Лесюка, С. В. Лунина, И. И. Полякова. Сост. А. В. Валякин, Р. И. Хаяли]. Симферополь : ДОЛЯ, 2009. 352 с. (Серия «Рассекреченная память». Крымский выпуск, т. 1).
10. Приложение к № 57 к Известиям Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1920. 82 с.

¹ Имеется в виду поездка представителей крымских татар в Турцию для выражения соболезнований турецкому народу по случаю кончины султана Мехмеда V.

11. Редькіна О. М. Кримський крайовий уряд генерал-лейтенанта С. Сулькевича (червень - листопад 1918 р.): історико-правове дослідження. : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец. 12. 00. 01 «Теорія та історія держави і права ; історія політичних і правових вчень». К., 2003. 24 с.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 71, оп. 35, д. 954, 119 л.
13. Третий Универсал Украинской Центральной Рады [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Вікіджерела». Режим доступа : http://uk.wikisource.org/wiki/Третій_Універсал_Української_Центральної_Ради
14. Удовиченко О. І. Україна у війні за державність. Київ: Рідний край, 1995. 255 с.
15. Четвертый Универсал Украинской Центральной Рады [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Вікіджерела». Режим доступа : http://uk.wikisource.org/wiki/Четвертий_Універсал_Української_Центральної_Ради

**ПРОСЛАВЛЕННЫЙ ПОДВОДНИК ИНЖЕНЕР-ВИЦЕ-АДМИРАЛ,
ПРОФЕССОР М.А. КРАСТЕЛЁВ, АТОМНЫЙ ПОДВОДНЫЙ ФЛОТ И СЕВАСТОПОЛЬ**

Кущев В.Ю.

**Научно-исследовательский центр Вооружённых сил Украины
«Государственный океанариум» (г. Севастополь)**

В ходе Второй мировой войны наметился коренной перелом в военном деле, связанный с появлением ядерного оружия, основным средством доставки которого являлись и в настоящее время являются ракеты. Скрытая их доставка на рубеж применения может быть осуществлена только подводными лодками (ПЛ) в силу их главного тактического свойства – скрытности. Осуществление управляемой цепной реакции деления урана привело к появлению принципиальной возможности создания лодки, оснащённой атомной энергетической установкой (АЭУ), которая позволяет во много раз увеличить длительность нахождения корабля под водой и дальность его плавания. Этим обеспечивается практически полная скрытность и внезапность применения ядерного оружия.

При всей современности оружия, технических средств и систем атомных подводных лодок (АПЛ), их боеспособность и эффективность боевого применения определяются морально-психологическим состоянием и уровнем профессиональной подготовки экипажа, каждого его члена, в первую очередь, офицерского состава. Поэтому, создание АПЛ потребовало создания особой системы подготовки специалистов в области корабельной атомной энергетики.

Несмотря на то, что создание атомного подводного флота и, следовательно, системы подготовки соответствующих специалистов – эпохальное событие в новейшей истории как с точки зрения развития сил и средств ведения современной войны на море, так и с точки зрения расстановки политических сил на мировой арене после Второй мировой войны, история создания системы подготовки офицеров-инженеров для атомного подводного флота в литературе практически не освещены.

**Инженер-вице-адмирал
М.А. Крестелёв**

Приоритет в создании АПЛ, как и атомного оружия, принадлежит главному вероятному противнику СССР в послевоенное время – США. Поэтому, Советскому Союзу вновь пришлось догонять их, совершенствуя и развивая подводное кораблестроение и, в первую очередь, атомный подводный флот.

Послевоенное ускоренное и интенсивное развитие ВМФ СССР потребовало не только реформирования существующей системы высшего военно-морского образования, но и создания специальной системы обучения и воспитания, включая целевое высшее учебное заведение, задачей которого была подготовка корабельных инженеров-атомщиков. История создания системы подготовки офицеров-инженеров для атомного подводного флота прежде СССР, а теперь России, и вопросы её синхронизации с историей создания самого этого флота в литературе освещены крайне слабо.

Практически единственным является большой труд [7], популярно, но не всегда достаточно объективно раскрывающий историю создания Севастопольского высшего военно-

морского инженерного училища (СВВМИУ)¹. История создания системы подготовки офицеров-инженеров для атомного подводного флота рассмотрена неполно, а историческая роль и заслуги основателя этой системы инженера-вице-адмирала М.А. Крастелёва и его соратников не раскрыты должным образом.

Деятельность М.А. Крастелёва можно условно разделить на деятельность в годы войны и в послевоенный период. Героическое военное прошлое М.А. Крастелёва хорошо известно. О нём много написано. Высокую оценку профессионализму, таланту и мужеству инженера-механика М.А. Крастелёва, его роли на подводной лодке дали в своих воспоминаниях командиры ПЛ «Л-3» П.Д. Грищенко, который не менее четверти мемуаров посвятил своему стармеху, и ПЛ «К-52» Герой Советского Союза И.В. Травкин. Душевно и тепло отзывается о нём известный писатель-маринист А.И. Зонин, участвовавший в четвёртом боевом походе «Л-3» и ярко описавший настроения и характеры членов экипажа в известной книге «Походный дневник (Боевое плавание «Л-3» в августе-сентябре 1942 г.)», уделив в ней Михаилу Андрониковичу большое внимание. О М.А. Крастелёве в своих воспоминаниях хорошо отзывается и командующий КБФ в годы Великой Отечественной войны адмирал В.Ф. Трибуц. Много о Михаиле Андрониковиче написано и другими авторами. Поэтому роль и заслуги М.А. Крастелёва признаны и не оспариваются.

Другое дело его послевоенная деятельность. Она не исследована. Сам М.А. Крастелёв о себе не любил рассказывать, а если и рассказывал, то только по просьбе и в рамках заданного вопроса. В результате немало современников или не признают его роль в создании СВВМИУ и основании им системы обучения и воспитания будущих офицеров-подводников, или преуменьшают её. Однако его деятельность была пионерской, и осуществлялась в сложных временных, научно-технических и хозяйственных условиях. Два предшественника с этой сложной государственной задачей, можно сказать, не справились. Причины этого вполне объективны – их служба протекала в других сферах военно-морской деятельности и у них отсутствовали необходимые для этого знания и опыт инженера-подводника.

Целью статьи является раскрытие исторической роли и заслуг прославленного в годы Финской и Великой Отечественной войн подводника, признанного учёного, кандидата технических наук, профессора, инженера-вице-адмирала М.А. Крастелёва как создателя СВВМИУ и основателя системы подготовки офицеров-инженеров для АПЛ и, тем самым, восстановить историческую справедливость.

В такой постановке эта проблема рассматривается впервые.

М.А. Крастелёв прославился ещё в годы войны и не только в среде своих подчинённых и экипажей подводных лодок «Л-3» и «К-52», на которых он служил командиром электромеханической боевой части и где пользовался огромным уважением и любовью. Глубокие и обширные знания, большой опыт, талант организатора и руководителя, учителя и наставника позволили ему не только обеспечивать выполнение подводными лодками, на которых он служил и воевал, всех поставленных боевых задач, но и неоднократно спасать экипажи от неминуемой гибели. Всё это снискало ему безграничный авторитет на флоте и во флотских кругах.

Отличительной особенностью М.А. Крастелёва было то, что он в любых аварийных случаях первым шёл устранять повреждения. В 1941 г. в первом боевом походе совместно с добровольцами А.Д. Мочалиным и Ю.И. Обрывченко в опаснейших условиях для жизни устранил серьёзное повреждение горизонтальных рулей, полученное в результате бомбёжки катерами-охотниками после удачной торпедной атаки транспорта противника. Работы проводились в кормовой цистерне главного балласта в условиях белых ночей Балтики. В любой момент могли появиться и атаковать авиация и корабли неприятеля. В этом случае подводная лодка могла уйти под воду с людьми в цистерне. На это стармех М.А. Крастелёв командиром ответил кратко: *«Есть, задание будет выполнено. О нас не беспокойтесь»* [4].

Во втором боевом походе «Л-3», когда командир, в силу своих ошибочных действий, посадил подводную лодку на мель, в управление лодкой вступил М.А. Крастелёв и снял её с

¹ Название училища изменялось: 1951 г. – Третье высшее военно-морское инженерное училище (ВВМИУ); 1954 г. – ВВМИУ подводного плавания; 1960 г. – Третье ВВМИУ; 1964 г. – Севастопольское ВВМИУ (прим. авт.).

мели. В пятом боевом походе ПЛ «Л-3» была таранена транспортом противника и получила большие разрушения. Самая большая неприятность – перископ был согнут вправо под углом 90° к диаметральной и превратился в минрепозахватчик [1]. Корабль вынужден вернуться в базу, но форсировать минные поля, которыми многократно был перекрыт Финский залив, было нельзя. Стармех проявил творчество и находчивость и превратил перископ в минрепоотвод.

В первом для М.А. Крастелёва боевом походе ПЛ «К-52», на которую он был переведён с ПЛ «Л-3», в ноябре 1944 г. в результате безграмотных действий офицера штаба бригады ПЛ, заменившего раненого командира И.В. Травкина, и низкой организации службы на корабле произошла авария при выполнении манёвра «Срочное погружение». М.А. Крастелёв взял управление лодкой на себя, увёл её из-под бомбового удара, положил на грунт и организовал восстановление поврежденных систем и механизмов» [1]. Подобные примеры его профессиональных качеств – не единственные.

Другой отличительной особенностью М.А. Крастелёва было то, что он к решению любых проблем подходил творчески. Так, например, ещё задолго до войны без каких-либо указаний он самостоятельно начал самодельную амортизацию наиболее важных приборов и некоторых светильников. Все они уцелели при бомбёжке. Или другой пример. Чтобы снять крышку цилиндра дизеля требовалось восемь человек, не считая такелажников – боцманской команды. Крастелёв ввёл тросовую систему, при которой три человека бесшумно снимали крышку в течение 20 минут [4]. Творческая деятельность Михаила Андрониковича не ограничивалась масштабами корабля. Летом 1943 г. в связи с гибелью ряда лодок в районе сетевого заграждения Порккала-Удд – Таллин М.А. Крастелёв совместно с инженером А.А. Кашиным сконструировал механический сетерез. Согласно решению Наркома ВМФ была создана комиссия, которая в период с сентября 1943 г. по январь 1944 г. проводила во Владивостоке испытания его сетереза и сетереза другого офицера – инженера-капитана 3 ранга А.П. Барсукова» [1].

Из всех положительных качеств адмирала важнейшими являются его любовь к учению и любовь к обучению. Обучая, он преследовал одну цель: научить во имя высшей цели – достижения победы над врагом. М.А. Крастелёв всегда, в любых условиях и ситуациях учился сам и учил подчинённых. Свои знания и накопленный опыт он щедро отдавал людям. Его любовь к ним и забота о них проявлялась через характерное качество: *«Любит учить людей»*. Это отметил командир «Л-3» в аттестации на М.А. Крастелёва в январе 1942 г. [3]. Он учил коллег по службе, а после увольнения в запас – и коллег по работе и, как бы это ни казалось странным и ни было трудно, – своих командиров и начальников.

Большое значение М.А. Крастелёв придавал практической выработке устойчивых практических навыков, точности и безошибочности действий. Он исходил из того, что любая ошибка в приготовлении, пуске, использовании и приведении в исходное положение систем и механизмов должна рассматриваться как чрезвычайное происшествие, которое может поставить корабль в очень трудное, а в отдельных случаях – в критическое положение. Вот как об этом в январе 1974 г. отзывался старший моторист «Л-3» И.А. Синицын в письме к М.А. Крастелёву: *«... под Вашим руководством повседневная довоенная и непрерывающаяся в годы войны боевая подготовка дала нам возможность в совершенстве владеть сложнейшей подводной техникой, отличной боевой сплочённостью и слаженностью, высокой боевой культурой»* [2]. Согласитесь, столь высокую оценку подчинённых можно заслужить исключительно в одном случае – личного высочайшего профессионализма.

Велика роль М.А. Крастелёва и при обучении и отработке организации действий центрального поста ПЛ. Задача эта далеко не простая. Основная трудность заключается в преодолении психологических барьеров, выстроенных старшим командным составом корабля. В их основе – властность, высокое самомнение и нежелание признавать свои ошибки. Однако, напористость, высокие профессионализм и методический уровень подготовки, глубокое понимание психологии людей позволяли ему добиваться главного – обоснованно убеждать и подсказывать командиру и старпому их действия, связанные с управлением подводной лодкой в той или иной тактической ситуации и, следовательно, научить. Здесь проявлялись высокая принципиальность, самокритичность и бескомпромиссность М.А. Крастелёва. Для него приоритет имеют только деловые отношения. На замечание А.И. Зонина: *«...он вас будет*

представлять к награде!», М.А. Крастелёв ответил: *«Я воюю не за награды, а за РОДИНУ, и если останусь живым, то это и будет моей самой высокой наградой!»*. Эти черты характера хорошо выразил А.И. Зонин в словах, сказанных Михаилу Андрониковичу: *«... всё больше убеждаюсь, что спорить с вами – это убеждать самого себя в вашей правоте»* [2].

Усилия М.А. Крастелёва дали немалые результаты: это и безаварийное выполнение боевых задач в море, и умение с честью выйти из сложившейся ситуации при повреждениях, вызванных бомбёжками. Он обеспечил потопление 26 боевых кораблей и судов противника. Это весомый вклад стармеха М.А. Крастелёва в Победу. Немалая заслуга его и в том, что высокое звание Героя Советского Союза было присвоено В.К. Коновалову – командиру ПЛ «Л-3», сменившему П.Д. Грищенко, и И.В. Травкину – командиру ПЛ «К-52». В том, что подводная лодка «Л-3» стала Гвардейской, а ПЛ «К-52» – Краснознамённой, – также большая заслуга командира электромеханической боевой части.

М.А. Крастелёв принял участие в восьми боевых походах ПЛ «Л-3» и «К-52», и в каждом из них совершил свой личный профессиональный подвиг, проявляя при этом глубокое знание техники, умение предвидеть возможные аварии и поломки, находчивость и творчество, помноженные на мужество и героизм. Именно эти качества не раз спасали подводные лодки, на которых он воевал, от гибели. Именно за это М.А. Крастелёва любили не только подчинённые, но и весь экипаж корабля. *«23 года большой срок и я вспоминаю тебя весьма ясно и твой боевой путь. Должен тебе сказать большое спасибо не только я, а весь экипаж подводной лодки, что мы живы и видим белый свет, и можем встречаться друг с другом. Сказать откровенно, было бы справедливо, чтобы в день 30-летия Победы ты получил высшую награду Родины наравне с командиром»*, – так писал корабельный врач ПЛ «К-52» Р.И. Миценгендлер в своём письме М.А. Крастелёву в январе 1975 г. [2].

За мужество и героизм, проявленные в боевых походах, Михаил Андроникович был награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», и «За взятие Кёнигсберга».

И в своей мирной жизни М.А. Крастелёв продолжал быть носителем тех качеств, которые позволили ему совершать невозможное во время войны. Он был безгранично смел, уверен в своих силах, понимал важность принимаемых решений и умел отвечать за них. Был далёк от подпольных интриг и закулисной борьбы, был образцом честности и показывал пример фантастической преданности любимому делу – подводному флоту.

По окончании войны служба в подводных силах продолжалась, но надо было думать о приложении своих сил и возможностей. *«Лично моё мнение сводится к следующему: по своему опыту и складу характера, подготовке и наклонностям тебе нужно работать в училище безусловно, на эту работу ты и рассчитывай...»*, – такой совет даёт в мае 1949 г. один из друзей [2]. Научно-педагогическая деятельность в полной мере соответствовала складу характера М.А. Крастелёва. И он в январе 1950 г. поступает в адъюнктуру, оканчивает её в июне 1953 г. и назначается старшим преподавателем кафедры живучести ВВМИОЛУ им. Ф.Э. Дзержинского. В апреле 1953 г. защищает кандидатскую диссертацию. В мае 1954 г. переводится на должность старшего преподавателя кафедры живучести корабля Второго ВВМИУ (г. Пушкин, Ленинградской области), где через год с небольшим становится её начальником [6]. Именно здесь проявился талант педагога. В 1954-1955 гг. во Втором ВВМИУ под руководством М.А. Крастелёва был разработан и хозяйственным способом построен первый в системе военно-морских учебных заведений действующий учебно-тренировочный комплекс по борьбе за живучесть ПЛ. Построен, хотя в эту затею никто не верил [5]. Это событие стало значимым в служебной биографии М.А. Крастелёва. Его инициатива и талант были по достоинству оценены командованием ВМФ СССР.

Сразу после окончания войны СССР приступил к восстановлению разрушенного народного хозяйства, но международная обстановка продолжала оставаться напряжённой. Возникла угроза безопасности страны с океанских направлений. В этих условиях СССР вынужден был развивать свой ВМФ. Это потребовало реформирования системы высшего военно-морского образования. В 1948 г., согласно Постановлению СМ СССР, было сформировано три новых военно-морских училища, одно из них инженерное, и реформированы существ-

вующие. 9 сентября 1952 г. И.В. Сталин подписал Постановление СМ СССР «О проектировании и строительстве объекта 627» – первой советской атомной подводной лодки «К-3», впоследствии получившей наименование «Ленинский комсомол». Высокие темпы разработки, проектирования и строительства первой АПЛ потребовали создания специализированного высшего военно-морского инженерного училища, ориентированного на подготовку офицеров-инженеров для атомного подводного флота. Такими же высокими темпами необходимо было создавать и развивать систему подготовки офицеров-специалистов в области корабельной атомной энергетики.

Поэтому в августе 1951 г., СМ СССР принял решение о создании в Севастополе ещё одного училища – Третьего высшего военно-морского инженерного училища, которое в ближайшей перспективе должно было начать целевую подготовку офицеров-инженеров для АПЛ. Следует заметить, что решение было принято за год до того, как И.В. Сталин подписал Постановление о начале проектирования и строительства первой АПЛ. Создание подобной системы должно завершиться ещё в период проектирования лодки с тем, чтобы к моменту начала формирования экипажа выпустить первых специалистов-атомщиков. Этот факт свидетельствует о том, что решение поставленной задачи является далеко не тривиальным.

Шло время, проектирование и строительство АПЛ достигло своего апогея, но строительство училища осуществлялось медленно. Нужен был лидер, влюблённый в профессию подводника и способный в непростых условиях разрухи народного хозяйства в кратчайшее время решить столь сложную и важную государственную задачу. Поэтому, кандидатура М.А. Крастелёва была единственно возможной и единственно достойной на роль начальника такого училища. Именно он, по напутственным словам начальника военно-морских учебных заведений ВМФ СССР адмирала С.Г. Кучерова, «... *должен построить училище, в создание которого все, там работающие, не верят*» [5].

Комплекс зданий СВВМИУ

Выбор командованием ВМФ СССР М.А. Крастелёва на должность начальника ВВМИУ подводного плавания в Севастополе не был случайным. Он обладал для этого всеми необходимыми качествами, которые были оценены руководством флота. М.А. Крастелёв был назначен начальником училища 27 марта 1956 г., вскоре после того, как состоялся физический пуск опытного корабельного ядерного реактора – наземного прототипа главной энергетической установки АПЛ. А вскоре после его назначения был утверждён первый пятилетний план кораблестроения, предусматривавший постройку сразу двадцати АПЛ, и было предписано открыть в училище новую специализацию для подготовки инженеров по эксплуатации АЭУ ПЛ, организовать подготовку по ней и ввести новые учебные дисциплины. Следует заметить: 1) атомной ПЛ ещё не было, она будет сдана флоту в опытную эксплуатацию только в декабре 1958 года; 2) подобных высших учебных заведений, которые могли бы рассматриваться в качестве прототипа, в стране не было, надо было разрабатывать методологию обучения, содержание образования и создавать необходимую учебно-научную базу; 3) командование ВМФ рассматривало новое училище как пионерское и как головное, готовящее специалистов данного профиля, опыт которого должен был быть передан другим училищам. Иными словами, задача, стоящая перед М.А. Крастелёвым, - это задача государственной важности, и её решение должно быть только положительным. Чтобы строить такое училище в сложившихся условиях послевоенного времени, нужно знать, что строить, для чего строить, какой и как организовать учебный процесс. Он это знал, потому и строил.

Вступив в должность начальника училища, М.А. Крастелёв столкнулся с многоплановыми трудностями организационного, технического и хозяйственного плана. Но самые большие трудности заключались в том, что в училище сложилась сложная морально-психологическая обстановка, вызванная следующими обстоятельствами: профессорско-преподавательский состав (ППС) не верил в создание училища; большая часть начальников и заведующих кафедрами не понимали роли и значения лабораторной базы в подготовке корабельных специалистов и не имели чёткого представления о таковой на своих кафедрах; на всех специальных кафедрах, кроме одной, практически отсутствовали учебные лаборатории. Однако, благодаря кипучей энергии М.А. Крастелёва, его активной жизненной позиции, опыту фронтовика, педагога и учёного, все трудности были преодолены, и в Севастополе создано Севастопольское ВВМИУ, и на его базе – самая мощная в мире система подготовки офицеров-инженеров для АПЛ.

Талант М.А. Крастелёва, как руководителя и высокопрофессионального подводника, позволил организовать выполнение большого объёма разноплановых работ и в кратчайший срок достичь следующих основных результатов:

- 1) В 1962 г. были завершены восстановление и достройка главного учебного корпуса.
- 2) Спроектирован, построен и внедрён в учебный процесс учебно-тренировочный комплекс по борьбе за живучесть ПЛ, включающий: учебно-тренировочную станцию (УТС), выполненную на базе боевой подводной лодки «М-113», воевавшей в годы войны на Чёрном море; УТС на базе прочного корпуса ПЛ типа «М» XV серии и оснащённую 20-метровой водолазной башней; водолазный полигон, обладающий большой пропускной способностью и обеспечивающий подготовку не только курсантов, но и личного состава 153 бригады подводных лодок Черноморского флота; пожарный полигон. Комплекс позволял в условиях, максимально приближенных к реальным, отрабатывать вопросы борьбы за живучесть ПЛ при пожаре и при поступлении воды внутрь прочного корпуса; практического выхода из затонувшей подводной лодки через торпедные аппараты и последующего подъёма на поверхность методом свободного всплытия и методом выхода по буйрепу; проводить занятия по лёгководолазной подготовке, включая спуски под воду, поиск затопленных объектов, выполнение различных работ под водой и приобретение первичных навыков подъёма методом свободного всплытия. Всё это позволяло не только сформировать у курсантов и закрепить необходимые практические навыки борьбы за живучесть ПЛ, но и выработать морально-психологическую устойчивость, столь необходимую в случае аварии на корабле.

3) Создана лаборатория тренажёров по управлению подводной лодкой, которая использовалась как для отработки курсантов, так и тренировки личного состава подводников Черноморского флота.

4) Спроектирована, построена и внедрена в учебный процесс научно-учебная лаборатория с действующим исследовательским ядерным реактором ИР-100. В то время училище было единственным в стране высшим учебным заведением энергетического профиля, имеющим собственный реактор. Эта лаборатория позволяла, кроме научных, решать и учебные задачи. В частности, в ней проводились лабораторные работы по ядерной физике и радиохимии, занятия по выработке у курсантов практических навыков управления ядерным реактором. Управление курсантами «живым» реактором в различных режимах позволяло сформировать у них психологическую готовность эксплуатировать корабельную АЭУ.

5) Созданы и внедрены в учебный процесс учебно-научный комплекс с действующими ядерно-физическими и теплотехническими установками; электронный тренажёр «Пульт-70», позволяющий на основе математического моделирования с помощью аналоговой ЭВМ ядерно-нейтронных и теплофизических процессов в корабельной АЭУ отрабатывать действия операторов в различных режимах её работы; лаборатории, оснащённые различными действующими корабельными механизмами – дизелями, паровыми турбинами АПЛ, вспомогательными механизмами и т.п.; лекционные аудитории большой вместимости, которые закреплялись за кафедрами, и потому, были оснащены соответствующими стендами, приборами, наглядными пособиями, образцами корабельной техники и её макетами, а также всем необходимым для работы лектора – большими, от стены до стены, досками, инструментом, средствами проекирования и т.п.

6) Созданы научно-исследовательские лаборатории теплофизики, гидравлики и другие, которые использовались в учебном процессе и в которых проводились научные исследования в интересах флота не только ППС, но и курсантами, членами научного общества курсантов.

7) Создан вычислительный центр, оснащённый современными для своего времени цифровыми и аналоговыми ЭВМ.

В этот же период были построены столовая на 2500 человек, шлюпочная база, спортивный городок, автопарк, тир, казармы и другие объекты. Продолжалось строительство домов для постоянного состава училища. Строительство всех объектов необходимо было осуществлять практически одновременно, поэтому, часть объектов строилось силами курсантов и мичманов, часто проводились субботники постоянного состава училища.

К моменту увольнения М.А. Крастелёва в запас в декабре 1971 г. в СВВМИУ была создана вся необходимая учебно-научная, материально-техническая и бытовая инфраструктура. Она сохранилась практически неизменной до последнего дня существования училища. После него были построены проблемная научно-исследовательская лаборатория живучести, две казармы, построен и сдан в эксплуатацию в 1980 г. учебно-научный комплекс «Борт-70», созданный на базе АЭУ ПЛ и запланированный ещё при М.А. Крастелёве. В то же время, в 1973 г. была ликвидирована УТС, оснащённая 20-метровой водолазной башней. Не дай Бог, что случится! Конечно, убрать проще, чем повышать уровень методической работы, организованности и дисциплины в училище.

Неизменность учебно-научной инфраструктуры свидетельствует о том, что методология обучения, созданная и внедрённая М.А. Крастелёвым, доказала свою эффективность и жизнеспособность. Фундаментом её являются учебно-научная база, ориентация учебного процесса как на высокий уровень теоретической подготовки, так и на высокий уровень практической отработки курсантов, а также активность и творчество ППС училища, которые позволяли совершенствовать лабораторную базу и сам учебный процесс в течение всего времени существования СВВМИУ. В М.А. Крастелёва поверили, за ним пошли, и он построил училище, в создание которого все, там работающие, уже поверили. Президент АН СССР академик А.П. Александров, посетивший училище в июне 1976 г., оценивая учебно-лабораторную базу, записал в книге отзывов: *«Уровень оснащённости лабораторий на меня произвёл отличное впечатление. Замечательно то, что многие тренажёры и пособия являются результатом собственных разработок профессорско-преподавательского со-*

става и курсантов. Широкое планирование преподаваемых дисциплин и оборудование лабораторий позволяют училищу сообщить курсантам основательные фундаментальные сведения наряду с высоким уровнем практической подготовки».

М.А. Крастелёвым с учётом перспектив развития АПЛ были глубоко продуманы и воплощены в СВВМИУ методологические основы обучения и воспитания будущих офицеров-инженеров АПЛ, а также проведения научных исследований в интересах флота. Поэтому, училище, учебный процесс и научно-исследовательская деятельность продолжали развиваться и совершенствоваться на основе этой методологии и после его увольнения. В результате, к середине 80-х годов, училище было признано лучшим в системе военно-морского образования.

М.А. Крастелёв обладал разносторонностью и широтой интересов и увлечений. Он уделял большое внимание этическому, эстетическому, культурному и спортивному воспитанию курсантов: факультативно организовывались лекции по этике и эстетике, приглашались коллективы театров Севастополя и Симферополя, симфонические оркестры. Немалое значение М.А. Крастелёв придавал обустройству территории училища и жилого городка в посёлке Голландия, а также досугу постоянного состава училища и их детей. Во дворах были оборудованы детские площадки, устраивались праздники, организовывались выставки детских работ и их выступления, туристические походы по Крыму, а в 1958 г. был создан первый пионерский лагерь. К этой работе привлекались и курсанты. Обладая литературным даром, М.А. Крастелёв был инициатором издания в училище литературно-художественного журнала «Шторм». Не имея музыкального образования, он музицировал и стал автором немалого числа музыкальных произведений на собственные стихи и на сочинения известных поэтов. Он много и плодотворно работал с известным советским поэтом Львом Ошаниным, на стихи которого написал песню «Россия».

Уволившись в декабре 1971 г. в запас, Михаил Андроникович продолжал много и плодотворно трудиться. Он прекрасно понимал, как важно подводнику быть высокопрофессионально подготовленным в вопросах живучести ПЛ и в годы войны, и в мирное время. Ведь это – вопрос жизни экипажа и лодки, от которого напрямую зависит способность корабля выполнить своё предназначение – нанести сокрушительный удар по врагу с целью его уничтожения и достижения победы над ним. Поэтому, М.А. Крастелёв полностью отдавался работе, посвятив себя разработке проблем живучести корабля и подготовке будущих офицеров-подводников, прекрасно понимая, как это важно: передать накопленный опыт и знания тем, кто придёт после него, то есть нам – его воспитанникам.

Училище за короткий срок своего существования (всего 40 лет) выпустило около 11 тыс. специалистов. Его питомцы и сегодня продолжают достойно нести службу, охраняя океанские и морские рубежи России. В период подъёма и расцвета атомного подводного флота СССР примерно 80 % его инженеров-механиков – питомцы училища. Они представляли собой основную инженерную силу атомного флота. Это они своим трудом, знаниями и умениями, не считаясь со временем и трудностями, обеспечивали техническую готовность и безаварийное плавание подводных кораблей, освоение бескрайних просторов Мирового океана и Арктики. Среди них есть и герои – Герои Советского Союза и Герои России. Тысячи из них награждены орденами и медалями СССР и России. Среди них немало и тех, кто, проявив мужество и героизм, до конца исполнил свой воинский долг. Это офицеры-инженеры АПЛ «К-3», «К-8», «К-19», «К-429», «Комсомолец» и других. Их имена навсегда вписаны в славную историю становления и развития советского (а ныне российского) атомного подводного флота.

Инженер-вице-адмирал, профессор М.А. Крастелёв является истинным создателем СВВМИУ, несмотря на то, что он третий его начальник. Он и в мирное время стал легендой и в среде курсантов, и в среде их педагогов и наставников. Изучая жизнь и деятельность М.А. Крастелёв, невольно задаёшься вопросом: Строительство училища, создание, постоянное совершенствование и развитие системы подготовки офицеров-инженеров в условиях интенсивного развития атомного подводного флота, системы, которая сохранила свой высочайший уровень по сей день, неуклонно оставаясь современной, – что это? Ответ на этот вопрос дают боевые товарищи и сослуживцы адмирала. Так В. Дробленков в

апреле 1975 г. в письме М.А. Крастелёву пишет о первых встречах с ним и о «... неизгладимых впечатлениях о Вашем личном послевоенном подвиге, когда Вы не только возвели из ничего столь замечательное училище в Севастополе, а вокруг Вас выросла школа пытливых, ищущих и беззаветно работающей молодой поросли, ставшей теперь уже более чем именной» [2]. Поэтому, отвечая на поставленный выше вопрос «Что это?», можно сказать только одно и однозначно: это – Подвиг! Да, М.А. Крастелёв и в мирное время совершил подвиг, имя которому – СВВМИУ и СИСТЕМА подготовки офицеров-инженеров для АПЛ. Курсанты, говоря о своей альма-матер, называли училище не иначе, как «СИСТЕМА»! Это говорит о высокой курсантской оценке деятельности М.А. Крастелёва и лишний раз подчёркивает значимость его мирного подвига. Поэтому, сегодня мы с полным правом говорим: М.А. Крастелёв – это офицер и гражданин, совершивший в своей жизни два подвига, – военный и гражданский!

Учитывая большие заслуги прославленного подводника, инженера-вице-адмирала, профессора М.А. Крастелёва в годы Великой Отечественной войны, его выдающуюся роль в создании системы подготовки инженеров-механиков для АПЛ, в строительстве и последующем развитии СВВМИУ, отдавая дань его заслугам перед ВМФ, атомным подводным флотом и Севастополем, выпускники училища сочли своим священным долгом и обязанностью увековечить память любимого адмирала. Они не могут смириться с тем, что в Севастополе нет улицы, названной его именем. Этот великий человек, посвятивший жизнь флоту и отдавший ему своё сердце, заслужил память народа, ибо имя его навсегда вписано в историю военно-морского флота, его подводных сил, в историю Севастополя. Это имя должно быть достойно увековечено. Первым шагом стало создание надгробного памятника, установленного на могиле адмирала на старом городском кладбище Северной стороны Севастополя. Средства для этого были собраны выпускниками училища разных лет. Торжественное открытие памятника состоялось 18 сентября 2009 г. и было приурочено к 98-летию со дня рождения М.А. Крастелёва. В нём участвовали выпускники училища, бывшие преподаватели, военнослужащие, рабочие и служащие; преподаватели, рабочие и служащие Севастопольского национального университета ядерной энергии и промышленности, ставшего правопреемником СВВМИУ, представители Черноморского флота России и ВМС Украины, представители ветеранских организаций и средств массовой информации Севастополя.

19 сентября 2011 года на могиле адмирала вновь собрались выпускники училища разных лет, чтобы почтить память своего любимого учителя и наставника в его сотый день рождения. Собравшиеся поделились воспоминаниями об адмирале, восстановлении и строительстве училища и лабораторий, о СИСТЕМЕ, созданной М.А. Крастелёвым.

В этом году училищу исполняется 60 лет, а М.А. Крастелёву исполнилось бы 100. Две юбилейные даты – 60 и 100 лет. Какая большая разница во времени! Но они составляют единое – судьбу человека. Человека, который всю свою жизнь и всё своё сердце, без остатка, до самых уголков своей широкой и богатой души, безвозмездно отдал флоту. Нам, его потомкам, в пример. Эти две юбилейные даты объединяют в себе жизнь человека и жизнь системы, созданной этим человеком, жизнь Михаила Андрониковича Крастелёва и жизнь Севастопольского высшего военно-морского инженерного училища. Когда мы говорим Крастелёв, мы подразумеваем СВВМИУ, когда мы говорим СВВМИУ, мы думаем о Крастелёве. СВВМИУ и Крастелёв! Они не делимы, такова диалектика этого вопроса.

Всё, чего добился М.А. Крастелёв в годы войны и в мирное время – это его военная и мирная победы. Это два подвига – военный и мирный. Они совершены во имя мира и жизни, во имя нас, во имя тех, кто пришёл после него и кто придёт после нас.

Волевой, требовательный к себе и к подчинённым, беспредельно преданный морю и профессии подводника, отдающий всего себя воспитанию молодых офицеров-инженеров корабельной службы – таким был и останется в наших сердцах Михаил Андроникович Крастелёв. Благодаря его энергии, целеустремлённости и таланту было не только «построено училище», но и заложены основы и глубоко развита система подготовки офицерских инженерных кадров для АПЛ. Именно М.А. Крастелёв по праву является создателем СВВМИУ и основателем современной системы подготовки инженеров-механиков для

атомного подводного флота. Жизнь и деятельность Михаила Андрониковича только начинается изучаться, ибо его пример служения Родине – это пример, достойный подражания.

Завершая этот реквием инженеру-вице-адмиралу, профессору М.А. Крастелёву хочется сказать словами поэта:

*Двух жизней нет,
Дана всего одна.
И этой жизни всё
Отдано сполна!*

Михаил Андроникович отдал сполна всё! И в этом, наверное, счастье. Так ли это? Ответ на этот вопрос каждый из нас должен найти в себе. И сегодня, в год 100-летия со дня рождения М.А. Крастелёва мы, выпускники СВВМИУ, с гордостью называем себя крастелёвцами, и с душевным трепетом говорим: *«Учитель, пред именем твоим позволь смиренно преклонить колени...»*.

Источники и литература.

1. Автобиография М.А. Крастелёва от 14.10.1949 года // Из личного дела Крастелёва М.А., ЦВМА, инв. 95891, л. 15, 16, 17, 18, 19 (с обор. и без обор. 19).
2. Архив инженера-вице-адмирала М.А. Крастелёва, любезно предоставленный автору его внуком О.М. Крастелёвым.
3. Аттестация за период с 01.01.1941 по 18.01.1942 г. // Из личного дела Крастелёва М.А., ЦВМА, инв. № 95891, 8 л.
4. Грищенко П.Д. Схватка под водой. М.: Мол. гвардия, 1983 224 с., ил.
5. Крастелёв М.А. Учебно-тренировочный комплекс борьбы за живучесть корабля // Штурм. Литературно-художественный журнал. Вып. 5. Орган литобъединения СВВМИУ, Севастополь, 1987. С. 66-81.
6. Послужной список // Из личного дела Крастелева М.А., ЦВМА, инв. № 95891, 8 л.
7. Свет погасшей звезды. Хроники Севастопольского высшего военно-морского инженерного училища / Автор проекта Гончарук А.Ю.; Автор текста Чупрынин С.Я. М., 2005. 472 с.

**ПЕРШІЙ ГОЛОВА ДЕРЖСТРАХУ СРСР Д.І. ЄФРЕМОВ:
КРИМСЬКИЙ ПЕРІОД У ЖИТТІ**

ЛАТИШЕВА О.В.

Таврійський національний університет ім. В.І. Вернадського

Домінік Іванович Єфремов народився грудневого дня 1881 р. в м. Вишки поблизу Двинська у родині дрібного кустаря, а наприкінці 80-х рр., коли сім'я переїхала до Петербурга, батько заснував власну майстерню. Повсякденні турботи, починаючи з 8-річного віку, виконував Домінік. У 1892 р. його віддали до 4-х класного Володимирського міського училища, яке він успішно закінчив, а після успішних вступних іспитів у 1897 р. був зарахований до 4-го класу 2-го Санкт-Петербурзького реального училища. Навчання давалося легко, відтак у 1901 р. став студентом Гірничого інституту, де познайомився з ідеями «революційного марксизму» [11, с. 6]. За участь в організації підпільної типографії був арештований у 1903 р. та відбував ув'язнення в одиночній камері Петропавлівської фортеці більше року (квітень 1903 – травень 1905 р.), де вивчав суспільні науки – філософію, психологію, ідеологію народництва, марксизм. Під час ув'язнення був засуджений до «вічного» поселення в Сибіру та відправлений до Тобольської губернії – м. Туринськ, але йому вдалося втекти. В серпні 1905 р. опинився у Києві, потім в Одесі, заснував нелегальну типографію. Черговий арешт застиг його в Петербурзі, а покарання відбував в Архангельській губернії в м. Кемськ. Активна революційна діяльність розпочалася після жовтневого перевороту у Москві, де він входив до бойової п'ятірки Сокольницького району, а в травні 1918 р. був обраний секретарем Московського комітету партії, згодом очолював політвідділ 10-ї армії, член Ревміськради армії.

Після завершення громадянської війни його мобілізували на роботу до Катеринінської, а згодом Донецької залізниці. Із документів, що зберігаються у партійних фондах Державного Архіву АР Крим витікає, що він, перебуваючи на посаді Комісара Донецької залізниці, подає заяву в Кримський Обласком РКП, висловлюючи бажання працювати в Криму [4, арк. 15]. 31 січня 1921 року на засіданні Кримського Обласкому РКП було прийнято ухвалу клопотати перед ЦК РКП про відрядження тов. Єфремова в розпорядження Кримського Обласкому [4, арк. 15]. Вже 31 травня 1921 року його було обрано в президію ОК РКП, і саме йому довірили представляти Кримський обком партії на Всеросійській конференції РКБ [4, арк. 61], а також доручили представляти Кримський ЦК на Всеукраїнському З'їзді Рад [3, арк. 71].

16 червня 1921 року відбулося засідання I-го Розширеного Пленуму Кримського Обласного Комітету Р.К.П., на розгляд якого виносилося 8 питань. З другого питання про роботу Всеросійської Партійної Конференції з докладною доповіддю виступив Домінік Іванович, який зробив основний акцент на продподаток. Він озвучив ряд цифр і вніс ряд практичних пропозицій [2, арк. 10]. На цьому засіданні в доповіді про завдання уповноваженої комісії ЦК і ВЦІК ставилося завдання перетворення Криму в Республіку. Причому чітко говорилося про її автономний характер і в складі Радянської Федерації, також про тісні політичні, військові зв'язки з центром [2, арк. 11]. Єфремов був учасником того процесу підготовки визнання Автономної Кримською Республіки, приймав участь у дискусії про широку або звичайну форми автономії. Він також входив у комісію по розробці Конституції Кримської Республіки у тижневий строк [2, арк. 12]. Тому можна з упевненістю стверджувати, що він стояв на початкуванні Кримської Автономії, беручи активну участь у її формуванні.

Єфремов мав солідний партійний стаж з 1905 року; в кримській президії обкому партії, окрім нього такий досвід мало тільки двоє: Максимов – з 1903 року і Гавен – з 1902 року [1, арк. 84]. Він брав активну участь у IV (листопад 1921 р.) [1, арк. 6-9] і V Кримських обласних

партійних конференціях як доповідач, опонент, вів засідання [1, арк. 78-79]. Його доповідь була присвячена проведенню нової економічної політики в Криму; вона складалася з 17 пунктів пропозицій і 11 пунктів резолюцій, що свідчить про детальне опрацювання матеріалу, розуміння ситуації [1, арк. 71-74], що було пов'язано із посадою, яку він в той час займав – Голова РНГ (Ради Народного Господарства) Криму [1, арк. 84]. У грудні 1921 року Єфремова було делеговано в ЦК з доповіддю про положення Криму і з клопотанням про визнання його голодувальною областю [3, арк. 72]. У січні 1922 року за рекомендацією [1, арк. 84-84а] Кримського обласного комітету РКП Домінік Іванович відбув на роботу в ЦК [5, арк. 1].

6 березня 1922 р. ЦК партії висунув його на посаду голови держстраху, а на першому засіданні його Головного правління, яке відбулося 10 березня, Єфремов взяв на себе керівництво основними відділами: загальним, організаційно-інструкторським, фінансовим. Він головував на усіх засіданнях Правління, а їх за 9 місяців 1922 р. було 60 [11, с. 18]. За вересень 1922 р. Держстрах надіслав на місця 29 циркулярів, з них 17 по лінії загального та фінансового відділу [9, с. 38-40], якими він керував безпосередньо. Саме він, ризикуючи справою, впровадив окладне страхування посівів, худоби, чого не робили земства, а також дворові норми страхування від вогню, хоча з 1 жовтня 1922 р. визнали ефективними норми страхування будівель.

В архівах України збереглися протоколи засідання Держстраху за участі Єфремова та членів правління Укрдержстраху. 31 травня 1922 р. Д.І. Єфремов головував на засіданні Держстраху, яке обговорило питання про державну монополію страхування, а також про введення окладного страхування від вогню сільських будівель [15, арк. 38]. Політичні переконання Д.І. Єфремова та організаційні здібності, а також велике бажання виконати доручення ЦК партії, стимулювали його діяльність. Він не був фаховим страховиком, але радився з кваліфікованими і досвідченими «спецами». Правління Держстраху видавало двотижневика «Вестник государственного страхования», довкола якого формувалася група теоретиків і практиків страхової справи: професори С. Рибніков, А. Вормс, М. Пергамент, В. Светловський. З ними радився Д. Єфремов, а також постійно звертався до Інституту економічних досліджень Наркомфіну СРСР за консультаціями та з пропозиціями стосовно обґрунтування норм, тарифів та принципів страхування [10, с. 26-28].

Протягом 1922–1925 рр. Д. Єфремов опублікував в пресі близько десятка статей, у яких висвітлив не лише власну позицію щодо принципів радянського страхування, а також виклав історію його становлення. Вона постає в статтях «Три роки держстрахування» [8, с. 9-12], «11 листопада 1924 року» [7, с. 10-12], «Червоний страховик» [6, с. 7-9]. Висловлювання Єфремова вирізнялися лаконічністю та конструктивізмом фрази, над якими він міг довго працювати, редагуючи багато раз текст: очевидно позначилася колишня революційна діяльність в типографії. Він дипломатично вів перемовини, обіцяв республіканським Держстрахам оперативну самостійність, але був непорушним щодо принципу гавкізму та центрizmu.

Принциповість, організаційні здібності, фантастичну працювистість та безмежну відданість справі підкреслювали партійні та радянські високо посадовці, які знали його. Так, заступник наркома фінансів СРСР М.П. Брюханов виділив у Єфремова важливу рису характеру: *«непохитну волю для досягнення раз поставленої мети»*, а заступник голови РПО А.М. Лежава говорив таке про нього: *«Мені доводилося бачити його в тих складних умовах, але я ніколи не помічав за ним ні краплі розгубленості чи відчаю»* [11, с. 10]. Нарком охорони здоров'я М. Семашко також дивувався енергії, з якою Єфремов захищав справу страхування, ніби *«народився страховиком»* [11, с. 10], хоча дехто з них не вірив у перспективу розвитку радянської страхової системи.

Підсумком активної організаційної діяльності Д. Єфремова стало скликання першого Всесоюзного з'їзду страхових працівників, що відбувся 17–25 березня 1925 р. у Москві [14]. До президії з'їзду обрали А.М. Лежаву, наркома фінансів СРСР Г.Я. Сокольнікова, М.П. Брюханова, наркома фінансів РСФРР М.О. Мілютіна, голів держстрахів Білорусії, Закавказзя, України та Росії. Вони виголошували привітання від урядових установ. На з'їзді виступив голова ЦВК СРСР М.І. Калінін, а поряд з ним сидів Д.І. Єфремов. Від Укрдержстраху прибув його новий голова М.В. Левицький.

Пропозиції, висловлені Д. Єфремовим стосовно організації страхової справи в сільських районах, були реалізовані після його несподіваної смерті влітку 1925 р. Він не дожив також до затвердження ЦВК та РНК СРСР «Положення про державне страхування СРСР» 18 вересня 1925 р. [12], яке було його дітищем, взірцем уніфікації і централізації системи страхування. 10 вересня 1926 р., тобто більше року по смерті Д.І. Єфремова РНК РСФРР прийняв постанову «Про залучення місцевого населення до страхової справи» [13], яка скасовувала постанову від 11 листопада. Ідеї і принципи організації страхування в сільських районах, якими переймався Домінік Іванович, фактично були реалізовані.

Кримський період у житті Єфремова яскравий і насичений, завдяки активності, відповідальності та наполегливості він стає головою Держстраху СРСР. Саме він разом з професійними страховиками відбудував організаційну структуру, обстоював державну монополію страхування; вони розширили види сільського страхування, розробили норми, тарифи, правила, інструкції, принципи, тобто основу.

Партійний висуванець очолив складну галузь соціально-економічного життя суспільства, яка торкалася багатомільйонного селянства, різних груп міського населення, їх повсякденних майнових справ, тому були недоліки, але і досягнення. Д.І. Єфремову, незважаючи на труднощі, вдалося вибудувати систему державного страхування, відтак його можна вважати одним із її творців.

Джерела та література.

1. ГА АРК. Ф.П.-1, оп. 1, спр. 53.
2. ГА АРК. Ф.П.-1, оп. 1, спр. 55.
3. ГА АРК. Ф.П.-1, оп. 1, спр. 59.
4. ГА АРК. Ф.П.-1, оп. 1, спр. 60.
5. ГА АРК. Ф.П.-1, оп. 1, спр. 124.
6. Єфремов Д. Красный страховик // Вестник государственного страхования. 1925. №1. С. 7–9.
7. Єфремов Д. 11 ноября 1924 года // Вестник государственного страхования. 1924. №23. С. 10–12.
8. Єфремов Д.И. Три года госстрахования // Вестник государственного страхования. 1924. №19. С. 9–12.
9. Перечень циркуляров Госстраха за сентябрь месяц 1922 г. // Вестник государственного страхования. 1922. №7. С. 38–40.
10. Положение о Главном Правлении государственного страхования // Вестник государственного страхования. 1922. №11-12. С. 26–28.
11. Розеноер С.М. Д.И. Ефремов и советское страхование. М., 1925.
12. СЗ ССР. 1925. № 73. Ст. 537.
13. СЗ РСФРР. 1925. 1926. № 6. Ст. 41.
14. Труды Первого Всесоюзного съезда страховых работников, 17–25 марта 1925. М.: Издание Главного Правления Государственного Страхования СССР, 1925. XLVIII, 194 с.
15. ЦДАВО України. Ф. 400, оп. 1, спр. 15.

IV

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ КРЫМА: ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

КРАСОВСКАЯ Т.М.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В современной российской географии примерно с середины прошлого века появился термин «культурный ландшафт», который исследовался в антропогенном ландшафтоведении. При этом под культурным ландшафтом понимается географический ландшафт, измененный хозяйственной деятельностью человеческого общества и насыщенный положительными результатами его труда [3]. Примерами культурного ландшафта в понимании антропогенного ландшафтоведения могут служить оазисы на орошаемых землях в пустынях, распаханые степные равнины с лесными полосами, осушенные и возделанные польдеры и т.п. В последней трети прошлого столетия в России активно начала развиваться гуманитарная география, которая дает иную трактовку культурного ландшафта. Развитие гуманитарной географии приостановилось в России в двадцатых годах XX в., главным образом, в силу идеологических причин. Напротив, в зарубежных странах гуманитарная география активно развивалась, что способствовало формированию к настоящему времени её оригинальных немецкой, французской и американской школ [7]. Исследования этого направления географии находят все большее практическое применение в ландшафтном планировании, эстетической оценке ландшафтов, формировании межнационального и межконфессионального согласия и т.п. В российской гуманитарной географии культурный ландшафт представлен системой природного ландшафта с соответствующей ему хозяйственной и селенческой структурой, сообществом, его освоившим с его языком и духовной культурой. «*Пространство Земли организует культуру, а культура организует пространство*», - этот тезис Ю.А. Веденина как нельзя лучше отражает «полюса притяжения» междисциплинарных исследований по культурному ландшафту [2]. Хочется подчеркнуть, что исследование культурных ландшафтов сближает и две ветви географии – социо (эконом)-географическую и физико-географическую. О необходимости синтеза этих исследований для получения реального отражения действительности неоднократно говорили Н.Н. Баранский, Ю.Г. Саушкин, К.К. Марков и др. выдающиеся географы XX в.

Концепция культурного ландшафта в гуманитарно-географической трактовке «работает» на решение проблем перехода к устойчивому развитию, которые носят междисциплинарный характер и могут быть решены только в совокупности. В центре новой фазы мировой истории стоит уже не экономический, а постэкономический человек, ориентированный на духовные, культурные и экологические приоритеты [6]. Почему важно изучение культурных ландшафтов Крыма? Оно создает основы для [4]:

- формирования региональной идентичности населения через одухотворенный образ культурного ландшафта;
- сохранения природного и культурного наследия через их репрезентацию в культурном ландшафте;
- развития кросс-культурных коммуникаций через знакомство культурными ландшафтами других народов;
- раскрытия иных мировоззренческих принципов бытия через познание нравственных доминант функционирования этнокультурных ландшафтов;
- сохранение и воспроизводство этнической культуры.

Изучение культурного ландшафта сообщает формулу устойчивого развития территории. Для Крыма изучение особенностей этнокультурных ландшафтов может дать несколько таких формул, учитывающих, в частности традиционные экологические знания народов его населяющих, формирующих историческую память населения, сохраняющую самобытную многонациональную культуру полуострова в условиях глобализации. Немаловажно и то, что культурный ландшафт может стать объектом туристического показа, что весьма актуально для расширения рекреационного потенциала территорий, находящихся ныне вне сферы рекреационного природопользования. Интерес при этом представляют не только этнокультурные ландшафты и их сохранившиеся фрагменты (греческие, русские, татарские и др.). Не менее интересно в туристическом продукте представлены инновационные ландшафты, сформировавшиеся на протяжении конца XIX в. и в XX в. Это могут быть дворцово-парковые ансамбли царского времени (рис.1), уже демонстрируемые туристам, территории с господством «сталинского ампира» и минимализма шестидесятых годов, псевдоготического стиля и эстетики современности и т.п.

Культурные ландшафты Крыма отличаются большим пространственно-временным и этнокультурным разнообразием. Здесь соседствуют украинские, русские, татарские, немецкие, греческие и др. культурные ландшафты, сформировавшиеся в разные исторические периоды и до сих пор сохраняющие знаковые элементы, позволяющие их идентифицировать. Так, греческие культурные ландшафты Крыма принадлежат морской культуре. Этот народ занимал узкую береговую полосу и осваивал её по канонам метрополии. Татарские культурные ландшафты и их сохранившиеся фрагменты легко отличаются по архитектурным особенностям селитьбы (рис. 2). и т.д. Анализ закономерностей формирования этих культурных ландшафтов сообщает ценную информацию для современного территориального планирования и его оптимизации, что особенно важно для предупреждения межнациональных конфликтов природопользования.

Реконструкция культурных ландшафтов представляет собой сложную, но увлекательную задачу, требующую от исследователя синтеза географических, исторических, этнографических, культурологических знаний. Современные геоинформационные технологии позволяют формировать соответствующие пространственные базы данных, относящихся к различным периодам в истории Крыма. Синтез этой пространственной информации дает представление о территориальной приуроченности тех или иных культурных ландшафтов? как существующих в настоящее время (целиком или фрагментарно), так и о виртуальных культурных ландшафтах, принадлежащих к ушедшим историческим эпохам.

Картографирование культурных ландшафтов имеет свой экспериментально установленный алгоритм. Он выработан, главным образом, для этнокультурных ландшафтов. Поскольку фундаментом формирования культурного ландшафта является природный ландшафт, то реконструкция этнокультурных ландшафтов проводится на основе ландшафтной карты. Это связано с тем, что у каждого этноса может быть выявлен «кормящий ландшафт», границы которого укажут на границы этнокультурного ландшафта. Особенно ярко это проявляется на уровне урочищ, хозяйственную спецификацию которых можно установить, исходя из свойств фаций, их слагающих, и этнографических и топонимических материалов, характеризующих хозяйст-

венные занятия того или иного этноса. Так, например, *Бахчисарай* означает дворец в садах. *Байдарская долина (Байдар Ова)* переводится как великолепная, отличная (для земледелия Т.К.) равнина. *Калос Лимен* с греческого переводится как «прекрасная гавань» [5].

Следующим этапом является выделение центральных мест культурных ландшафтов и его периферии, что делается с использованием исторических и этнографических материалов. Выявление центральных и периферийных мест позволяет представить целостную территориальную структуру культурного ландшафта, тесно связанную с природной основой.

После выделения центральных мест проводится внутренняя территориальная дифференциация культурного ландшафта. Для этого весьма полезным является актуализация фольклорного материала и литературных источников для более позднего времени. Так, например, материал крымской легенды о Гикии – героине Херсонеса, напрямую указывает на место её захоронения, являвшееся сакральным в культурном ландшафте. Об исторических бальнеологических урочищах повествует казачья легенда о целебных сакских озерах. О наличии ремесленного освоения территории гласит легенда о кузнеце с горы Демереджи и т.д.

Сакральные территории древних культурных ландшафтов выявляются и благодаря археологическим данным. Например, в Горном Крыму расположено древнее языческое святилище, культовый статус которого в середине I тыс. до н.э. определен археологами. Оно расположено в карстовой пещере Ени-Сала [1].

Актуализация топонимических слоев культурных ландшафтов позволяет выявить их пространственную приуроченность во времени. В топонимике Крыма отражена его история, привязанная не только к цивилизациям древней Греции, римской, византийской, древней Руси, но и к временам царской России и советскому времени. Так, русские топонимы появились в результате переименования населенных пунктов и других географических объектов на полуострове после завоевания Россией Крымского ханства в 1783 г. Массовое переименование географических объектов Крыма состоялось также после депортации крымских татар, армян и греков, болгар и немцев уже в XX в. (Даниловка, Угловое, Почтовое, Прохладное, Перевальное и др.) Таким образом, русские топонимы вскрывают не менее двух временных ареалов культурных ландшафтов. Однозначно на локализацию греческих культурных ландшафтов указывают топонимы Херсонес, Феодосия, Севастополь и др.

Особенностью реконструкции культурных ландшафтов является тот факт, что приходится расшифровывать их палимпсест. Для территории Крыма это наиболее актуально, так как контуры одних культурных ландшафтов накладываются на другие, меняясь во времени и пространстве. В «чистом» виде чаще всего можно встретить только фрагменты культурных ландшафтов, например – греческих (Херсонеса). Интересный палимпсест культурных ландшафтов аланов, кыпчаков, караимов представляет собой Чуфут-Кале. Еще более четкие контуры культурных ландшафтов советского периода степного Крыма дают планы совхозно-колхозных угодий, а также садово-парковые ансамбли, являющиеся фрагментами культурных ландшафтов конца XIX – начала XX вв. и постсоветского периода в истории Крыма.

Изучение культурных ландшафтов Крыма дает возможность разработки новых управленческих решений для перехода к устойчивому развитию. Оно высвечивает решающую роль культуры в этом процессе, демонстрирует значение сохранения культурного разнообразия Крыма, расширяет рамки использования результатов географических исследований для обеспечения перехода к устойчивому развитию.

Источники и литература.

1. Большой топонимический словарь Крыма. <http://crimean-titles.org/index.htm>
2. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусств, СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
3. Исаченко А. Г., Основы ландшафтоведения и физико-географическое районирование/ М.: Высшая школа, 1965.
4. Красовская Т.М. Культурные ландшафты и устойчивое развитие// Культурные ландшафты России и устойчивое развитие. М.: МГУ, 2009. С. 11-16.
5. Краткий словарь топонимов Крыма. http://www.interbron.ru/kraeved/slovar_toponimov.php
6. Панарин А.С. Российская культура как фактор планетарной реформации // Экология и культура. М.: Интеллект, 1997.
7. Стрелецкий В.Н. От антропогеографии к культурной географии: преемственность в развитии и новые исследовательские направления // Культурные ландшафты России и устойчивое развитие. М.: МГУ, 2009. С. 23-28.

Рис. 1. Садово-парковый культурный ландшафт. Воронцовский дворцовый парк
[<http://www.allkrim.ru/fotografii-vorontsovskogo-dvortsa-i-parka>]

Рис.2. Современный татарский этнокультурный ландшафт Крыма.
[<http://pics.livejournal.com/dinaitour/pic/000pz1fe>]

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Кузьмина А.В.

Севастопольский филиал Санкт-Петербургского
гуманитарного университета профсоюзов

Сравнительно-исторический метод – научный метод, с помощью которого путём сравнения выявляется общее и особенное в исторических явлениях, достигается познание различных исторических ступеней развития одного и того же явления или двух разных сосуществующих явлений. Он позволяет выявить и сопоставить уровни в развитии изучаемого объекта, произошедшие изменения, определить тенденции развития. Как отмечал Ф. Энгельс, вслед за выявлением и систематизацией эмпирических данных, становится *«возможным — и в то же время необходимым — применение сравнительного метода»* [3].

Выделяют различные формы Сравнительно-исторического метода:

- сравнительно-сопоставительный метод, который выявляет природу разнородных объектов;
- сравнение историко-типологическое, которое объясняет сходство не связанных по своему происхождению явлений одинаковыми условиями генезиса и развития;
- историко-генетическое сравнение, при котором сходство явлений объясняется как результат их родства по происхождению;
- сравнение, при котором фиксируются взаимовлияния различных явлений.

По утверждению И.Д. Ковальченко, объективной основой для сравнений является то, что общественно-историческое развитие представляет собой повторяющийся, внутренне обусловленный, закономерный процесс. Многие его явления тождественны или сходны внутренней сутью и отличаются лишь пространственной или временной вариацией форм, а одни и те же или сходные формы могут выражать разное содержание. Поэтому, в процессе сравнения, открывается возможность объяснения рассматриваемых фактов, раскрытия сущности изучаемых явлений. В этом состоит основное познавательное значение сравнения как метода научного познания [3].

Логической основой историко-сравнительного метода в том случае, когда устанавливается сходство сущностей, является аналогия. Аналогия — это общенаучный метод познания, который состоит в том, что на основе сходства одних признаков сравниваемых объектов делается заключение о сходстве других признаков. Понятно, что при этом круг известных признаков объекта (явления), с которым производится сопоставление, должен быть шире, чем у исследуемого объекта [3].

При этом Н.И. Смоленский выделяет несколько этапов применения сравнительного метода, поскольку сравнение изучаемых явлений, по его мнению, различается по степени проникновения в их суть, называя аналогией начальной ступенью сравнительного анализа. Аналогия предполагает не анализ, а непосредственное перенесение представлений с объекта на объект. Следующая ступень сравнительного анализа — выявление сущностно-содержательной характеристики изучаемого. Третьей ступенью сравнительно-исторического анализа является прием типологии. Типология идет дальше содержательно-сущностного анализа путем сравнения в том смысле, что выделяются типы однопорядковых явлений [6].

С.Н. Жаров отмечает, что историко-сравнительный метод, как и все другие, не имеет всеобщего характера, более того, его применение существенно ограничено [2]. Поэтому, как рекомендует Т. Шидер, сравнение необходимо применять в комплексе двух его противоположных ипостасей: индивидуализирующей, позволяющей рассмотреть единичное и особенное в факте и явлении, и синтетической, дающей возможность провести логическую нить рассуждения к выявлению общих закономерностей. *“Подлинная плодотворность исторического исследования измеряется его способностью с помощью синтетического сравнения опреде-*

лить новые, до сих пор неизвестные исторические индивидуальности, либо его способностью наполнить абстрактные понятия конкретным историческим содержанием» [7].

Успешное применение историко-сравнительного метода, как всякого другого, требует соблюдения ряда методологических требований. Прежде всего, сравнение должно основываться на конкретных фактах, которые отражают существенные признаки явлений, а не их формальное сходство. «Если брать историческую параллель,— указывал В.И. Ленин, — то надо выделить и точно указать то, что сходно в различных событиях, ибо иначе вместо исторического сравнения получится бросание слов на ветер» (цит. по [3]). При этом необходимо учитывать и общий характер исторических эпох, в которых протекали сравниваемые исторические события, стадийность развития и типологическую суть сравниваемых явлений и процессов.

Выявление существенности признаков, на основе которых должен проводиться историко-сравнительный анализ, а также типологии и стадийности сравниваемых явлений чаще всего требует специальных исследовательских усилий и применения других общеполитических методов

Применительно к истории промышленных предприятий, сравнительный метод играет большую роль при работе с массовыми статистическими данными. При этом, рассматривая предприятия и производство в сравнении, мы с одной стороны ищем общие черты, по которым их возможно сопоставить, с другой стороны – вычленим индивидуальные особенности данного производства, которые подлежат описанию и анализу.

Существуют различные варианты классификации промышленных предприятий. В основе одной из наиболее распространенных лежит масштаб производства. По этому критерию можно выделить крупные, средние, мелкие предприятия. Большое внимание классификации промышленных предприятий уделяет В.И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России», кроме того в главе 7, он отмечает региональные особенности развития горнодобывающей промышленности Урала и Южного района, а также отраслевые особенности крупных производств по данным фабрично-заводской статистики [4].

С.В. Воронкова отмечает, что анализ современной историографии, как специально посвященной проблемам истории российской промышленности в новейшее время, так и затрагивающей общие вопросы экономического развития страны, свидетельствует, что в литературе распространено или индифферентное отношение к проблеме классификации отраслей и производств, или произвольное употребление этих понятий. Отраслевая классификация промышленности подразумевает и трактует отрасль как группу производств. Исследователи отмечают, что в течение XX в. развитие отраслевой структуры промышленности осуществлялось через дифференциацию и интеграцию отдельных производств [1].

Традиционно отрасль промышленности определяется как совокупность организаций, предприятий, учреждений, производящих однородные товары и услуги, использующих однотипные технологии, удовлетворяющих близкие по природе потребности. Отраслевая структура хозяйства — это совокупность его отраслей, характеризующихся определенными количественными соотношениями (состав и пропорции развития отраслей) и взаимосвязями. Отраслевая структура хозяйства представлена отраслями материального и нематериального производства (отраслями производственной и непроизводственной сферы).

Предприятия различных отраслей промышленности имеют свои специфические особенности, вытекающие из характера производства, применяемой техники и технологии, квалификации кадров. В то же время, все они имеют и ряд общих признаков, позволяющих классифицировать их по ряду направлений: формам собственности, отраслевой принадлежности, уровню концентрации производства, степени специализации, типу производства, уровню механизации и автоматизации.

В частности, предприятия можно классифицировать по таким основным признакам:

- по размерам;
- по назначению производимой продукции или работ, услуг;
- по особенностям технологического процесса,
- по организационным типам построения структуры управления;
- по характеру потребляемого сырья и способам его переработки;

- по уровню специализации;
- по формам собственности;
- по способу распределения прибыли и убытков;
- по источникам формирования имущества и т.д.

Говоря об истории отдельных отраслей, необходимо также учитывать продолжительность их существования: имеет ли эта отрасль продолжительную производственную традицию или сформировалась недавно в ходе научно-технического прогресса.

Таким образом, мы можем выделить следующие позиции группировки и сравнения промышленных предприятий: размер производства; его региональная структура и территориальное расположение; отраслевые особенности и межотраслевые различия.

В своей работе «Русская фабрика» Г.Р. Наумова подробно говорит о возможностях применения сравнительного метода для анализа промышленных предприятий, особенно на этапе работы исследователя со справочными изданиями и фабрично-заводской статистикой [5].

В качестве примера среди юбилейных пропагандистских изданий автор выделяет комплекс материалов, вышедших к 10-летию юбилею революции. Наиболее характерным можно считать 3-х томный труд большого формата "Производительные силы, искусство, промышленность и торговля СССР" (Л., 1927) (Тираж 1500 экз.). Г.Р. Наумова отмечает, что в этом справочнике художественная и кустарная промышленность рассматриваются еще рядом с крупной индустрией. Составители стремились дать общую картину развития производства, причем в динамике. Наряду с общими статистическими выкладками о состоянии отдельных производств и отдельных предприятий авторы сообщают значительную социальную информацию о переименовании промышленных предприятий, об изменении ассортимента производимой продукции, смене форм управления промышленностью на самом сложном заключительном этапе истории частной русской фабрики. Характерен интерес к технике и технологии. По существу, в книге содержится подробная картина технологических изменений периода Первой мировой войны [5, с. 55].

Следует учитывать, что русская фабрика имела сложную производственно-отраслевую структуру. Многие производства существовали исключительно в форме мелких и средних предприятий единоличного характера. Системное изучение фабрики невозможно без ее типологии. Размеры предприятия в этом случае становятся производным признаком. Г.Р. Наумова предлагает методику проведения типологических исследований на основе хорошо известного историкам статистического источника: в данном случае - промышленных переписей 1900 и 1908 гг. Исторический подход к формированию нашей ценовой промышленности можно реализовать, типологизируя промышленные заведения по времени их возникновения. Сведения о времени возникновения всех учтенных переписью 1900 г. предприятий обрабатывающей промышленности России сконцентрированы автором в таблице. Здесь представлены следующие отрасли:

- I. Обработка хлопка.
- II. Обработка зерна.
- III. Обработка шелка.
- IV. Обработка льна, пеньки и джута.
- V. Производство из смешанных материалов (тюль, ленты, шляпы, пуговицы, куклы, химчистки, прачечные и пр.).
- VI. Бумажное и полиграфическое производство.
- VII. Механическая обработка дерева.
- VIII. Обработка металлов, производство машин, аппаратов и орудий ремесла.
- IX. Обработка минерального вещества.
- X. Обработка животных продуктов.
- XI. Обработка питательных веществ.
- XII. Химическое производство [5, с.60].

Однако, и тут исследователь сталкивается с рядом трудностей: необходимо иметь в виду, что не все владельцы сообщили сведения о дате основания своих промышленных заведений. По-разному понимали они и вопрос. Одни указывали дату основания фирмы, другие – время строительства механической фабрики, третьи – момент акционирования. Бросается в глаза

также тот факт, что "учредительские пики" приходится на круглые даты. Следовательно, можно предположить приблизительность ряда датировок.

В целом же речь идет о 14827 предприятиях. Их отличает не только разная отраслевая и подотраслевая принадлежность, но и различная форма организации, разные размеры производства. В данном случае автор абстрагируется от целого ряда системных признаков этих заведений и делает акцент на их возрасте, принадлежности определенному этапу становления и развития нашей обрабатывающей промышленности.

Предложенное распределение позволяет установить возраст отраслей, выделить более старые отрасли. Это наглядно показывает, что в целом обрабатывающая промышленность набирала опыт и формировала потенциал на протяжении всего XIX века.

Синхронизировав временные ряды, отразившие динамику возникновения всех учтенных в начале XX в. предприятий, можно заметить, что наблюдается некоторая синхронность в развитии отдельных отраслей. В 20-40 гг. эта синхронность наблюдалась между хлопчатобумажной промышленностью, производством по механической обработке дерева и химическим производством. В 40-50-х гг. хлопчатобумажная отрасль впервые синхронизировалась с обработкой металлов, и потом эта синхронность сохранялась. Аналогичный вывод можно сделать и для хлопчатобумажного производства и промышленности по обработке минеральных веществ. Сопоставляя временные ряды, можно заметить хаотичный характер взаимосвязи всех отраслей на этапе 80-х годов, то есть отсутствие синхронности [5, с. 60].

Предложенная Г.Р. Наумовой методика может быть реализована и на материалах последующих промышленных обследований вплоть до промышленных переписей советского периода. Фактически она открывает возможность проанализировать генетику промышленности для целого ряда рубежей в ее развитии.

Приведенные статистические данные позволяют сгруппировать предприятия нетрадиционным образом, а именно по возрастным группам. Типология предприятий по времени их возникновения в данном случае представляет особый интерес, когда мы располагаем двумя разнесенными во времени статистическими обследованиями. В нашем случае переписи обозначили рубежи важнейшего периода в развитии отечественной текстильной промышленности. Внутри периода оказался кризис отрасли.

Настоящая методика ориентирована на рассмотрение поведения отдельных возрастных групп промышленных заведений в условиях кризиса, размеры предприятий в данном случае значения не имеют. Для экспериментального анализа была взята наиболее характерная хлопчатобумажная отрасль.

Сравнивая данные промышленных переписей 1900 и 1908 гг., автор останавливается на поведении установленных нами групп предприятий.

От общего числа предприятий, числившихся в хлопчатобумажной промышленности на 1900 г., к 1908 г. перестало существовать около 40%. Вновь возникшие составили к общему числу предприятий немногим менее 50%. Естественно, что по сумме производства и числу рабочих картина иная. По сумме производства погибшие предприятия составили 17%, а по числу рабочих – 21%. Всегдашнее несоответствие числа предприятий их удельному весу в производстве и социальной структуре отрасли раскрывает качественные характеристики анализируемых объектов. Анализируемую группу предприятий можно назвать *"амортизатором кризисных последствий развития отрасли"* [5, с. 62].

Проводя анализ, автор приходит к выводу, что кризис начала XX в. несколько изменил генетический код хлопчатобумажного производства. Целый ряд фирм, стоявших у истоков отрасли, вынужден был в результате ее обновления уступить свои позиции. Особенно существенно были потеснены позиции предприятий, возникших в 20-е годы XIX в. Хотя по-прежнему хлопчатобумажная промышленность остается самой старой обрабатывающей отраслью. Бурный подъем уже к 1908 г. пережили сравнительно молодые предприятия. Вновь возникшие предприятия отличаются от тех, которые не пережили кризис начала XX в., более продвинутым социальным типом. Также автор отмечает существенную междуездную миграцию отрасли, хотя этот процесс может быть до конца понят лишь при условии одновременного рассмотрения других рядом разворачивающихся отраслей промышленности. По утверждению Г.Р. Наумовой, анализ историко-экономического материала показывает пестроту соци-

ально-экономических типов промышленных предприятий. Видимая пестрота имеет и отраслевой, и региональный оттенки. По большому счету она может быть выражена подразделением предприятий на крупные, средние и мелкие. Но столь высокий уровень абстракции не позволяет ответить на целый ряд вопросов, связанных с характеристикой отрасли как оптимизированной системы, когда на смену свободной конкуренции приходит монополия, стремящаяся к получению монопольной сверхприбыли именно за счет всех составных частей отрасли. Тем более трудно с помощью такого приблизительного инструмента анализировать динамику процессов [5, с. 70].

Однако, отчетливо заметно, что на материалах промышленных переписей можно если и не до конца разрешить, то содержательно поставить целый ряд проблем исследования русской фабрики с учетом индивидуальных социальных и исторических факторов ее развития. Предложенная автором методика группировки предприятий по времени их возникновения обеспечивает возможность расширить арсенал приемов группировки промышленных заведений. Изучение русской фабрики с учетом этапов ее становления и развития, то есть исторический подход к самому процессу, обнаруживает новые, существенно расширившиеся возможности нового уровня обобщений, раскрывающихся при чтении собственно статистических источников [5, с. 71].

Сравнительно-исторический метод может быть также полезен на этапе работы с делопроизводственной документацией, то есть когда исследователь сталкивается с большим массивом унифицированной численно, а следовательно, сопоставимой информации. О методах работы с этим корпусом источников также говорится в работе Г.Р. Наумовой «Русская фабрика» [5, с. 120].

Историко-сравнительный метод обладает широкими познавательными возможностями. Во-первых, он позволяет раскрывать сущность исследуемых явлений в тех случаях, когда она неочевидна, на основе имеющихся фактов; выявлять общее и повторяющееся, необходимое и закономерное, с одной стороны, и качественно отличное — с другой. Тем самым заполняются пробелы и исследование доводится до завершенного вида. Во-вторых, историко-сравнительный метод дает возможность выходить за пределы изучаемых явлений и на основе аналогий приходить к широким историческим обобщениям и параллелям. В-третьих, он допускает применение всех других общеисторических методов для раскрытия более полной картины изучаемого явления.

Таким образом, вслед за И.Д. Ковальченко, можно отметить, что историко-сравнительный метод дает возможность раскрывать сущность изучаемых явлений и по сходству, и по различию присущих им свойств, а также проводить сравнение в пространстве и времени, т. е. по горизонтали и вертикали [3].

Источники и литература.

1. Воронкова С.В. Типология производств в российской промышленности в конце XIX — начале XX вв. (проблемы методов изучения) [Электронный ресурс] // <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB2/voronkva.htm>
2. Жаров С.Н. О некоторых методах историко-правового исследования [Электронный ресурс] // <http://www.pseudology.org/Sysk/Issledovanie.htm>
3. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003 [Электронный ресурс] // http://www.i-u.ru/biblio/archive/kovalchuk_metodi/03.aspx
4. Ленин В.И. Развитие капитализма в России [Электронный ресурс] // <http://magister.msk.ru/library/lenin/len03v07.htm>
5. Наумова Г.Р. Русская фабрика (проблемы источниковедения). М.: «ЭЖОН», 1998. 263 с.
6. Смоленский Н.И. Теория и методология истории. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 272 с.
7. Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках. // Философия и методология истории / Общая ред. проф. И.С. Кона. М.: Прогресс, 1977. С.143-167.

СОВРЕМЕННЫЙ МИФ И ГЕОСТРАТЕГИЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ставицкий А.В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Миф относится к кругу тех научных проблем, которые будоражат умы и вызывают многолетние дискуссии. И хотя базовые понятия культуры редко проблематизируются, мы имеем дело именно с таким случаем, когда попытки свести миф к сумме исторических заблуждений человеческого разума переплетаются с мнением, что *«мифология несёт в себе всю страсть и поэтичность, на какие только способен человеческий разум»* [1, с. 6].

При этом следует отметить, что литература по данной теме – от работ общего порядка до конкретных исследований по различным частным вопросам – огромна и постоянно увеличивается. Однако, несмотря на ряд выдающихся исследований мифа, предпринятых отдельными учеными в XX веке, онтологически миф для науки и общества продолжает оставаться загадкой.

Недаром в ходе самопознания человечества миф, первоначально означавший истинное сказание обо всех священных первовещах и первособытиях, постепенно под воздействием логики поменял своё значение на прямо противоположное. И стал пониматься, как ложь, выдумка, неправда, иллюзия, так как логикой не воспринимался. Именно поэтому попытки «расколдовать» мир и отделить его от мифа предпринимались ещё со времён расцвета Эллады, когда из иррационального Мифа «выделился» построенный на принципах рациональности Логос. Но черты мифического переживания относительно всех значимых явлений у человечества сохранились. А начиная с XX в., они стали обнаруживаться даже в науке, ознаменовав процесс тотальной ремифологизации. И хотя нельзя сказать, что наука войну с мифом проиграла, её возможности по борьбе с мифологиями оказались во многом сильно преувеличенными.

Отчасти это связано с тем, что миф преимущественно принимается исследователями как некая неизменная данность без проверки его на смысловую, семантическую, логическую и нормативную определённость в рамках целого. К тому же предлагаемые исследования в основном касаются отдельных частных случаев. Однако всех их объединяет констатация того, что миф вернулся. Так, по мнению большинства учёных, мир захлестнула волна мифотворчества. И создалось впечатление, что из «царства рационализма и науки» он шагнул в новую «мифологическую» эпоху. При этом оставалось неясным, то ли это явление для нас новое, то ли оно происходило всегда, но для нашего восприятия как бы не существовало? Ведь были среди исследователей и те, кто утверждал, что мифы никуда не исчезали. Просто человек, руководствуясь приоритетом рациональности, сам убедил себя в том, что от них избавился, тем самым лишь способствуя новому мифотворчеству. А теперь за это расплачивается.

В свою очередь такой подход вынуждал заново ставить уже, казалось бы, снятые вопросы. Может ли человек преодолеть миф, опираясь на научные знания? Создаётся ли современный миф «по воле человека» [2, с. 3] или возникает независимо от неё? Как вообще возникает миф и почему человек занимается мифотворчеством? Что это ему даёт, а чего лишает? Как человеку относиться к мифу: непримиримо бороться или попытаться использовать мифотворчество себе во благо?

Между тем, дабы оправдаться перед общественностью, учёные сначала пытались объяснить «возникновение современной мифологии» не собственными, навешанными мифом рациональности заблуждениями, а низменными инстинктами невежественной толпы. В результате появилось множество наукообразно сформулированных идей, один из образчиков которых мы ниже приводим: *«В отличие от древнего мифа, обладавшего онтологическим статусом, современный миф — это социальное производное, чья жизнь и*

смерть инспирированы надеждами и фрустрациями общественного сознания» [2, с. 4]. В нём произвольной установкой исследователя миф лишается своего онтологического статуса и ограничивается сферой, за пределы которой ему выходить запрещено. Вот только не понятно, можно ли причины возникновения современных мифов свести только к «надеждам и фрустрациям общественного сознания»? Насколько бесспорно лишение современного мифа его онтологического статуса лишь на том основании, что он «инспирирован надеждами и фрустрациями общественного сознания»? Кто его тогда инспирирует? Не человек ли? И чем он руководствуется при этом? Делает ли он это сознательно или мифотворчество в значительной степени бессознательный процесс? Можно ли источники современного мифотворчества блокировать, а механизм его функционирования разрушить или преодолеть, коль онтологической основы под ним нет? Судя по всему, не получается. Но тогда выходит другое: мало того, что подобного рода идеи основаны на скомпрометировавших себя знаниях, но они ещё перекрывают возможность для других исследований, поскольку главные ответы, по мнению их сторонников, уже даны и тема полностью раскрыта. Но вопросы всё равно остались. И их удовлетворительного объяснения почему-то нет.

Следовательно, мифотворчество нельзя свести к «социальной производной», игнорируя особенности сознания, так как в его основе лежат не только «надежды и фрустрации». И тогда такую позицию надо считать плодом поверхностного подхода к анализу механизма мифотворчества, позволяющего его последователям на мифе самоутверждаться в своём невежестве и насаждать в научной среде свой миф о том, что мифы рождаются только из человеческих страхов и слабостей и умирают, когда они преодолены.

Таким образом, получается одно из двух: либо борьба с мифом была явно недостаточной и велась не теми средствами, либо она сама по себе оказалась бесперспективной, поскольку тоже стала одной из основных форм мифотворчества. Однако, ответить на этот вопрос однозначно не получается, так как тайна мифотворчества скрыта не в мифе, а в человеке, который творит его. Зачем он это делает? Почему? С какой целью? Чем определяется характер и направленность мифотворчества? Что влияет на нравственный выбор человека в пользу тех или иных мифов? Свидетельствует это о высоте его помыслов или о низменности инстинктов? А поскольку возвращение мифа было признано одним из самых заметных черт и явлений нового столетия, многих исследователей волнует вопрос происходящей ремифологизации: мы возвращаемся к мифу или миф возвращается к нам? И возможно, на самом деле никакого возвращения не было, как с открытиями Зигмунда Фрейда к человеку не вернулось подсознание, а просто человек открывает миф для себя заново? Может ли возвращаться то, что никуда не уходило? Просто изучение древних мифов всё чаще подталкивало исследователей к пониманию того, что мифы, которыми жили древние, уж слишком похожи на аналогичные явления, которыми люди живут сейчас. Так постепенно пришло понимание современного мифа, который, хотя и существенно отличается от архаичного, но имеет с ним одну природу.

Правда, нарастание современной ремифологизации всё ещё по традиции объясняется преимущественно господством эпохи т. н. «постмодерна», а также происходящими в мире глобальными трансформациями в сфере развития культуры, науки, технологий, межцивилизационных отношений. Однако почему многие исследователи не могут принять «возвращение» мифа, не как следствие падения образования и нравов, а также общей деградации человечества, но как естественный результат развития науки и нового уровня социального восприятия, позволяющего увидеть и исследовать то, что ранее игнорировалось или вовсе не замечалось, пока не понятно. В чём проблема: в объективности данных об исследуемых явлениях, позволяющих преодолеть в процессе научного познания исторически обусловленную его «вязкость» или в неосознанном коллективном предубеждении? Насколько является объективным «объективное знание» о том, что нужно про миф знать?

Впрочем, независимо от отношения к мифу людей науки, в мире всё более утверждается понимание, что миф – такая же данность нашего сознания, как язык и наука, остающаяся нерушимым фундаментом всей мировой культуры. Это понимание лишь укрепляет уверенность исследователей современного мифа в том, что мифологический универсум не

исчез, не был преодолен ни наукой, ни обществом, но лишь поменял способ своего выражения, сделав его более скрытым, устойчивым, гибким и опосредованным.

К тому же, хотя в конкретном практическом плане миф может быть проигнорирован, он каким-то образом оказался тесно связан фактически со всеми проблемами жизнеустройства человека и общества, с его нравственными ценностями и социальными идеалами, с его духовностью, подводя к мысли, что способ и содержание мифотворчества народа напрямую связаны с его существованием. В новом виде миф предстал как символически организованное системное знание, как воплощающая символику единства диалектически необходимая категория сознания и бытия, которую надо изучать системно, во всей полноте проявлений его многообразия, средствами всех исследующих миф наук, не теряя при этом его целостности. Что миф есть определённым образом организованная знаковая система, с помощью которой мир познаёт сам себя. Константная структура, без которой, видимо, существование человека и человечества просто невозможно.

Так, удовлетворяя социокультурную потребность в целостном знании, миф организует и регламентирует жизнь человека, предписывая людям правила социального поведения, обуславливает систему ценностных ориентаций, облегчает переживание стрессов, порождаемых критическими состояниями природы, общества и индивидуума. К тому же в мифах сосредоточен жизненно важный для существования человечества ресурс устойчивых и постоянно в разных формах повторяющихся во времени ценностей, без актуализации которых дальнейшее существование и развитие человечества оказывается невозможным.

Следовательно, если миф вернулся или сумел сохранить себя как явление, несмотря на постоянную борьбу с ним, значит, он человеку нужен, а его смысловая оценка и выбранные обществом средства борьбы оказались в значительной степени ошибочными и нуждаются в существенной коррекции. К тому же, с учётом того, что именно мифы формируют смысловое пространство сознания не только людей, но и народов, в нынешних переломных исторических условиях задача разобраться в этом крайне непростом вопросе для науки является делом чести, а для общества – вопросом выживания. Таким образом, проблема мифа и социального мифотворчества, их роль и особенности, возможности и последствия вновь выдвигаются на передний план гуманитарных исследований. Вот только качественных изменений в характере исследований, за редким исключением, к сожалению, не произошло.

Возможно, сложность решения данной проблемы заключается в том, что миф, как особый тип знания и универсальная система ценностных представлений, принадлежит к числу тех изучаемых наукой явлений, которые в рамках какой-либо единственной научной специальности не могут быть даже корректно поставлены. Ведь миф по своей природе является одним из самых сложных и всеобъемлющих понятий в истории человечества. Значит, будучи основой целостности в сознании, миф нуждается в понимании себя как целостности. Целостности, пребывающей в развитии. Поэтому проблема онтологического постижения мифа при сохранении его смыслового единства через установку на синкретизм выходит на первый план, так как локальные подходы к универсальному объекту заведомо односторонни.

В свою очередь, постановка проблемы, как открытие нового аналитического пространства, требует определения структуры актуализации. Структура актуальности включает в себя онтологические и ситуативные, концептуальные и прикладные, личностные и социальные, цивилизационные и глобальные аспекты, разворачиваемые в рамках существующего социального пространства в режиме социодинамики взаимодействия мира, культуры и науки.

В основе проблемы актуальности стоит вопрос о том, что даёт миф миру, социуму, человеку, эпохе, науке? И хотя он подразумевает многоаспектность, применительно к указанным явлениям, можно сказать, что через мифы, свои и чужие, они познают себя и других. Познают и меняют в ту сторону, в какую считают нужным. Причём, воздействие это происходит негласно, опосредованно, гомеопатически, в режиме «мягкой силы» согласно стратегии не прямых действий. А если учесть, что, помимо осуществления процес-

са постижения себя во времени относительно других, миф выступает как тип социального кодирования и механизм духовной самоорганизации общества, придающий осмысленность всему человеческому существованию, понятно, что миф будет актуален всегда. Поэтому вполне логично воспринимать его как своеобразное воплощение вечной актуальности бытия через постоянную жажду человека в трансценденции.

Следовательно, миф, как объект познания, актуализирует себя постоянно, а актуальность заявленной темы имеет для науки и общества непреходящий характер. При этом следует учесть, что, хотя в силу своей универсальности и пластичности миф всегда воспринимался как проблема, лишь сейчас его начинают осознавать как механизм решения проблем. Иными словами, на данный момент в науке сложились условия для грамотного сочетания научной логики с мифической интуицией во благо науке и людям, так как наука созрела, чтобы понять миф в себе и себя в мифе, и через это изменить своё отношение к нему, знаменуя ту стадию проявленности мифа, когда его можно оценивать, как целое.

В свою очередь, актуальность темы выстраивается в комбинации «человек-социум-цивилизация-мир», в системе отношений между личностью и властью, которая, начинаясь с семьи и заканчиваясь государством, включает в себя вопросы демократии и свободы, глобальной цивилизационной бифуркации на фоне обострения борьбы за ресурсы и новый мировой порядок, как образ мира, что надо будет ещё отвоёвывать и утверждать. Борьбы за глобальный проект новой модели общества и человека, в которой каким-то странным образом отражается проблема отношения к мифу уже потому, что все волнующие людей вопросы оказываются в зоне влияния мифов и становятся объектами мифологизации, знаменуя собой «собрание» значимой для общества информации на предельном для его понимания уровне смысла, вплоть до мифологизации мифа и культуры в целом.

Таким образом, непреходящая актуальность изучения мифа определяется его онтологической сущностью, новыми представлениями о мифе и новыми возможностями науки в его изучении, а также глобальными проблемами современности, требующими качественного пересмотра культурной парадигмы общечивилизационного развития и подводящими к выводу, что философия жизнеустройства и философия науки без анализа социального мифотворчества будут ущербными. В свою очередь, за ним стоит осознание того, что каждый человек и общество в целом воспринимают окружающий мир мифологически настолько, насколько он для них является чувственно воспринимаемым, лично-стремительно выстраданным и пережитым. И, значит, синдром некой отстранённости, когда человек относился к мифу, как к чему-то ложному и изначально и однозначно порочному, в науке и в обществе постепенно преодолевается. Параллельно с этим приходит понимание того, что вырастающий из чувств, желаний и страхов миф не более порочен, чем люди, его порождающие.

В свете этого, с одной стороны, миф был и остаётся одним из самых сложных и притягательных объектов исследования независимо от эпохи. И потому его изучение будет актуальным всегда. С другой стороны, интерес к мифу в науке и в обществе за последние годы столь быстро возрос, что нам приходится переоткрывать миф для себя заново. В значительной степени этому способствует системный прорыв в гуманитарных науках, соотносимый с возникновением квантовой физики или теории психоанализа. Понятно, что новые открытия определяют иные возможности - от формирования новой общечеловеческой мировоззренческой парадигмы до исследования онтологических основ психики и развивающихся на её основе психотехнологий. И наука старается их в полной мере использовать.

Вместе с тем, проблема изучения мифа, как целого, обнажает потребность в синтетических знаниях и методиках, в исследованиях на стыке наук, в известной доле научного синкретизма и священнодействия, где синкретичность сочетается с синтезом образного и рассудочного, метафоры и понятия, с синтетической работой мысли и воображения. Причём, в таком виде исследование мифов может пониматься как практика междисциплинарных и интегративных исследований социального смыслообразования.

Ясно, что смена исходной установки в отношении мифа, как объекта познания, знаменует новое видение. И через него миф предстаёт как способ бытия человеческого соз-

нания, позволяющий ему одновременно пребывать в разных пространственно-смысловых мирах и соединять несоединимое.

Впрочем, в силу своей универсальности и особой роли, которую он играет в обществе, современный миф не может ограничиваться социокультурными процессами и неизбежно становится инструментом политики – малой и большой. Ведь с его помощью власть может контролировать социум, воздействуя на те сферы человеческого сознания, которые позволяют это воздействие не осознавать (см.: [3]).

Поскольку миф и мифотворчество следует рассматривать как потенциал, абсолютно амбивалентный по отношению к нашим намерениям, миф служит человеку и будет служить, развивая его и настраивая на высокое или множа стереотипы и потакая его низменным желанием. Однако, если раньше этот процесс протекал преимущественно подсознательно и спонтанно, то, в отличие от былых времён, современное общество может использовать его осознанно и технологически грамотно, рассматривая мифотворчество, как метатехнологию (см.: [4]).

Эта метатехнология позволяет не только защищаться от чужого информационного воздействия, сохраняя свою социокультурную целостность, но и осуществлять экспансию, вскрывая и осваивая чужие пространства, как консервным ножом банку (см.: [5; 6]). Ведь в рамках отдельных социокультурных пространств современные мифологии являются носителями жизненно важного для общества и страны смысла, где миф выступает механизмом управления сознанием, инструментом современной политики и фактором национальной безопасности, главная задача которого – поиск, обретение или разрушение общего символически означенного для людей сакрального смысла (см.: [7]). Но, благодаря соответствующим мифам, любое социокультурное пространство, подлежащее экспансии, можно заполнить мифами-«вирусами», дабы заблокировать его или переформатировать, как обычную компьютерную программу (см.: [8]). И такие технологии уже давно активно используются, о чём свидетельствует распад СССР (см.: [9]).

С этим, в частности, связан процесс т. н. «виртуализации общества», когда построенная на оболъщении тотальная реклама стала подменой реальности; защищавшие ранее интересы различных социальных групп партии сведены к имиджу, марке и рекламному слогану; идеология заменена более эффективным в условиях тотальной манипуляции пиаром, а апелляции к общественному мнению подменяются «играми» экспертов с рейтингами. Так, технологии, манипулирующие сознанием, стали основой самого прибыльного бизнеса, включая приспособление сознания под любой имеющийся товар (см.: [3]). И в основе его тоже лежат мифологии. Ведь миф является основным инструментом социализации и сохранения смысловой цельности социума, а также инструментом развития, коррекции и защиты личной и социальной идентичности. А власть научилась с помощью мифов контролировать общество и форматировать сознание. И хотя её возможности всё-таки относительно ограничены, соблазн тотальной манипуляции в новых условиях слишком велик, чтобы им не воспользоваться. Поэтому, в условиях массового использования психотехнологий, знание онтологических начал мифа и мифотворчества позволяет создать возможности для распознавания и грамотной защиты от вредного мифотворчества чужих элитарных групп и сообществ, включая собственную власть.

Таким образом, возможности и потребности общества в эмоционально сильных и символически насыщенных образах умножаются на политический заказ власти в условиях эпохи тотальных манипуляций, когда мифы позволяют контролировать общественное сознание, а, следовательно, и поведение людей, не прибегая к прямому насилию.

Помимо этого следует отметить, что особую роль в актуализации мифа в нынешних условиях имеют современные глобальные проблемы, воспринимаемые обществом, несмотря на цифры и развёрнутую на их основе системную аргументацию, преимущественно через мифологию. А поскольку, глобальный мир качественно меняется, активизируя диалог культур, быстрое изменение образа мира под воздействием тех процессов, которые ранее казались незначительными, сочетается с пересмотром всего, что вчера считалось очевидным. Ведь люди хотят видеть хоть какую-то дающую им надежду логику в том, что сейчас происходит. И мифы эту проблему успешно решают. Причём, возможно, что эти

очевидные перемены – лишь подготовка к той точке цивилизационной бифуркации, о которой уже не один десяток лет пишут социологи и футурологи. То есть, речь идёт о глобальном кризисе современных социальных отношений, включающих в себя всю совокупность современных глобальных проблем, где известные нам кризисы последних лет – лишь периодические обострения одной болезни, имеющей не временный, а системный и долгосрочный характер. Он знаменует быструю трансформацию мира и формирование нового мирового порядка на принципах пока контролируемой Западом и проходящей под лозунгом постмодерна глобализации (см.: [10]).

Однако, станет ли «глобальный мир» воплощением принципов «открытого общества», «свободы как универсальной ценности», «открытых границ», «универсализма вместо баланса интересов», «гражданского общества», «прав человека» и т. п., подаваемым как универсальные ценности, или речь идёт о реализуемой в форме новой (сетевой) «Империи» без границ, матрицей которой выступают США, где вышеназванные ценности вдруг становятся эффективным инструментом влияния (см.: [11; 12]), пока не ясно. Но последний вариант глобализации грозит стандартизацией и смертью национальным мирам, неся угрозу тем образам, без которых цивилизации и нации не представляют своего существования. По отношению к ней они становятся архаичными и вряд ли смогут ей эффективно противостоять, в той или иной степени расплываясь. Что ждёт их в новых условиях? Как им в таком случае действовать? В чём находить поддержку?

С нами будет то, что мы есть, – считали древние. Но в рамках процесса смыслообразования мы есть то, что думают о нас. А думают то, что знают. Поэтому надо знать, чтобы стать сильнее. Стать сильнее, чтобы выжить в новых условиях. Выжить, чтобы быть достойным того будущего, которое нас ждёт. Ведь сохранение и развитие своих мифов даёт возможность социуму вписаться в новый мир, не потеряв своё лицо. Сформировать цивилизационно оформленный образ будущего и через коррекцию образа постепенно реализовывать его.

В любом случае, независимо от грядущего выбора, каждому народу придётся дать свой ответ, ведь мы имеем дело с вызовом, несоизмеримым по характеру и масштабам с прежними, так как он касается не отдельной социальной общности, группы народов или цивилизации, а всего человечества. Иными словами, мир стоит перед лицом угрозы такого масштаба и вынужден решать проблемы такого уровня, какого человечество ещё не знало. И в этом деле ему понадобится весь имеющийся у него духовный потенциал. В том числе и тот, который скрыт пока в мифах. Просто ему нужно придать максимально возможный созидательно-творческий характер.

К тому же, независимо от того, ждут ли мир великие перемены или он будет и дальше последовательно развиваться, пройдут ли перемены мирным путём компромисса и гармонии или приведут к новому витку самого глобального мирового передела за всю историю человечества, мир должен будет переосмыслить свои принципы существования, обосновать новые цели и идеалы. И в этом деле ему без новых мифов также не обойтись.

В связи с этим возникает острая потребность открыть миф заново. На качественно новом уровне и основании через переосмысление всего того, что про миф было написано со времён Платона и Аристотеля. В основе её – социальный заказ на информационную разработку способов организации мифов и внедрение их в доступную всем контекстно-ориентированную информационную среду. Ведь в условиях глобализации миф позволяет свободно ориентироваться и грамотно защищаться от иного информационного воздействия, не допуская перекодировки общественного сознания в духе т. н. «твиттерных революций» за счёт сохранения и укрепления идентичности. В частности, знание своих и чужих мифов позволяет в рамках информационного взаимодействия научиться грамотно распознавать чужое мифотворчество и защищать своё (см.: [13]). С другой стороны, общая недооценка мифа есть причина угрозы личной, социальной и национальной идентичности. А значит, и угрозы национальной безопасности тех обществ и государств, которые в современную эпоху стали объектом цивилизационной и политической экспансии. И нередко даже не могут его распознать. Те же, кто осознаёт это, понимают, что глобальный контроль над мировыми ресурсами определяется способностью глобального лидера через

свои и чужие мифы контролировать сознание людей. Контроль над сознанием происходит через контроль смыслового поля общества. Следовательно, в основе глобальной власти лежит возможность контролировать и изменять мифы народов мира, трансформируя смысловое поле в нужном для глобального лидера направлении.

Понятно, что такая коррекция будет вызывать повсеместное сопротивление и, значит, мир ожидают новые войны мифов. Войны образов и проектов. Войны смыслов и идентичностей с использованием самых совершенных технологий вплоть до национальной психокоррекции, в которых новыми объектами после распада СССР будут Китай и страны третьего мира, включая Россию и Украину. Как они поведут себя? Ведь пример Советского Союза наглядно показал, что слабость мифов ведёт к их капитуляции, а капитуляция мифов означает гибель системы, которой победитель будет навязывать всё, что сочтёт нужным. Однако, в отличие от СССР, новые объекты информационной экспансии имеют опыт распада, который им Советский Союз передал. Они способны распознавать мифологическое воздействие в области жизненно важных для них смыслов и в значительной степени понимают, что им противостоит и что в случае капитуляции их ждёт, несмотря на коллаборантскую позицию их «элит».

Впрочем, их положение отнюдь не столь безнадежно, как может на первый взгляд показаться. Ведь данный вызов пока лишь определяет главное поле реализации преимуществ Большой игры, которые показывают, что одним из ключевых элементов межцивилизационного и межгосударственного взаимодействия является взаимодействие информационное. В концептуальном плане информационное взаимодействие можно свести к взаимодействию проектов, стратегий (см.: [14]) и мифологий, где проекты, с учётом определённой доли условности – «образы» будущего, стратегия – технология движения к «образу», а мифология – «матрица», в которой формируется и то, и другое.

Конкуренция проектов настоящего и будущего потребует сильных мифологий, органично сочетающих динамизм с устойчивостью, а ценностные начала с эффективностью креатива. И что бы они при этом ни предлагали, ясно, что смысловые параметры их стратегий будут однозначно мифологичными. С учётом этого, новым глобальным лидером станет тот, кто сумеет создать самый привлекательный и эффективный проект, где привлекательность проявляется в новых креативных формах архетипических ценностных начал, а технологии будут помножены на великий созидательный миф.

В свою очередь, эффективность мифотворчества обеспечивается грамотно организованным механизмом, вынуждая делать акцент на прикладные аспекты мифотворчества, позволяющие социуму развиваться и выживать. При этом социальное мифотворчество в условиях открытых информационных пространств требует другой организации взаимодействия – гибкой, многоуровневой, сетевой. Другой тактики – динамичной и наступательной. Другого характера – тотального и многоцелевого, с учётом необходимости выработки новых критериев для понимания чужих традиций. И государства-объекты пока не в состоянии этого учесть, проигрывая в креативе тем сетевым организациям, которые проверяют их на прочность, обращая их с помощью различных т. н. «цветных» и «твиттерных» псевдореволюций в зону управляемого хаоса (см.: [15]). Причём, в этом стратегическом противостоянии технологии работают против смысла, а креатив противопоставлен традиции.

Понятно, что Запад планирует сохранить и укрепить своё лидерство, и будет за это бороться. Но сможет ли он в новых исторических условиях предложить столь же сильные идеи и аргументы, как это было несколько сот лет назад? Сумеет ли Америка удержать лидерство в мире ценностных смыслов? Сомнительно. Хотя, под воздействием происходящего историки и философы, социологи и политологи, филологи и культурологи, экономисты и политики всего мира уже вовлекаются в переосмысление взаимоотношений между различными странами и цивилизациями. Правда, их оценки и прогнозы скорее утверждают геополитическую вопросительность, за которой стоит миф. В любом случае формирующийся перед миром вызов в значительной степени носит онтологический характер. А значит, грядущая бифуркация культуры требует ана-

лиза и использования скрытых в мифе потенциалов, вынуждая мыслить инновационно и стратегически в рамках больших пространств.

Причём, важнейшую роль в процессе поиска новых мобилизующих идей играет способность общества к мифотворчеству. Ведь в мифах кроются те резервы выживания, без которых человек существовать не может, как бы он при этом к мифам ни относился, так как миф – смысловое поле культуры, особым образом организованная информация, происхождение и значение которой до конца не известно. В этом заключается трудность означивания мифа. Его неопределённость, неуловимость, непрочитаемость. Но растущей потребности в коллективно понятой информации эти особенности мифа не снимают. И потому интенсивный поиск определённости неопределённого в науке и обществе продолжается. А поскольку главный предмет мифов – человек и его взаимосвязь с миром во всех проявлениях, познавая мифы, мы познаём себя. Своим новым знанием мы помогаем мифу раскрыться, чтобы он помог по-новому раскрыться и нам. Раскрыться ценностно.

В свою очередь, проблема ценностного выбора подводит к весьма любопытному парадоксу, когда вопрос о будущем культуры лежит в области политики, а вопрос о будущем политики лежит в области культуры, которая целиком строится на мифологиях. И уже один этот факт побуждает нас к интеллектуальной заинтересованности в мифе, ставя перед необходимостью пересмотреть роль и место мифа в современной системе знания. К тому же без существенной коррекции отношения к мифу и мифотворчеству нам трудно будет понять нашу ответственность за образ своего мира в мире других.

В свете этого важно понять, что, чтобы успешно конкурировать в мире смыслов и идей, общество должно иметь сильные мифы и надёжный механизм их функционирования. При этом понятно, что сильные мифы – наступательные. Их целью может быть только экспансия: культурная, политическая, социальная.

Однако, к сожалению, вопрос о статусе мифа, согласно которому, как факт науки, миф пока пребывает в двойственном положении. С одной стороны, к нему не только растёт интерес, в том числе и научный, но и использование его в сфере информационного взаимодействия становится всё более тотальным. С другой стороны, фактом науки в подобающем ему масштабе и качестве миф так и не стал. И, хотя, возможно, именно от понимания таких универсальных явлений, как миф и его роль в обществе зависит, состоится ли ожидаемый спасительный прорыв человечества к новому качеству знаний и отношений или нет, критическая масса представлений о мифе, как крайне важном и естественно присущем элементу человеческого восприятия и жизнедеятельности, несмотря на фундаментальные работы современных мифологов, в обществе так и не была набрана.

Впрочем, вскрывая главную проблему мифотворчества, как одного из важнейших факторов социального и национального самосохранения, наука показывает, что обладает достаточно разнообразным и насыщенным инструментарием, дабы заложить основы для максимально полного понимания мифа и мифотворчества. Но хватит ли у науки тонкости, как писал Р. Барт, чтобы идти дальше? Для этого ей надо ответить на вопросы: какую роль играет миф в обществе? Какие функции выполняет? Можно и нужно ли от него отказываться или миф следует изучать и использовать? В какой степени борьба с мифом возможна и насколько в принципе эффективна? Чем и как миф может помочь и помогает людям? Эти вопросы пока остаются открытыми, несмотря на крайнюю заинтересованность человечества в их разрешении.

Источники и литература.

1. Нейл Ф. Мифы и легенды. Расшифрованные послания и символы в работах великих мастеров. Харьков, Белгород: Изд-во Клуб семейного досуга, 2009. 128 с.
2. Игнатьева М.Н. Социально-философский анализ гендерного мифотворчества: Дис. ... канд. филос. наук. Кемерово, 2006. 205 с.

3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. 736 с.
4. Громько Ю.В. Задачи стратегической разведки в изменившейся ситуации [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://situation.ru/app/j_art_1181.htm
5. Почепцов Г.Г. Психологические войны. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер. 2000. 528 с.
6. Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). Мн.: Харвест, 1999. 448 с.
7. Ставицкий А.В. Современный миф как фактор национальной безопасности // Материалы международной научной конференции «Ломоносовские чтения» 2008 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008» / Под ред. В.А. Трифонова, В.А. Иванова, В.И. Кузищина, Н.Н. Миленко. Севастополь: НПЦ ЭКОСИ- Гидрофизика, 2008. С. 245-248.
8. Удовик С.Л. Глобализация: семиотические подходы. М: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2002. 480 с.
9. Кара-Мурза С.Г. Антисоветский проект. М.: Алгоритм, 2009. 352 с. (Суд истории).
10. Уткин А.И. Новый мировой порядок. М.: Алгоритм, Эксмо. 2006. 640 с.
11. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
12. Дугин А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007. 382 с.
13. Ставицкий А. Украина в интеграционных процессах: мифологический аспект [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://rusprostranstvo.com/?p=111>
14. Минченко Е., Ермолаев А. Борьба кланов или конфликт стратегий: Сценарии развития политико-экономической системы Украины. Меморандум [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.stratagema.org/issledovaniya.php?n>
15. Сенченко Н.И. Общество истребления – стратегическая перспектива «демократических реформ» / К: МАУП, 2004. 224 с.

V

НАУЧНОЕ

ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК КЕРЧИ
В ОПИСАНИЯХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКОВ

АВСЕНЁВА С.Н.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

В 1771 г., во время первой русско-турецкой войны, русские войска под командой князя Ф.М. Долгорукого оккупировали Тавриду. Еникале и Керчь, после капитуляции турецкого гарнизона, были заняты отрядом генерала Борзова и адмирала Сенявина. В 1774 г. по Кючук-Кайнарджискому мирному договору эти крепости, вместе с прилегающей к ним территорией, были формально закреплены за Россией. Так образовалась особая административно-территориальная единица, позднее (с 1821 г.) конституированная как Керчь-Еникальское градоначальство, управлявшееся лицом с правами губернатора.

В градостроительном развитии Керчи до 1855 г. можно выделить два этапа. Первый охватывает период с 1771 по 1821 г., до открытия в Керчи порта и учреждения градоначальства; второй – с 1822 по 1853 г., до начала Крымской войны.

Маленьким и ничем не примечательным в архитектурном отношении предстает перед нами город в начале нового столетия.

Первые путешественники по Крыму понимали особо плачевное состояние города, *«который сменил последовательно много разных национальностей», этой «бедной слободки с несколькими дворами»* [7, с. 107].

«Самое замечательное сооружение, которое время также не жалеет, это готический храм, строительство которого показывает, что он был посвящен Христу и был возведен после начала христианской эры.

Что самое замечательное в его строительстве, перистиль, поддерживаемый колоннами, каждая высечена из мрамора, а несколько из этих колонн колоссального размера лежат рядом с ним, показывая, что многие внесли свой вклад в это благочестивое здание...

Мы не можем, однако, ожидать здесь находки весьма значительной сферы изобразительного искусства...» [22, р. 173] – заключает М. Гатри, наблюдая многочисленные городские развалины новых построек и фрагментов античных памятников, перемешанные и разбросанные повсюду.

О планировке города в самом начале XIX столетия говорит П.И. Сумароков (1799 г.): *«Керчь был довольно просторен, но ныне в нем считают до 100 неважных домов...»*

Хорошая каменная крепость при всем повреждении представляет весьма прочное ее сооружение, и в ней гарнизон наш содержит свои караулы. Внутри оной достойна примечания старинная греческая церковь, которая весьма не обширна, темна, имеет посреди две цельные мраморные колонны, и жертвенник в тесном алтаре ее помещен внутри столпа...

Здесь фонтан, испускающий очень вкусную и здоровую воду, сделан на большом пространстве из камня, а передняя оного стена облечена чистым белым мрамором и хорошо обработана. Надобно заметить, что во всех сего края городах много фонтанов, и что искусство азиатцев в построении оных неподражаемо, и заслуживает великое внимание...» [19, с. 70].

«Вывод сей, оставив по себе разрушения, пустыри, привел город в упадок, так что ныне считается в нем только до 80 скудных дворов, обитаемых оставшимися крымскими, да пришлыми беломорскими греками, притом армянами, татар же в нем не находится. Керчь, имея в длину не более полуверсты, состоит из двух улиц, из коих главная вся занята лавками, а позади их сокрыты жилища хозяев. Итак, базар составляет весь город, что причиною движения народа и обманчивого его количества...»

Крепость, взятая как выше сказано от турок, без брани, а по условию, почти не подверглась разрушению. Она просторна, сделана из камня...

На воротах к городу виден на одной стороне лежащий мраморной же лев, каковой точно, судя по опустелому месту, был некогда и на другой стороне. Внутри крепости находится греческая церковь именитая своею древностью...

Общественный фонтан довольствуется чрез приводные из далека трубы город водою; передняя его сторона сделана из мрамора, и он превосходит все другие в Крыму. Изобилие мрамора было весьма велико, и так что ныне во многих униженных хижинах отломки оного появляются закладенными между нетесаных камней...» [18, с. 106-109].

К 20 гг. XIX в. город заметно преобразуется. Так, читаем у И. Сбитнева (1820 г.): *«Впрочем, построение сего города лучше Еникаля, и величиною несколько более оного... Купеческие ряды и дома здесь порядочные; улица, идущая вдоль горы, называется Золотою, довольно широка и длинна...»* [16, с. 35].

В 1821 г. Александр I издает указ об объявлении Керчи морским портом с восстановлением в нем карантин и таможи и учреждением градоначальства. Одновременно рассматриваются предложения сделать Керчь губернским городом. В связи с этим, в том же 1821 г. одесский архитектор Франсуа Шаль, ученик Ш. Персье, разрабатывает проект генерального плана, предусматривавший создание нового города, распланированного в соответствии с принципами градостроительной теории классицизма.

«По новой статистической карте Крыма, он [город] теперь может похвастаться не более чем 154 домами, и его население не превышает 300 или 400 душ. До сих пор это жалкое место, и содержит несколько жалких магазинов...»

В последнее время построены некоторые частные дома, создавшие живой аспект в этих условиях общей подавленности...

Генуэзская крепость и древний собор, так убедительно описанные Палласом и Кларком, были недавно отремонтированы. Вокруг последней лежало много кусков карнизов, капителей и колонн, и здесь мы также нашли обезглавленную статую женщины титанических размеров, выполненную из мрамора, драпировка на которой была чрезвычайно красивая...», – рассказывает англичанин Р. Лайэлл, посетивший город в 1822 г. [23, с. 375-376].

Новый план городского строительства, о котором упомянул Р. Лайэлл, постепенно воплощался в жизнь, чему свидетельствуют слова П. Свинына, прибывшего сюда в 1825 г.: *«В городе одна лишь прямая улица, остальные состоят из кривых переулков и разбросанных домов по отлогости Митридатовой горы. Строение вообще каменное, для чего окрестности здешние изобилуют превосходными материалами. Вновь воздвигаемые дома принимают европейскую наружность, а старые на образец азиатский; равномерно и базар здешний живо еще напоминает бывшее владычество татар...»* [17, с. 25].

Немалое значение в деле архитектурного преобразования Керчи сыграл закон от 20 сентября 1829 г. «Об открытии кредита для развития города Керчи», предполагавший открытие в государственном казначействе ежегодного кредита в размере 50 000 рублей для возведения необходимых построек [12, с. 187].

О.Ф. Мармон, посетивший Керчь в 1834 г., отметил следующее: *«Керчь, за пятнадцать лет ничтожная деревенька, теперь красивый город, населенный тремя тысячами жителей. Здания воздвигаются изящные; видно, что жители заботятся не только о своих нуждах, но действуют как народонаселение богатое и образованное... Тотчас заметно, в каком духе и с какою целью строятся дома. Иностранцы, понявшие будущность этого города, присоединились к его богатой судьбе, и принесли свои капиталы и свою промышленность...»*

План города, утвержденный наперед, ручается за хорошее его расположение, и уже теперь можно судить о том, что предназначает время для этого рождающегося города...» [11, с. 231-232].

Кроме достопримечательных мест и красивых построек, совершенный облик городу придавала правильная планировка мощеных улиц, центральная из которых получила имя Воронцовской, с широкими и украшенными аллеями тротуарами.

По-прежнему не обходилась вниманием и Иоанно-Предтеченская церковь. В 1835 г. местными прихожанами при поддержке правительства был простроен также Свято-Троицкий собор [6, с. 52-54].

Керчь украшают многочисленные новые здания в европейском вкусе, большая Митридатская лестница (Рис. 3.), площадку нижнего яруса которой украшали фигуры грифонов, красивейшее здание музея, являвшее собой точную копию храма Тесея в Афинах (Рис. 2.), новое здание таможни и многое другое, что не оставило равнодушным приезжающих сюда в первой половине XIX в. [8, с. 32-34].

Подтверждение тому – слова Н.Н. Мурзакевича (1836 г.): *«И действительно, Керчь есть один из красивых городов в Новороссийском крае, по его симметрическому расположению, и по хорошим общественным и частным зданиям; пространная и красивая городская площадь, окруженная однообразными лавками, и отличная в несколько уступов лестница, ведущая к Митридатовой горе, довершают красоту города. В Керчи заметна деятельность и особенно в постройках... Остановившись в новой гостинице с классическим названием «Воспорской», мы были приятно удивлены, найдя тут же хорошенкую общественную библиотеку в красивых покоях; сюда по вечерам Керчи воле жители собираются для чтения книг, газет в журналов. Из окон гостиницы, при тихой и ясной погоде, приметен след древнего эллинского мола...»*

Вершина древнего акрополиса ныне увенчана красивою часовнею, сооруженною над гробом почтеннейшего археолога и градоначальника Керчи И.А. Стемповского. С горы мы сошли на площадь, у которой стоит греческая церковь во имя Св. Иоанна Предтечи. Как наружность этой церкви, так равно и внутренность, соответствуют отдаленной ее стороне. Узкие и почти целоподобные окна, приземистая дверь, алтарь с тремя полукружиями, свод, поддерживаемый четырьмя мраморными колонами вполне обрисовывают Византийский храм X века...

И эта церковь — одна из древнейших в России, не миновала новейших переделок. Керченские жители, для увеличения ее, выломав западную (древнюю) стену, приделали продолжение с колокольнею...

Красивая Керчь имеет уездное училище (с 70 учениками) и недавно учрежденный Девичий Институт для 30 воспитанниц...» [13, с. 674-675;681-682;689-690].

«В Керчь, эту древнюю столицу Босфорского царства, мы въехали по широкой, прекрасной улице, в которой было проведено крепкое шоссе, покатое к обоим краям; тротуары в оной сделаны из широких плит, дома из мягкого скважистого известняка, такого же, как и в Одессе. По внешнему виду домов, по их аркадам, колоннам и другим архитектурным украшениям, Керчь очень похожа на европейский город, и в ней нет таких несоразмерно широких улиц, какие мы находили в некоторых новейших городах южной России. Главная улица пересекается под прямым углом другими, и все содержится в чрезвычайной чистоте. В одной из

этих боковых улиц, мы нашли, после долгих поисков, гостиницу Босфор, о которой заранее знали, что это лучшая и почти, можно сказать, единственная гостиница в Керчи...

В новейшее время на Митридатовой горе устроили обширное здание, в котором выставлены многочисленные драгоценные предметы, извлеченные из курганов. Эта гора во многих местах разрыта и в ней найдено большое количество человеческих костей. От музея до города вы спускаетесь по исполинской лестнице, устроенной в новейшее время, украшенной греческими балюстрадами, масками и чашами. Тут же помещены пантикапейские драконы, отличающиеся прекрасной отделкой. Лестница примыкает к многоугольной площади, окруженной аркадами, на которой помещается рынок. Вокруг этой площади проходят многие правильные улицы; некоторые из них спускаются к морю. Но главная улица, простирающаяся к северо-западу, тянется через весь город из конца в конец. Это самая торговая и населенная улица; параллельно с нею проходят еще другие, также пересекаемые под прямым углом. Вокруг всей бухты устроена каменная набережная; вдоль по этой набережной выстроено множество прекрасных домов, в числе которых первое место занимают дом губернатора, таможня и обширные магазины для складки товаров...» – пишет А. Демидов в 1837 г. [4, с. 471-472; 474].

К 40 гг. XIX в., благодаря успешному развитию торговли, поддержке правительства и хлопотам градоначальников И.А. Стемковского (1828-1832 гг.) и З.С. Херхулидзе (1833-1855 гг.), город превратился в один из красивейших на юге России, удостоившись звания «маленькой Одессы».

Окончательно оформился центр города, венцом которого стала гора Митридат с музеем древностей и часовней. Сформировались также многие кварталы города, его площади: Базарная (сейчас сквер Володи Дубинина), Фонтанная (ныне здесь к/т «Украина»). Была спрямлена каналом речка Мелек-Чесме, облицована камнем набережная, на склоне горы Митридат посажен бульвар, улучшена система водоснабжения и сооружены новые фонтаны. Город полностью преобразился.

Сильное впечатление облик города середины XIX в. произвел на путешественника А. фон Гакстгаузена (1843 г.): *«Вид города Керчи и его окрестностей с парохода, при рассвете, очарователен. Город лежит перед нами полукругом, правая сторона его возвышается амфитеатром до наружной оконечности, где на выступе крутого холма довершал нарядную массу зданий, недавно выстроенный наподобие греческого храма, музей, для собрания и хранения таврических древностей. Здания города построены в русском вкусе, с колоннами, балконами, низкими крышами; греческие храмы, с зелеными куполами и колоссальными золотыми крестами, все это вместе казалось издали весьма живописным. Все дышало характером юга и давало воображению богатую пищу своими возникающими воспоминаниями о древней Пантикапее, из развалин которой выстроен Керчь, о Босфорском царстве, о Митридате Великом и его трагической кончине...» [3, с. 2].*

Облик города, вступившего во вторую половину XIX в. отрывками рисует П. Беккер (1852 г.): *«Перед красивым рядом домов, расположенных по берегу моря, лежит большая площадь, которая бывает очень оживлена в торговые дни, особенно по утрам...*

Но новость зрелища ненадолго займет путешественника; взорам его, разбегающимся по сторонам, представится небольшая греческая церковь, которая, как древнейшая на Крымском полуострове, непременно привлечет на себя его внимание...

Невольно мы направляем шаги к Митридатовой горе, на вершину которой ведет несколькими ступами каменная лестница. Она же ведет и к керченскому музею...

Но сколько затруднителен доступ к музею, столько величественно положение его. Красуясь на вершине Митридатовой горы, этот дорический храм представляет снизу, и именно с моря, такой же живописный вид, как и стоящая на самой вершине каменная часовня, которая как бы сторожит гору и всю окрестную страну, и в которой покоится прах Стемковского, человека, оказавшего столько услуг древностям Керчи...

Керченский музей выстроен на подобие храма Тесея в Афинах, украшен шестью дорическими колоннами по фасаду и имеет по девяти с боков. По своему величествен-

ному положению он привлекает к себе взоры преимущественно пред всеми зданиями и, конечно, прежде всего, посещается каждым путешественником...» [1, с. 351-354].

Источники и литература.

1. Беккер П.В. Керчь и Тамань в июле месяце 1852 // Пропилей. М., 1853. Т. III. С.351-354.
2. Воронов А.А., Михайлова М.Б. Боспор Киммерийский. М.: Искусство, 1983. 184 с.
3. Гакстгаузен Август фон. Закавказский край: Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. СПб.: Тип. Гл. штаба Его Имп. Величества по воен.-уч. завед., 1857. Ч. 1.
4. Демидов А.Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году. М.: Тип. А. Семена, 1853.
5. Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009.
6. Зенкевич Х.Х. Керчь в прошедшем и настоящем / Х.Х. Зенкевич. Керчь: Тип. Х.Н. Лаго, 1894. С.52-55.
7. Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию в письмах Владимира Измайлова / В. Измайлов. М.: Тип. Хр. Клаудия, 1800. Ч.2-3.
8. Керчь: Документы и материалы по истории города / Под. ред. Л.А. Михайлова. Керчь: Редотдел Крым. ком. по печ., 1993.
9. Крым от древности до наших дней / Под. ред. Э.Б. Петровой. Симферополь: ИД «ЧерноморПРЕСС»; Феодосия: ИД «Коктебель», 2010.
10. Лазенкова Л.М. История и культура Керчи: Храм Иоанна Предтечи // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 9.
11. Мармон. Путешествие маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет. М.: Тип. Н. Степанова, 1840. Т. 1.
12. Михайлов Л.А. Керчь в XVIII – XIX веках // Пантикапей – Боспор – Керчь. 26 веков древней столице: Мат. Междунар. конф. Керчь, 2000.
13. Мурзакевич Н.Н. Поездка в Крым в 1836 году // ЖМНП. 1837. № 3. Отд. 4.
14. Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Н.Н. Мурзакевич, А.Н. Демидов (К 200-летию юбилею Н.В. Гоголя). Симферополь: Бизнес-Информ, 2011.
15. Санжаровец В.Ф. Из истории происхождения названий географических объектов керченского городского побережья // 175 лет Керченскому Музею древностей: Мат. междунар. конф. Керчь, 2001.
16. Сбитнев И. Прогулка по Воспорскому проливу и по берегам Азовского моря, в 1820 году // ОЗ. 1828. Ч. 36. № 103. Ноябрь.
17. Свиньин П.П. Керчь, древняя Пантикапея. (Из живописного путешествия по России издателя «Отечественных записок» // ОЗ. 1828. Ч. 34. № 96. Апрель.
18. Сумароков П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду / П.И. Сумароков. СПб.: Имп. Тип., 1803-1805. Ч. 2. С.106-109.
19. Сумароков П.П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, с историческим и топографическим описанием всех тех мест / П.И. Сумароков. М.: Унив. Тип. у Ридигера и Клаудия, 1800.
20. Федосеев Н.Ф. Судьбы керченских археологов // 175 лет Керченскому Музею Древностей: Мат. Междунар. конф. Керчь, 2001.
21. Челеби Эвлия. Книга путешествия. Крым и сопредельные области: извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века / Эвлия Челеби ; пер., комм., вступ. ст. Е.В. Бахревского. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: ДОЛЯ, 2008.
22. Guthrie Maria. A tour performed in the years 1795-6, through the Taurida, or Crimea, the Ancient Kingdom of Bosphorus, the once powerful Republic of Tauric Cherson, and all the other countries of the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the Peace of Kainardi and Iassy. London: Printed by Nicholas and Son, Red Lion Passage, Fleet-Street, for T. Cadell, Jun. and W. Davies, in the Strand, 1802.
23. Lyall R. Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus and Georgia. Vol. I. London: Printed by A. & R. Spottiswood, New-Stress-Square, 1825.

Рис. 1. Храм Иоанна Предтечи. Современный вид

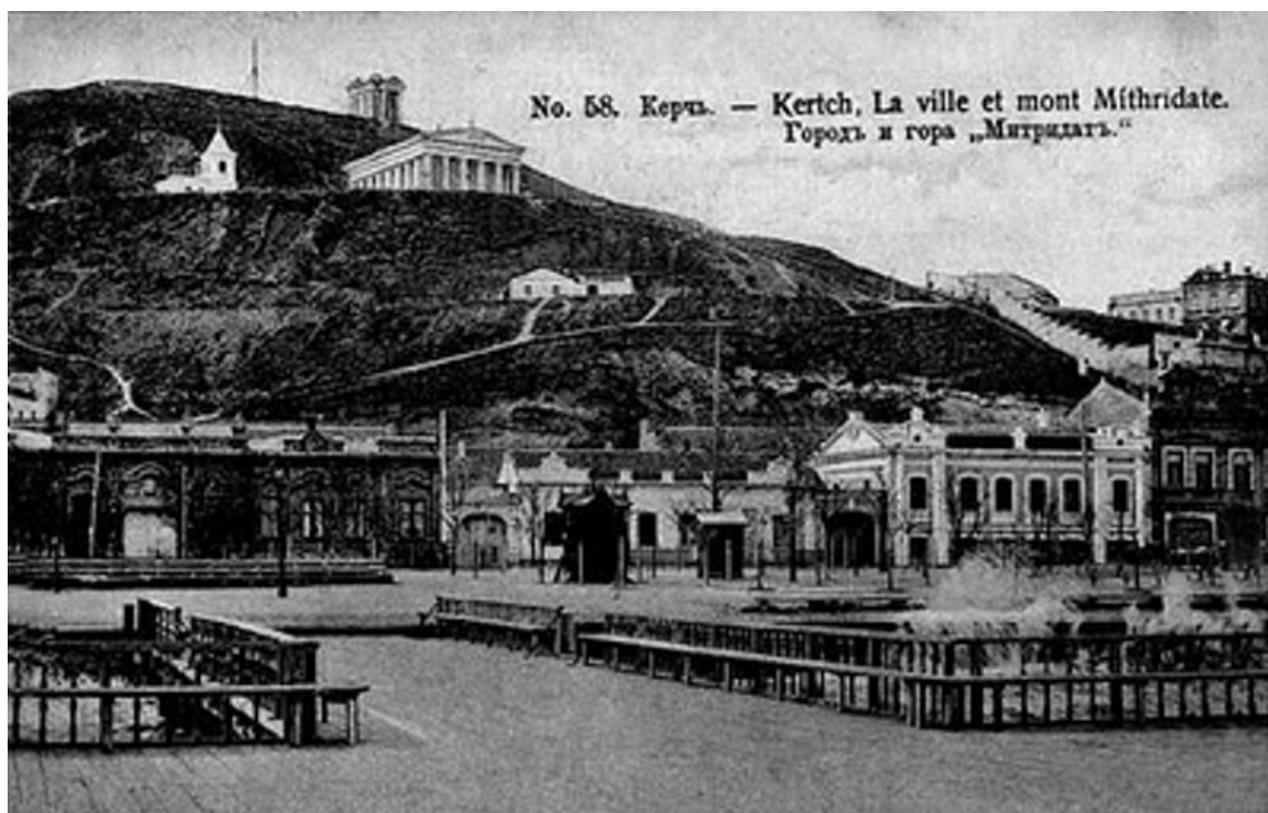

Рис. 2. Вид на г. Керчь и гору Митридат. Фото XIX в.

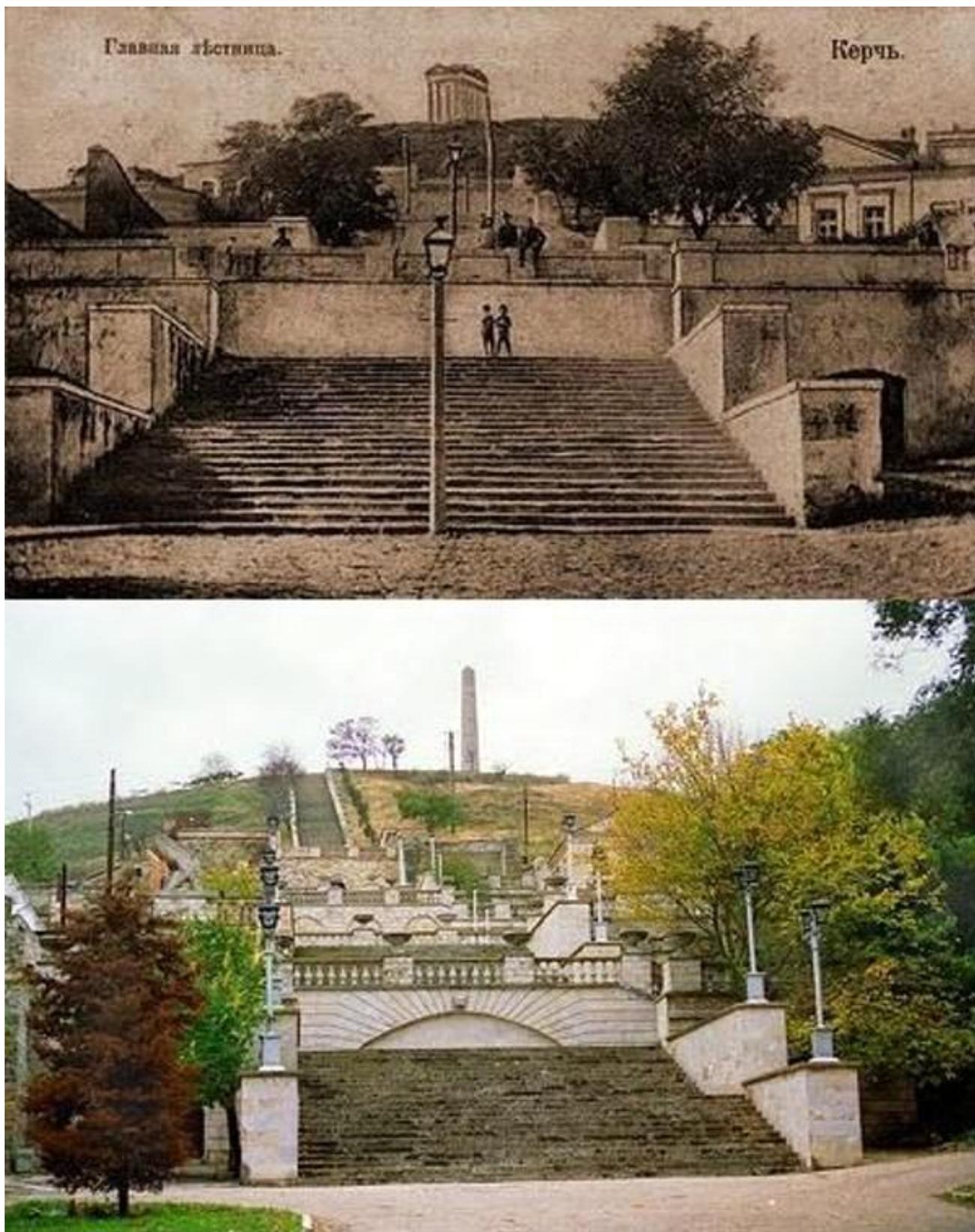

Рис. 3. Лестница на гору Митридат. Вверху – фото XIX в., внизу – современный вид

СЕВАСТОПОЛЬ В ВОСПОМИНАНИЯХ КНЯЖНЫ Е.С. ГОРЧАКОВОЙ. 1880 ГОД

БОРОВСКАЯ П.М.

Севастопольский филиал

Саратовского государственного социально-экономического университета

Человеку издавна свойственно путешествовать. А когда путешественник оставляет нам записи, они (спустя годы) могут стать бесценным историческим источником.

«Воспоминания о Крыме» Е.С. Горчаковой не просто описательная литература, художественная проза, написанная легким, образным, хорошим русским языком. Эта книга — воспоминания очевидца, написанные с исторической достоверностью, где личные ощущения и переживания переплетаются с археологическими, географическими, художественными фактами и сведениями.

Горчаковы — русский княжеский род, происходящий от Рюрика, ветвь князей Черниговских. О самой Елене Сергеевне сведений почти нет. Между тем, она была достаточно известным автором путевых очерков, поэтом, педагогом. Родилась княжна Е.С. Горчакова в Москве 30 апреля (12 мая) 1824 г. Получила хорошее домашнее образование. В 1853 году Елена Сергеевна была пожалована во фрейлины.

Николай I в 1826 году установил постоянный комплект фрейлин — 36 девиц. Княжна Горчакова не была «свитной» фрейлиной и не находилась постоянно при дворе. «Городская» фрейлина Высочайшего двора не несла постоянных обязанностей, часто это звание было лишь признанием заслуг родителей.

Так как фрейлины обязаны были сопровождать императрицу при выезде, принимать лиц, явившихся ко двору, участвовать во всех приемах и развлечениях двора, во фрейлины отбирали девиц с организаторским, литературным, художественным или музыкальным талантом. Княжна Горчакова не блистала красотой. Но была приветлива, умна и талантлива. Она стала прототипом одной из некрасивых княжон Корнаковых в автобиографической трилогии Л.Н. Толстого, дальнего родственника Горчаковых [4, с. 242-243].

В «Воспоминаниях о Крыме» Е.С. Горчакова предстает перед нами образованной, очень наблюдательной, начитанной, приветливой и любознательной путешественницей. К тому же очень выносливой и легкой на подъем в свои 59 лет.

Во время путешествия из Симферополя взору княжны Е.С. Горчаковой Севастополь предстал в первый раз таким: *«На горе мы вышли из коляски и долго смотрели на лежащий у ног наших Севастополь: издали не видать его развалин и белые дома, обмываемые синими волнами моря, представляют очаровательную картину»* [1, ч.1 с. 38].

В Севастополе, прежде всего, княжна посещает музей в доме графа Тотлебена, *«...красивый дом с балкончиками и галереями — это севавтопольский музей; в нем помещается очень интересная коллекция портретов всех участвовавших в обороне Севастополя, собрание планов, карт, рисунков и разных сочинений, в том числе английских, французских и немецких, относящихся до Крымской войны. Интересны также некоторые предметы, принадлежавшие Корнилову, Нахимову и другим, и их оружие»*[1, ч. 1, с. 40-41].

По мнению Елены Сергеевны, помещение музея очень красиво, однако, сетует княжна: *«Жаль только, что некому отвечать на вопросы посетителей. Каталога не имеется, а унтер-офицер, которому поручено хранение и объяснения этих драгоценных остатков славной обороны Севастополя, совершенно глух и, был ранен в щеку, дурно говорит, так что из его рассказов ничего понять нельзя»* [1, ч.1, с. 42]. Е.С. Горчакова пробыла в музее менее часа и посчитала, чтоб его обозреть хорошенько мало и нескольких дней.

В глаза ей бросается прелестный поясной портрет княгини Елены Павловны, он очень похож и поражает своей женской прелестью в этом собрании серьезных мужских

лиц учредительницы Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, которая немало потрудилась на пользу ближнего во время Крымской войны.

С особо теплым чувством Е.С. Горчакова посещает Инкерманский монастырь, церковь братского кладбища в Севастополе, и конечно, памятник дяде М.Д. Горчакову на Северной стороне. *«Памятник кн. М.Д. Горчакову замечательно хорош, — радуется она, — в довольно большой часовне поставлен бюст князя, из белого мрамора; он очень похож и выражение задумчивой грусти удачно схвачено художником; под бюстом начертаны имя князя и желание его быть похороненным среди его товарищей, славных защитников Севастополя»* [1, ч. 1, с. 62].

Здесь, на скамейке против памятника, и родились следующие строчки:

*Могилы героев, погибших в бою,
Пред вами колена сгибаю,
В печальном раздумье я молча стою,
О всем, что прошло, вспоминая.
Кругом вас кровавые волны текли,
Картечи и бомбы летали,
На верную смерть вы себя обрекли,
Но Крым дорогой отстояли* [1, ч. 1, с. 62; 4].

Современники считали стиль воспоминаний Елены Сергеевны лаконичным, суховатым, очень конкретным. Тем более ценны для нас сегодня конкретные детали: *«...желтоватобледное лицо изможденной работой и родами караимки в Евпатории, запах мяты, розового масла и специй в домике кондитера, большие старинные кресла с обеих сторон кафедры и устланный коврами пол кенасы»* [1, ч. 1, с. 25—28].

Ее замечания об этнографических типах татар, караимов и греков, об отсутствии сумерек вообще на юге, когда после захода солнца быстро темнеет, о засохших деревьях после прошлогоднего весеннего заморозка — все это выдает в ней начитанную путешественницу, с хорошей памятью и острым глазом.

Личная жизнь не удалась: княжна так и не вышла замуж. У нее жила воспитанница, девочка Лёня, которую Елена Сергеевна брала с собой в путешествие по Крыму. И странно: описывая очень подробно все встречи, называя по возможности поименно знакомых, проводников, случайно встреченную семью татар, даже гребцов, с которыми она единственный раз ездила на дачу к профессору Умову, — Горчакова лишь раз упомянула девочку Лёню: *«...чужая девочка, так живет со мной»* [1, ч. 2, с. 17].

Сравнивая грязи около Херсонеса, Горчакова утверждает, что они не уступают целебной силой сакским грязям, и даже имеют то преимущество, что вблизи от них отличное морское купание, необходимое после грязевых ванн. Она одобряет хорошую мысль устроить при монастыре музей древностей Херсонеса и библиотеку всех книг, написанных о Херсонесе на всех языках.

Елена Сергеевна — хороший топонимист. Выспрашивает и записывает для будущих читателей русские, тюркские, греческие названия всех крымских городов, сел, мечетей, деревень, о которых упоминается в книге, раскрывает их значение.

«На другой день моего приезда в Севастополь, когда жар немного спал, в пятом часу вечера, я наняла коляску за 2 руб. 50 к. и отправилась в Херсонес, в русских летописях Корсунь. Развалины этого древнего города находятся верстах в 3-х на запад от Севастополя, на небольшом мысе между Карантинной и Стрелецкой бухтами», — пишет Е.С. Горчакова [1, ч. 1, с. 89].

На развалинах Херсонеса Горчакова встречается с археологом и художником Д.М. Струковым, и они продолжают путешествие вместе. Описание Георгиевского монастыря Елена Сергеевна преподносит читателю то со слов Д.М. Струкова, то по литературным источникам, то по своим впечатлениям. Вместе с Д.М. Струковым они предполагают, что храм Дианы Таврической (Ифигении) находился *«...на мысе Фиолент, который назывался Парфенон, т. е. мыс Девы»* [1, ч. 1, с. 94]. Свой очерк «Херсонесский монастырь в Крыму» Горчакова иллюстрирует рисунками Д.М. Струкова [3].

Горчакова вспоминает, что «доехали благополучно до Северной (северная часть Севастополя), где наняли ялик за 1 рубль и через четверть часа высадились на Графскую пристань в виду двух прекрасных гостиниц Завадского и Киста. Я выбрала последнюю и осталась очень довольна моим выбором. За 2 руб. в сутки мне дали большой, чистый номер, хорошо меблированный, а за 1 рубль обед довольно вкусный» [1, ч.1, с.89].

По воспоминаниям Е.С. Горчаковой, Севастополь заслуживает название мертвого города, хотя с проведением железной дороги он начал оживать и понемногу застраивается. Один из замечательнейших домов — тот, в котором жил Нахимов во время осады города, принадлежал Ветцелю, и в нем устроена гостиница.

В верхней части города, где ещё очень много развалин, строился огромный храм во имя святого Князя Владимира; в нижней церкви видны гробницы адмиралов: Лазарева, Корнилова, Нахимова и Истомина; в верхней, одни стены из разноцветного мрамора очень ярких цветов.

«Может быть, когда храм будет окончен, он будет столь же красив, как огромен, но теперь он неприятно поражает пестротой и негармоничностью цветов; желтый, синий, светло-зеленый преобладают и напоминают украшения мавританских дворцов, что конечно не совсем уместно в христианском храме. Из окон собора Св. Владимира открывается великолепный вид на всю бухту и на Северную, где зеленеет кладбище и виднеется изящная церковь, о которой я говорила выше» [2, с.67].

По описанию Елены Сергеевны «...кроме музея Тотлебена и собора, в самом Севастополе нет ничего интересного. Улицы, особенно некоторые, представляют печальный вид, дома без крыш, стены без окон, внутри домов выросли березы, торчат трубы, как после пожара» [1, ч. 1, с. 92].

Но две, три улицы оживлены магазинами; есть читальни, кондитерские, две очень хорошие фотографии.

После дождя город принимает другой вид; белые акации, посаженные на некоторых улицах, оживают; но «...когда я была в Севастополе, все тонуло в облаке известковой пыли и деревья были серого, пепельного цвета» [1, ч. 1, с. 93].

Далее Елена Сергеевна пишет: «Несмотря на эту непривлекательную картину, жизнь в Севастополе мне понравилась, все дышит в нем какой-то величавой простотой и успокаивающей тишиной, царствующей во всем городе, что идет к нему гораздо более, чем бы шло оживление наших больших городов. Чувствуется, что не забыта и долго ещё не забудется кровавая драма, разыгравшаяся здесь тому назад четверть столетия» [2, с.96].

Окрестности Севастополя некрасивы и, как сам город, напоминают ужасы одиннадцатимесячной осады. Повсюду видны ямы, кучи камней и мусора; это известные всем Малахов курган и прочие укрепления и бастионы, где в числе других героев пали Корнилов и Нахимов. Вблизи лежат бесчисленные могилы убитых воинов.

Подъезжая к Севастополю от Северной стороны, налево на самой высоте, Е.С. Горчакова увидела памятник адмиралу Лазареву; за ним стояли разрушенные казармы, а внизу у входа в Корабельную бухту устроены Русским Обществом пароходства доки, где строились машины и чинились пароходы общества.

Корабельная бухта — одна из девяти меньших бухт большой Севастопольской бухты, известной под именем Севастопольского рейда, имеющая в длину до 7-ми верст, и средней ширины около одной версты; глубина же рейда от 9 до 12 саженей, как у берегов, так и по середине. Все эти бухты превосходно защищены природой от ветра и вполне безопасны для стоянки кораблей, почему севастопольский порт и принадлежит к самым лучшим портам в Европе и пользуется всемирной известностью.

Горчакова подробно описывает историю возникновения города и объясняет название: «До присоединения Крыма к России около великолепной Севастопольской бухты была расположена татарская деревня Ахтиар, но в 1784 году Екатерина II обратила внимание на положение и удобства этой бухты и повелела на татарской деревни основать военный порт, с адмиралтейством, верфью и крепостью, и назвала его Севастополем, что значит величественный город, в память бывшего у древних Греков города Севастополя, на Черном море, только не здесь, а в нынешней Абхазии возле Сухум-Кале» [1, ч. 1, с. 95].

Затем Севастополь стал быстро развиваться, и построенные в нем форты, батареи, казармы, церкви и красивые здания всякого рода сделали его одним из замечательнейших наших портов.

Все эти многочисленные и прекрасные сооружения были уничтожены бомбардировкой: уцелели только так называемая Екатерининская или Графская пристань, адмиралтейский собор во имя Св. Николая, который был неокончен до осады и остался невредимым, и бульвар с памятником Казарскому – командиру брига Меркурий в войну с турками 1828 года. И далее Елена Сергеевна подробно его описывает: «*Этот памятник очень хорош; на высоком каменном пьедестале серого цвета поставлена исполинская ваза, похожая на амфору, и под ней морские атрибуты с надписью А.И. Казарскому и потомству в пример*» [1, ч. 1, с. 97].

Но самое замечательное и драгоценное сооружение в Севастополе, по мнению Горчаковой, его великолепные сухие доки, для починки линейных кораблей самых больших размеров, не уцелели. Они были устроены в глубине Корабельной бухты; их пощадили неприятельские бомбы, во время продолжительной осады, но когда англичане и французы взойшли в город, они взорвали их до основания, для чего подвели под них несколько мин.

Форты, защищающие вход в Севастопольскую бухту, представляли огромные здания в три этажа и господствовали над входом в Карантинную бухту; они, конечно, были все разрушены до основания и от них остались теперь только груды камня и мусора и жгучие воспоминания.

Читая воспоминания Е.С. Горчаковой, как будто сам путешествуешь по городу 80-х годов XIX века.

Источники и литература.

1. Горчакова. 1881-1884. Воспоминания о Крыме: Сакские грязи / Изд. Кн. Е.Г. [Горчаковой]. М.: Тип. Общ-ва распр. полезн. книг, 1881. 182 с.; Е. Горчакова, кн. Воспоминания о Крыме. Часть II. М.: Тип. Общ-ва распр. полезн. книг, 1884. 207 с. Прил.: Краткие сведения, полезные для путешествия по Крымскому полуострову. С. 208-214. (Издательский проект «Крымская Энциклопедия»).
2. Горчакова Е.С. Воспоминания о Крыме. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2008. 480 с.
3. Литвинова Е.М. Крым: православные святыни: Путеводитель. Симферополь: Рубин; ЧП Бинькин, 2003. 384 с.
4. Толстой Л.Н. Юность. Гл. XIX. Корнаковы // Собр. соч.: В 22 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1978. С. 242-243.

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

КАРДАИЛЬСКАЯ Д.А.

Филиал МГУ в городе Севастополе

На сегодняшний день одной из самых популярных тем исследований является история женского вопроса в Российской империи, и одно из важнейших мест в этом комплексе проблем и занимает проблема женского образования. В конце XIX в. публицист Амфитеатров утверждал, что женщины в современном мире представляют собой особый класс, отдельное сословие: «*Это «пятое сословие» слишком обделено благоденствием всюду, а уж у нас на Руси в особенности*» [1]. Действительно, женщины в Российской империи официально были весьма ограничены в своих действиях и возможностях, что в первую очередь заметно было в сфере просвещения. В первой половине XIX в. образование девочек было в диковинку, поскольку еще не существовало полноценных женских учебных заведений. Исключение составляли представительницы привилегированных и состоятельных семей, с которыми и связаны первые опыты просвещения прекрасного пола.

Во второй половине XVIII в. появились первые учебные заведения для девочек, представительниц дворянства, куда также допускались, в исключительных случаях, девочки из мещан. Первым из этих учреждений, получивших название института, стал Смольный институт благородных девиц, где находилось основанное Екатериной II в 1764 г. Воспитательное общество благородных девиц. В дальнейшем было основано около двадцати таких институтов во всех губернских городах Российской империи. В конце XIX в. эти «приюты» для русских аристократок находились не в ведении Министерства просвещения, а являлись частью императорского благотворительного комплекса подразделения Императорской канцелярии Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны [13].

Смольный институт положил начало женскому образованию в России. С 1789 г. юные дворянки могли также учиться в так называемых Екатерининских институтах в Петербурге и Москве, а в 1812 г. открылся Институт благородных девиц в Харькове. Существовали также частные пансионы, открытые, как правило, иностранцами, и учебные заведения для мещан.

Домашнее обучение, которому отдавало предпочтение большинство дворянских семей, было более дорогим, а потому, среди институток преобладали девочки из знатных, но обедневших семей, сохранивших широкие связи. Доступ к обучению в этих институтах имели также дочери высших военных и гражданских чинов, а одним из основных критериев отбора являлось наличие у их семей заслуг перед Отечеством. Во всех институтах предпочтение отдавалось той девушке, чей отец погиб на поле боя и, конечно же, при условии, что погибший герой был знатного происхождения и занимал высокое положение в обществе [13]. Однако достаточно часто право на обучение приобреталось благодаря влиянию и связям семьи, нужно было только ходатайство значимого знакомого [3]. Купцы и непотомственные дворяне также могли отдать своих дочерей в желаемый институт, однако, они должны были заплатить за эту привилегию. Прием был ограниченным и избирательным, существовал также порядок баллотирования, который также можно было обойти при особых обстоятельствах [3].

Смольный, официальное название которого было «Царское заведение для воспитания дворянских барышень» [8, с. 11], являлся самым известным институтом и хранителем традиций женского образования.

Со времен основания его программа не претерпела радикальных изменений. Она охватывала два языка, помимо русского (немецкий и французский), литературу, математику и даже физику. Однако, знания смолянок были неглубоки и поверхностны, программа подразумевала воспитание хороших жен и матерей: «С молодых лет нас готовили к тому, что мы будем выходить замуж за офицеров. Так по большей части и получалось» [5, с. 12].

В мемуарах, написанных в 60-е гг. XIX в., бывшая институтка вспоминает, что основной акцент делался на послушание, строгое следование учебному плану и предписаниям начальства. Наказанием за нарушение правил, которые регламентировали все, было лишение возможности увидеться в воскресенье с родителями. Как отмечала автор мемуаров, при таком режиме молодая девушка по достижении зрелости не только теряла связи с семьей, но и оказывалась совершенно не готовой к жизни. Таким образом, считалось, что мораль заключается в безоговорочном послушании и гладкой прическе [13].

Представительницы непривилегированных сословий долгое время не имели права на образование. Рассчитывать на него могли лишь дворовые девушки. «Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоюбого пола», изданные в 1774 г., предусматривали обучение дворовых, чтобы «они умели нянчить барских детей» и не портили их «своею грубостью и пороками» [12, с. 176-177]. В то же время, в 1786 г. специальный указ позволил принимать девочек в так называемые народные училища, но посылать их туда долгое время считалось «непристойным». Среднего всесословного образования не существовало до середины XIX века.

Образование в XIX в. становится одной из ключевых позиций борьбы не только активисток женского движения, но и либеральной и радикальной интеллигенции в целом, поскольку просвещение в Российской империи было одним из главных показателей ее отсталости, причем для доказательства этого вовсе не нужно было выделять женское образование как какую-то особую проблему. Положение выглядит весьма удручающе. По данным земско-статистических исследований, из всего населения империи в школах училось 4,8% мужчин и 1,6% женщин, причем, речь идет о начальной школе. В это же время европейские страны активно борются с неграмотностью. Так, в США в 1890 г. было 12% неграмотных мужчин и 14% женщин, во Франции на 1872 г. соответственно – 28% и 35%. Хуже всего дела обстояли в Италии и Испании, однако, это не идет ни в какое сравнение с проблемами Российской империи [6, с. 30-31].

Другим вопросом было качество и доступность среднего образования для тех немногих слоев общества, которые могли и желали дать его своим дочерям. Во второй половине XIX в. существовало три основных источника среднего образования. Во-первых, по-прежнему работали институты для девочек благородных сословий, во-вторых, появились гимназии, находящиеся в ведении министерства народного просвещения и ведомства учреждений императрицы Марии и, наконец, существовали женские епархиальные училища, предназначенные в основном, для дочерей духовенства. Однако, несмотря на кажущееся многообразие, по свидетельству современников, преподавание во всех этих учреждениях, а особенно в институтах и епархиальных училищах, носило элементарный характер, что не позволяло развиваться способностям учениц и, потому, сводилось к пустой трате времени [6, с. 32]. В то же время, многие родители не желали обучать своих дочерей, поскольку считали это напрасной тратой времени.

Кроме традиционного скептицизма в отношении женского образования, одной из причин столь плачевного его состояния был тот факт, что по сравнению со средним мужским образованием, на женское русское правительство тратило очень мало денег. Кроме того, несмотря на разницу в программах, выпускницы наделялись одинаковым правом «домашней наставницы», хотя в епархиальных училищах курс длился шесть лет и отсутствовал педагогический класс, наличие которого в женской министерской гимназии подразумевало восьмилетний курс. Таким образом, правительство косвенно поощряло низший тип среднего образования, хотя от общего числа девушек, получавших его, ученицы епархиальных училищ и институтов составляли лишь одну треть [13].

Хотя существовавшие женские гимназии удешевили образование, сделали его более доступным, они не давали своим выпускницам фундаментального образования. Самыми цен-

ными их завоеваниями стало увеличение массы грамотных женщин и тот факт, что, получив поверхностное образование, женщины стремились к более солидному [9, с. 286-287].

До открытия Высших женских курсов после получения среднего образования женщины сталкивались с невозможностью применения своих знаний. Выпускницы могли либо преподавать в женских прогимназиях и младших классах женских гимназий [4], либо вовсе вернуться к обыденным домашним делам, счастливо выйти замуж и забыть школьные уроки.

Фактически до семидесятых годов XIX в. в Российской империи не существовало ни высшего, ни профессионального образования для женщин. В шестидесятые-семидесятые годы всех поборниц женского равноправия занимал вопрос доступа женщин к университетскому образованию, ибо они жаждали приобщиться к наукам.

В 1859 г., впервые в истории высшего образования России, женщины получили право посещать публичные лекции в Петербургском университете. В то время действовал университетский устав 1835 г., который вообще не предусматривал присутствия женщин в университете, то есть не существовало на это ни разрешения, ни запрета, а потому, начальство не препятствовало посещению ими лекций. Прецедент был создан, и примерно через полгода после появления в Петербургском университете первой вольнослушательницы Н.И. Корсини, на некоторых лекциях, по словам очевидца Л. Пантелеева *«дам бывало чуть ли не столько же, сколько студентов»* [12]. Кроме того, в 1860 г. Н.П. Сулова и В.А. Кашеварова начали слушать лекции в Медико-хирургической академии без разрешения военного министра, которому подчинялась академия, они занимались у сочувствовавших им профессоров: И.М. Сеченова, В.Л. Груббера и П.Ф. Лесгафта. Следуя примеру столицы, вольнослушательницы появились в университетах Киева, Москвы, Одессы и Харькова [13].

История появления женщин в университетах не является такой уж однозначной. Все не все дамы желали посещать высшие учебные заведения от неодолимой жажды знаний. Для некоторых эти посещения были данью моде, иногда – формой социального протеста, поскольку в обществе активно велись дискуссии о том, прилично ли девушкам посещать лекции, к примеру, по физиологии. Однако все дальнейшие события показали, что большинство вольнослушательниц серьезно относились к занятиям и действительно хотели получить достойное образование.

Разумеется, прослушивание тех или иных университетских лекций, даже регулярное, в ни малой степени не приближалось к получению систематического высшего образования. Но одно то, что женщины посягнули на эту сугубо мужскую привилегию, стало поистине революционным шагом и положило начало их длительной борьбе за доступ к высшему образованию [13].

Что касается университетской среды, то не все отнеслись к женской инициативе с однозначным одобрением. Профессура раскололась в женском вопросе на два лагеря. Значительная ее часть, представленная, в первую очередь, молодым поколением, всячески поддерживала благородное стремление женщин, а консервативная часть профессуры считала присутствие женщин несовместимым с достоинством научного учреждения.

Студенчество в целом отнеслось к появлению женщин в университете как к явлению совершенно естественному. С.В. Ковалевская, выдающийся русский математик, рассказывая о своем посещении Медико-хирургической академии в сентябре 1868 г., писала из Петербурга сестре в деревню: *«...студенты вели себя отлично: не только не пялили глаза, но ближайшие мои соседи даже нарочно смотрели в сторону»* [11].

Студенческие «беспорядки» начала шестидесятых годов были использованы правительством для того, чтобы закрыть женщинам доступ в университеты. Поводом для этого также стали просьбы нескольких женщин прослушать полный университетский курс и сдать экзамены. Однако, кроме очевидных консервативных настроений, правительство было также обеспокоено тем, что молодые девушки, погружаясь в университетскую среду, вступают в радикальные кружки, а такая перспектива таила большие опасности.

Интересно, что против посещения женщинами лекций из шести российских университетов высказались только два: Московский и Дерптский, в то время как советы Петербургско-

го, Киевского, Харьковского и Казанского университетов высказались за допущение женщин не только к прослушиванию лекций, но и к испытаниям на ученые степени и звания. В Московском университете только два профессора из двадцати пяти поддержали женщин, причем, одной из причин называли то, что «особенности женской натуры» будут отвлекать студентов от их непосредственных обязанностей. Профессор Б.Н. Чичерин в своих воспоминаниях охарактеризовал это так: «Допускать молодых женщин в университет, когда не знаешь, как справиться с молодыми мужчинами, это было бы верхом безумия» [11].

Общественность, в лице журналов «Современник», «Русское слово» и «Колокол», высказывалась против «дикого разделения знаний на мужские и женские». В упорной оппозиции оказались «Русский вестник» Каткова и славянофильская газета «День», выражавшие консервативные настроения.

Новый университетский устав 1863 г. категорически запрещал женщинам присутствовать на лекциях, тогда же последовал аналогичный приказ военного министра о Медико-хирургической академии.

После утверждения нового устава женщины начали подавать прошения в высокие инстанции, однако, правительство не спешило идти на попятный. Единственное исключение было сделано для Варвары Александровны Кашеваровой, которую с разрешения военного министра зачислили в Медико-хирургическую академию с обязательством по окончании курса ехать в Оренбургский край для лечения башкирских женщин, абсолютно лишенных медицинской помощи. Это обстоятельство, а также исключительная твердость и настойчивость Кашеваровой помогли ей в 1868 г. первой среди женщин получить диплом врача в самой России, а не за границей [13].

С этого времени женщины засыпали власти письмами с просьбами об устройстве женского высшего учебного заведения, коль скоро в «мужские» путь им был закрыт. Для инициирования процесса создания женского университета были необходимы только три вещи: сотрудничество нескольких профессоров, разрешение университета (что означало и санкцию правительства) и деньги на покрытие расходов [11].

Как ни странно, первый опыт был проделан в стенах самого консервативного университета – Московского. В ноябре 1872 г., при помощи ректора Московского университета Сергея Соловьева и поддержке московского генерал-губернатора, было получено официальное разрешение на открытие «Высших женских курсов» под руководством профессора истории Московского университета Владимира Герье, куда в первый же год было зачислено шестьдесят пять женщин. Курсы финансировались за счет частных пожертвований со стороны феминисток, филантропов и даже ежегодного взноса в размере пятисот рублей от Московского купеческого общества. Изначально обучение ограничивалось двумя годами, а естественные науки не преподавались, однако, постепенно время обучения на курсах было увеличено и Высшие курсы стали в полном смысле слова высшим гуманитарным учебным заведением [13]. Начало борьбе за высшее образование было положено. В 1878 г. подобные курсы также были открыты при Казанском университете, затем в Киеве, Одессе, Харькове и Варшаве.

В Санкт-Петербурге осенью 1878 г. открылись «Бестужевские курсы», названные в честь К.Н. Бестужева-Рюмина, профессора истории и их первого директора. Они были открыты для женщин всех сословий и через четыре года выдавали диплом. Здесь читала лекции целая плеяда известных ученых, таких как Сеченов, Менделеев, Бутлеров, Фаворский, Бекетов и другие, а иногда даже семинарские занятия проводились на дому у профессоров [10]. Структура курсов начала со временем приобретать черты университетской корпорации, включая такие общественные организации, как касса взаимопомощи, землячества, бюро труда, совет старост и тому подобное [2]. «Бестужевские» курсы были самыми известными и просуществовали дольше других и, как и все остальные, были закрыты правительством Александра III в середине восьмидесятых годов.

В 1872 г. были открыты медицинские курсы для женщин, куда в первый же семестр было зачислено девяносто женщин, в основном, из семей дворян и чиновников. Для поступления требовалось свидетельство об образовании, а для тех, кому было меньше двадцати лет – согласие родителей и характеристика. Наиболее важно то, что преподаватель-

ский состав тайно игнорировал первоначальные ограничения программы педиатрией и гинекологией и, в конечном итоге, дал полную пятигодичную программу медицинского образования. Курсы отличала строгая дисциплина и редкая самоотдача студенток, которая имела двойные последствия. Когда в 1877 г. курс подошел к своему выпуску, выяснилось, что потери из-за суровых условий жизни очень велики. Двенадцать из девяноста студенток не дожили до выпуска – семь умерли от чахотки, две покончили жизнь самоубийством, а одна умерла от тифа во время турецкой войны [13]. Несмотря на столь печальные итоги, медицина оставалась одной из самых популярных специальностей, и к концу семидесятых годов XIX в. прецедент работы женщин в медицине уже был создан.

Курсистки, как правило, многим жертвовали ради образования. Во-первых, многие из них сталкивались с неодобрением семьи, а порой девушки вынуждены были идти на разрыв с родными, уезжая учиться в столицу. Общество по-прежнему очень неоднозначно относилось к женским университетам. Как в свое время «институтка» в русском обществе превратилось в ироничное прозвище легкомысленной и крайне наивной женщины, так консервативные современники старались вложить ядовитую насмешку в слово «курсистка». Самые радикальные круги даже отождествляли студенток с проститутками, «растлевающими нашу молодежь». Кроме того, царская семья не симпатизировала университетскому образованию девушек: императрица однажды заявила делегации женщин, что они должны оставаться дома и вязать [13]. Русская журналистка и известная общественница того времени Ариадна Тыркова в своих воспоминаниях писала: *«В гимназии я была уверена, что поступлю на женские медицинские курсы и стану доктором. Но в университеты женщин не допускали, а женские высшие школы, включая медицинские курсы, правительство закрыло как раз перед моим носом... Тогда говорили, что это делается по желанию императрицы Марии Федоровны. Она будто бы считала для девиц неприличным занятие естественными науками»* [7, с. 196].

Как ни парадоксально, но устройству женских курсов женщины были во многом обязаны не только собственному упорству и принципиальности, но правительству, вернее, его страхам. Было решено, что будет безопасней допустить женщин к высшему образованию на родине, чем подталкивать их к выезду за границу, где они быстро усваивают радикальные идеи.

Появление высшего женского образования нельзя назвать однозначной реформой системы. С самого начала существовал некий ряд ограничений в программе, а в восьмидесятые годы большинство женских курсов было и вовсе закрыто в связи с наступившей в стране реакцией на революционные беспорядки, хотя в начале XX в. они были открыты заново. Правительственная позиция в женском вопросе была переменчива, однако, курсисток мало заботило мнение правительства, общества и даже собственных семей: они продолжали учиться в университетах, осваивать профессии и совершенствовать свои знания.

В конце XIX - начале XX вв. правительству империи удалось создать некую, пусть и несовершенную, систему начального и среднего образования в стране. Женское образование, как важная часть этой системы, получило широкое распространение по всей империи и постепенно люди начали понимать необходимость просвещения своих дочерей. Значимым прогрессивным шагом страны было учреждение Высших женских курсов, что по праву стало важнейшим завоеванием женского движения, особенно феминисток, которые не только слали письма и петиции вышестоящим инстанциям, но и активно собирали деньги на финансирование курсов [11]. Здесь женщины впервые смогли получать достойные знания, не покидая пределов России, что и стало основным итогом борьбы за женские права во времена Российской империи.

Источники и литература.

1. Амфитеатров А. В. Женское нестроение [Электронный ресурс] // Проект «Собрание классики» Библиотеки Мошкова (Lib.ru: «Классика»). Режим доступа: http://az.lib.ru/a/amfiteatrow_a_w/text_0290oldorfo.shtml
2. Богословская Л. «Творческие искания в школьном преподавании» Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. Р-7602, оп. 1, д. 12.

3. Записка без подписи об устройстве дочери берейтора придворной конюшни Шанина в Институт благородных девиц ГА РФ. Ф. № 1463, оп. 2, ед. хр. 1087.
4. Златорович В.И. Автобиография (После 1933) ГА РФ. Ф.Р-7602, оп. 1, д. 3.
5. Манакина З. К. Барышня-смолянка: Воспоминания З.К. Манакиной (1990 г.) / Публ. Н. А. Ландышевой // Женская судьба в России: Документы и воспоминания / под ред. Б. С. Илизарова; предисл. Т. М. Горяевой. М.: Россия молодая, 1994. С. 8-17. (Серия "Народный архив").
6. Мижув П.Г. Женский вопрос и женское движение. СПб: тип. Альтшулера, 1906. 72 с.
7. Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. М.: СЛОВО/SLOVO, 1998. 60 с.
8. Храповицкая А. Смольный институт: страницы из дневника / Публ. В. Волкова. М.: Россия молодая. 1993. № 8. С. 10-13.
9. Шашков С.С. История русской женщины: СПб.: Тип. А.С. Суворина. 1879, 352 с.
10. Язева К.П. Слово о бестужевке: доклад председателя Ленинградского комитета бестужевок на встрече, посвященной 95-летию со дня основания Бестужевских курсов, состоявшейся в Москве 24 ноября 1973 // ГАРФ. Ф. Р-7602, оп. 1, д. 70.
11. Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер [Электронный ресурс] // Российские женщины XX века: опыт эпохи. Режим доступа: <http://www.a-z.ru/women/texts/pav11r.htm>
12. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X - начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. 381 с.
13. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860-1930 [Электронный ресурс] / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. // сайт Автономное действие. Режим доступа: <http://avtonom.org/old/index.php?nid=1026>.

П.А. СТОЛЫПИН И ЕГО РОЛЬ В ДЕЛЕ УСИЛЕНИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

Крайнов В.Ю.

Севастопольский филиал

Саратовского государственного социально-экономического университета

*«Для всех, кажется, теперь стало ясно,
что только тот народ имеет право удержатъ
в своих руках море, который может его отстоять»*

П.А. Столыпин

П.А. Столыпин – выдающийся реформатор, государственный деятель, патриот. Его планы по переустройству страны были огромны, однако, мало что из них он смог реализовать. Оценка деятельности Петра Аркадьевича Столыпина, дававшаяся и его современниками, и историками, неоднозначна: по словам одних Столыпин являлся талантливым государственным деятелем, не только предложившим уникальную для своего времени программу реформ, но и стремившимся к их проведению наиболее "мягкими средствами", по словам других, Столыпин – "душитель и вешатель", "проводник политики, вошедшей в историю под именем столыпинской реакции".

Энергичный, умный и решительный, Петр Аркадьевич, направлял все силы на соблюдение законности, борьбу с террором. В отношении к бунтовщикам, грабителям и поджигателям был беспощаден. При этом проявлял заботу о мирных жителях.

В Саратове, когда он был губернатором, за короткое время были построены городские больницы, гимназии, дома для престарелых, ночлежные дома, заасфальтированы главные улицы, подключено их газовое освещение, модернизирована городская телефонная сеть. Петру Аркадьевичу удалось развенчать миф, что в России не может быть честного правительства. Он создал и возглавил такое правительство. Петр Аркадьевич не терпел лжи, воровства, взяточничества и корысти, преследуя их беспощадно в среде государственных служащих. П.А. Столыпин стремился реформировать и внести усовершенствования во все основные сферы государственной жизни. Большое место в деятельности премьер-министра занимали вопросы обороны государства, в частности – восстановления отечественного военно-морского могущества, особенно после поражения России в войне с Японией.

Петр Аркадьевич Столыпин очень большое внимание уделил совместной работе Государственного Совета и Государственной Думы по дальнейшему развитию флота.

Он предложил правительству утвердить «Малую судостроительную программу». С этой целью он несколько раз выступал в Думе, убеждая депутатов и членов Государственного совета в необходимости и государственной важности появления у России мощного военного флота. С этой целью П.А. Столыпин выдвинул четыре основных тезиса:

1. России, как великой державе, необходим мощный линейный флот; миноносный флот не гарантирует защиту ее берегов.
2. По правилам военно-морского искусства боеспособный флот должен состоять из эскадр однотипных судов, обладающих одинаковой скоростью хода, бронированием и огневой мощностью.
3. Отказ от строительства нового флота или задержка в строительстве нанесет существенный удар по судостроительной промышленности, может быть потерян технический опыт, а возможно, и часть рабочих кадров.
4. Временный отказ от постройки нового флота пагубно скажется на настроении молодых инициативных морских офицеров, снимет с них ответственность за будущее флота, принесет «громадный нравственный ущерб».

На заседании комиссии по государственной обороне 3 марта 1908 г. он заявлял, что откладывать и медлить с ассигнованиями на флот никак нельзя. Эскадра новых военных кораблей необходима государству хотя бы затем, чтобы не отстать в техническом отношении от мировых морских держав, более того, она должна быть использована для обучения новых военно-морских кадров. *«Как обучить личный состав, - спрашивал у парламентариев Столыпин, - не имея ни одной цельной эскадры, не имея судов нового типа, которые строит весь мир? Остановка, предлагаемая вами (членами Думы), обратит наш флот в коллекцию старейшей посуды. Этим вы убьете дух, до сих пор живой во флоте»* [2, с. 24]. Кроме того, по мнению Столыпина, постройка новых кораблей помогла бы сохранять и развивать отечественную кораблестроительную промышленность, в противном случае может быть потерян технический опыт, а возможно, и часть рабочих кадров. *«...Судите сами, — заявлял Столыпин, - какое же возможно эскадренное учение, какая же возможна стрельба, какое возможно эскадренное маневрирование без эскадры. Возможно ли обучение, воспитание механиков, размы не имеем усовершенствованных механизмов?»* [2, с. 25].

В «Малой судостроительной программе» Столыпин утверждал, что России, как великой державе, необходим мощный линейный флот. *«Флот является предметом народной гордости: это внешнее доказательство того, что народ имеет силу, имеет возможность удержать море в своей власти...»* [3, с. 28]. Премьер-министр настаивал: *«Беззащитность на море так же опасна, как и беззащитность на суше. Вот почему дело кораблестроения везде стало национальным делом»* [3, с. 27].

Эти простые соображения привели правительство к выводу, что флот России нужен. А на вопрос, какой флот нужен России, дала ответ комиссия государственной обороны, которая выразилась так: *«России нужен флот дееспособный. России необходим такой флот, который в каждую данную минуту мог бы сразиться с флотом, стоящим на уровне новейших научных требований. Если этого не будет, если флот у России будет другой, то он будет только вреден, так как неминуемо станет добычей нападающих. России нужен флот, который был бы не менее быстроходен и не хуже вооружен, не с более слабой броней, чем флот предполагаемого неприятеля. России нужен могучий линейный флот, который опирался бы на флот миноносный и на флот подводный, так как отбиваться от тех плавучих крепостей, которые называются броненосцами, нельзя одними минными судами»* [3, с. 29].

Добившись финансирования «Малой судостроительной программы», П.А. Столыпин принял активное участие в создании усиленной программы судостроения. Он стал инициатором внедрения перспективных проектов кораблей и подводного флота выдающихся кораблестроителей М.П. Налетова и А.Н. Крылова.

В июле 1910 г. по просьбе П.А. Столыпина было подготовлено письмо морскому министру С.А. Воеводскому с требованием немедленно приступить к разработке планов усиления Черноморского флота. При этом П.А. Столыпин мотивировал свое требование следующим образом: *«Воссоздание турецкого флота и заказ судов более сильных, чем лучшие из наших черноморских судов, сведет наше положение на Черном море к положению подчиненному и даже для всего нашего черноморского побережья небезопасному»* [3, с. 30]. В том же месяце Столыпин обратился к военному и морскому министрам со специальным письмом, в котором требовал *«безотлагательно приступить к мероприятиям, могущим уравновесить наше военное положение на Черном море с предстоящим увеличением турецкого флота»* [3, с. 30]. Итогом этого требования стала разработка Морским министерством программы усиления Черноморского флота. Она предусматривала строительство 3 линейных кораблей, 9 эскадренных миноносцев и 6 подводных лодок на общую сумму 150,8 млн.руб.

В мае 1911 года программа была одобрена Думой и утверждена Николаем II. *«Я уверен, что всякая заминка в деле флота будет для него губительной, нельзя на полном ходу останавливать или давать задний ход машине – это ведет к ее поломке. Господа, в деле воссоздания нашего морского могущества, нашей морской мощи может быть только один лозунг, один пароль, и этот пароль – «вперед», – говорил П.А. Столыпин на последнем заседании под его председательством* [4, с. 321]. Но Петру Аркадьевичу Столыпину

не посчастливилось увидеть плоды своего труда на военно-морском поприще. 1 сентября 1911 г. он был убит в Киеве.

«Я не переоцениваю себя и хорошо сознаю, что трачу лишь капитал, собранный предками и нам завещанный: безграничную любовь и преданность царю и безграничную веру в Россию. Это сокровище - неисчерпаемое, которое нерасточно, но о котором легко забывают. Каждого, который к нему прикасается и в нем черпает, ждет удача. Вот почему мне всегда как-то совестно слушать похвалы», – считал П.А.Столыпин [1, с. 59].

Источники и литература.

1. Бородин А.П. Столыпин: реформы во имя России. М.: Вече, 2004. 380 с.
2. История отечественного кораблестроения. Т.3: Судостроение в первой четверти XX в. (1906-1925). СПб., 1995. С.24-25.
3. Столыпин П.А. Мысли о России. М.: РОССПЭН, 2006.127 с. (Фонд изучения наследия П.А. Столыпина).
4. Табачник Д.В., Воронин В.Н. Крестный путь Петра Столыпина; предисловие Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Харьков «Фолио», 2011. 540 с.

ИМЕНИЕ «НИЖНЯЯ ОРЕАНДА» В ИСТОРИИ ДОМА РОМАНОВЫХ И БИОГРАФИЯХ ДЕЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Кулакова Т.И.

Филиал МГУ в городе Севастополе

«Здесь природа и картины ея совершенно оригинальные и не знаю, есть ли где живописное место, которое бы так привлекало дикостью своею. Вы прельщаетесь ею, и какое-то тихое, отрадное спокойствие льётся на душу вашу» [33, с. 56], - так путешественник Николай Сементовский выражал своё восхищение чудной природой Ореанды на заре XIX в. Этому дивному уголку Южного берега Крыма, расположенному *«в полутора верстах от Ливадии и в семи верстах от Ялты»* [26, с. 178] суждено было сыграть важную роль как в истории нескольких поколений императорской династии Романовых, так и в истории русской культуры. Немало представителей русской интеллигенции в разные периоды времени побывало в Ореанде: одним она подарила *«несколько дней мира, полного душевного удовлетворения»* [4, с. 197], для других стала источником вдохновения и творческих сил.

Происхождение топонима «Ореанда» («ургенда», «урьянда», «орианда» - устаревшие видоизменения одного названия) в настоящее время, за неимением необходимых сведений, доподлинно неизвестно. Тем не менее, предположение А.Л. Бертье-Делагарда [5, с. 23] и В.Х. Кондараки о том, что «ореанда» происходит от греческого слова «ориа», то есть граница, получило широкое распространение в историографической традиции. В защиту данной теории В.Х. Кондараки приводит следующий аргумент: *«...я открыл, что действительно в ореандской округе существует признак древней границы на одной из скал, расположенных у моря в виду Нижней Ореанды. Знак этот обозначен прорубом в камне, который залит свинцом. Этот камень и впоследствии составлял границу или межевую линию аутских греков, потомков древних обитателей южного берега»* [19, с. 182].

С присоединением Крыма к России в 1783 г. началось и его заселение *«природными русскими людьми»* [32, с. 3]. В «Записке о необходимости присоединения Крыма к России» отмечалось, что *«так как положение Крыма находится между 46 и 44 градусами широты, следовательно, климат должен быть такой же тёплый и приятный как в Италии, то можно надеяться, что со временем многие и знатные люди из России охотно там поселиться захотят»* [16, с. 37]. Впоследствии предположения, высказанные в данной «Записке...» более чем оправдались, поскольку Крым стал *«излюбленным местом отдыха царской семьи»* [38, с. 87]. Первым императорским имением на Южном берегу Крыма суждено было стать Нижней Ореанде.

По распоряжению Екатерины II часть земель Южного берега, в том числе и Ореанда, была передана албанским грекам, выходцам из Турции, из которых в 1789 г. был организован Балаклавский батальон (*«для того, чтобы препятствовать сообщению между татарами и турками»* [16, с. 39]). Ореанда перешла в распоряжение командира батальона полковника Феодосия Дмитриевича Ревилиоти, который в 1820 г. продал её графу Александру Григорьевичу Кушелеву-Безбородко. С 1825 г., с приобретением имения императором Александром I, Ореанда становится теснейшим образом связанной с августейшим домом Романовых.

Автор предлагает следующую периодизацию истории Нижней Ореанды как императорского и великокняжеского имения:

- I. 1825 – 1860 гг. – от Александра I до Александры Фёдоровны (супруги императора Николая I);
- II. 1860 – 1894 гг. – от Великого князя Константина Николаевича до Великого князя Дмитрия Константиновича;
- III. 1894 – 1917 гг. – от Александра III до Николая II.

В конце октября 1825 г. во время поездки в Крым по приглашению генерал-губернатора Новороссии графа М.С. Воронцова Ореанду посетил император Александр I и был очарован её дивной красотой. Долгие годы правления в непростые для России времена привели его к усталости от государственных дел и стремлению к мирной и простой жизни. Как отмечает маршал Мармон, именно в Ореанде *«император Александр желал провести последние годы своей жизни в удалении от дел»* [34, с. 225]. Фредерик Дюбуа де Монпере, описывая ореадское имение, также сообщает, *«что император Александр пожелал устроить здесь уединённое место для отдыха. В своих проектах создания уединённого уголка император подумывал и о том, чтобы собрать вокруг ближайших друзей: он предоставил графу Дибичу владение в 47 десятин земли, примыкающих к императорскому саду. Смерть императора приостановила эти проекты»* [26, с. 178]. Н.С. Всеволожский упоминает, что Ореанда *«вызывает именем своим грустные воспоминания об императоре Александре! Он хотел тут строить себе дом, потому что местоположение ему понравилось. Сколько размышлений влечёт за собой это намерение Государя, прошедшего через столько испытаний и видевшего у ног своих все славы мира».* [8, с. 56] Александр I решил приобрести Ореанду у графа А.Г. Кушелева-Безбородко, однако, насладиться уединённой жизнью в ней он так никогда и не смог, поскольку, спустя две недели по возвращении из Крыма в Таганрог, его постигла безвременная кончина.

После смерти Александра I Ореанда перешла по наследству к императору Николаю I, который и закрепляет акт купли-продажи ореандской земли 26 апреля 1826 г. Необходимость урегулирования внутривластической ситуации в России после восстания декабристов и неудачной попытки революции в Царстве Польском в 1830 г., а также другие проблемы во внутренней и внешней политике империи, в течение десяти лет не позволяли императору Николаю Павловичу посетить вновь приобретённое имение. Лишь в октябре 1837 г. в рамках путешествия по России он впервые смог *«воочию насладиться красотами своего крымского владения»* [30, с. 79]. По свидетельству Ф. Дюбуа де Монпере, к этому времени в Ореанде уже *«был устроен английский сад, со вкусом размещённый среди природного хаоса: скалы, зелень, морской горизонт, поочерёдно являются взору гуляющих на каждом повороте, чередуя картины природы от самых диких до цветущих и жизне-радостных. В 1837 г. дворца ещё не было; на великолепной террасе построили дом управляющего, приметный своей белой башней. Предстояло обустроить остальную часть террасы, вид с которой охватывает всё самое живописное в пейзаже Ореанды и окрестностей»* [26, с. 178]. А французский путешественник Монтандон в 1834 г. отмечал наличие *«двух прелестных домиков, на галерее главного из которых рекомендовалось посидеть и полюбоваться видом к востоку».* [27, с. 65] Во время путешествия Николая Павловича сопровождала его супруга, императрица Александра Фёдоровна, в дар которой в том же 1837 г. он преподнёс ореадское имение. В течение последующих лет император бывал здесь ещё несколько раз: в 1842, 1845, 1847 и 1852 гг.

«Конечно, не могло в лучшие руки перейти имение, любимое Александром», – свидетельствует Н.С. Всеволожский о передаче Ореанды императрице Александре Фёдоровне. Государыня императрица обладала очень слабым здоровьем, окончательно подорванным смертью любимой дочери Адими (Великой княжны Александры Николаевны): *«она страдала от кашля и несварения желудка, плохо переносила жару, случались припадки биения сердца»* [2, с. 109]. По настоянию врачей, требовавших от неё отдыха в лучшем климате, Александра Фёдоровна предпринимала неоднократные путешествия на Сицилию. Однако крымское путешествие 1837 г. открыло для императорской семьи *«домашнюю Италию»* [23, с. 95]. Природа Южного берега не уступала средиземноморской, к тому же *«климат мягок, всюду цветы, очень много роз»* [38, с. 87]. Поэтому было решено строить здесь дворец для летнего отдыха и лечения императрицы.

Во время пребывания в Ореанде 30 сентября 1837 г. на самой высокой скале Александра Фёдоровна в память об императоре Александре I собственноручно установила деревянный крест и посадила куст лавра как символ античной христианской традиции. С тех пор эта гора именуется Крестовой. Исследователь Е. Марков отмечал, что установленный императрицей крест словно *«царит над окрестностью»* и *«если взобраться к этому кресту, окинешь одним*

взором лучшие уголки Южного берега» [24, с. 152]. После 1917 г. по указанию большевиков он был снят, и в 2009 г. на Крестовой горе был установлен новый крест.

В 1838 г. императрица заказала известному берлинскому архитектору Карлу-Фридриху Шинкелю проект дворца в Ореанде и в качестве образца предложила виллу Шарлоттенхоф (Александрия), построенную в её честь тем же архитектором вблизи Потсдама. Проект императорской резиденции был выполнен в традициях афинского Акрополя. Как отмечает искусствовед А. Лосева, «на рисунке Шинкеля естественные уступы скал переходят в контрфорсы, скальным плато оказывается плоская крыша, а сам дворец воспринимается как результат горообразовательного процесса» [23, с. 98]. Чрезмерная помпезность, дороговизна и длительное время, необходимые для реализации данного архитектурного проекта вынудили Александру Фёдоровну отвергнуть его: «...Можно со стариться, прежде чем его построят...более того, вряд ли кому доставит удовольствие жить в нём» [2, с. 53], – говорила императрица. За новым проектом царская семья обратилась к петербургскому архитектору А.И. Штакеншнейдеру. Андрей Иванович сохранил общую идею, стиль и планировку дворцового ансамбля, предложенного Шинкелем, лишь уменьшив его масштаб за счёт сокращения количества внутренних дворов, переходов и террас. Усовершенствованный Штакеншнейдером проект приглянулся императрице, и весной 1843 г. началось строительство дворца под руководством крымского архитектора К.И. Эшлимана, которое было завершено в 1852 г.

Первой постройкой в дворцовом комплексе была белокаменная полуротонда, увенчавшая один из утёсов Ореанды, которая «вырезаясь то на зелени, то на синем море, переносила ваше воображение на счастливые берега Аттики, в Акрополь, полный белых статуй и белых колонн» [24, с. 152]. Сам дворец по своей красоте и органичному вписыванию в ландшафт Ореанды в полной мере соответствовал представлению Александры Фёдоровны об идеальной летней резиденции и потрясал взоры всех, кому посчастливилось его увидеть. Особенно хороши в нём были внутренний дворик, террасы, обращённые в воздушные сады, а также балкон на мраморных кариатидах, обращённый в сторону моря. Одновременно с возведением дворца были построены большой двухэтажный дом для служащих и небольшой домик в пять комнат с деревянной резной террасой, получивший название «императорский домик» (впоследствии – «адмиральский»), так как он был поставлен на том месте, где находился татарский дом, в котором отдыхал Александр I во время посещения Ореанды в 1825 г. Одной из главных достопримечательностей имения стал его «изумительный» [36, с. 141] парк, оформленный в ландшафтном стиле по образцу английского сада: «тут и лавры, и гранаты, и кипарисы, и фиги, и вековые дубы» [36, с. 141].

В 1950 г., путешествуя по Крыму, ореандское имение своей матери, императрицы Александры Фёдоровны, посетил Великий князь цесаревич Александр Николаевич. А в октябре 1857 г. в Ореанде несколько дней провёл его младший брат Великий князь Николай Николаевич.

Александра Фёдоровна очень любила проводить летнее время в своей южнобережной «Александрии». К тому же, целебный воздух здешнего климата значительно способствовал улучшению общего состояния её здоровья.

20 октября 1860 г. императрица ушла из жизни, и имение Ореанда по инициативе Александра II было передано Великому князю Константину Николаевичу Романову, который оставался его владельцем в течение тридцати двух лет – периода наивысшего расцвета ореандского имения. Отражением большой любви Великого князя к своему имению стал тот факт, что с 1860 г. в заграничных путешествиях инкогнито он подписывался «фон Ореандский, помещик из Крыма, Россия» [15, с. 209]. В качестве владельца Константин Николаевич впервые приехал в Ореанду в августе 1861 г., после инспекционной поездки в Николаев и Севастополь. Несколько записей об этом коротком пребывании он оставил на страницах своего дневника.

7 августа 1861 г.: «Доехали до чудной Ореанды. Вошли от ворот пешком, мимо ротонды. Чудо прелесть».

8 августа 1861 г.: «В полдень – через наш прелестный парк в Ливадию завтракать. Мило, но сравниться не может с Ореандой».

10 августа 1861 г.: «Алупка хороша, но в подмётки не годится Ореанде».

11 августа 1861 г.: «С Глазенапом и Эшлиманом рассматривали денежную сторону Ореанды. Уже теперь возможны экономии, а со временем, когда разовьём виноделие, и подавно. В 3 часа объездили верхом всю Ореанду Дибича, и горную часть, где отыскивали прелестнейшие равнины. После этого визита я ещё более полюбил эту чудную Ореанду» [11, л. 14-16].

Каждое пребывание в Ореанде для Константина Николаевича было связано, в первую очередь, с отдыхом от государственных дел и петербургской придворной суеты. Здесь его дни проходили в простых развлечениях, морских купаниях и прогулках по окрестностям. Великий князь заботился о процветании своего имения и всячески способствовал его облагораживанию. «Ряд изящных затей художника на каждом шагу. Бассейнам дана форма морей... И иногда вы видите какую-нибудь женщину с ведром в руке, пришедшую зачерпнуть воды из Азовского моря или пугливую кошку, утоляющую жажду в Каспийском. А когда вам захочется подражать ей, вы найдёте светлую струйку, которая вытекает из дуба. Нельзя дать более чистого и грациозно-волшебного помещения этой прозрачной влаге!», – рассказывал о задумках Великого князя в ореандском парке автор путеводителя по Крыму С. Филиппов [36, с. 36].

После восстания в Польше в 1861 г. Великий князь был назначен наместником Царства Польского, однако, из-за его отказа против применения репрессивных мер в отношении поляков, представителями консервативных кругов русского общества он был обвинён в пропольской ориентации и предательстве государственных интересов России. Во избежание усугубления и без того трудного положения, оставаться на занимаемом посту Константин Николаевич далее не мог. Находясь в Варшаве под шквалом осуждений, он мечтал лишь о том, чтобы оказаться в своей любимой Ореанде, и обратился к брату, императору Александру II, за разрешением уехать из Польши в своё крымское имение. На страницах дневника 16 августа 1862 г. Константин Николаевич отмечает: «*Может ли Великий князь, брат Государев исполнять то, что теперь в Польше считается необходимым, и не испортит ли он этим сам себе будущность в этом краю. Это правда, и я сказал, что Государь мне позволил ехать на 6 недель в Ореанду*» [13, л. 51]. 13 августа 1863 г. Константин Николаевич с супругой Александрой Иосифовной и детьми покинули Варшаву и 5 сентября прибыли в своё ореандское имение: «*При въезде на Ореандскую землю все друг друга поздравили, и я благодарил внутренне Бога. У верхних ворот пошли пешком. Сперва привёл жинку в верхнюю ротонду. Радости, крикам, восклицаниям нет конца. Костя (Великий князь Константин Константинович) нас всех удивляет своей великой радостью. У дворца нас встретил Коцебу и мадам Глазенап. Тотчас обвёл жинку по всем комнатам, террасам и показывал ей главные виды. Оно действительно невероятно хорошо*». [13, л. 57]. В тот же период в соседней Ливадии проживали Александр II и его супруга Мария Александровна с детьми. На страницах дневника Константин Николаевич отмечает, что они часто совершали совместные пешие и конные прогулки по Ореанде и окрестностям:

11 сентября 1863 г.: «*Сперва на Крестовую гору, где водил жинку к кресту и к можжевельникам. У неё голова кружится не для себя, а за других. Тут на дороге встретили Марию с детьми. Потом в гору нашу по ту сторону шоссе. Прелесть. Любовались обеими верхними долинами, где пастбища, и ездили в великолепную арбухту. Вечер тоже прелесть. Оставались всё время на террасах при чудном лунном свете*».

13 сентября 1863 г.: «*После обеда при лунном свете пошли по берегу моря посмотреть прибой. По дороге в темноте ужасно хохотали. Стюллер и Тенгоборский вели жинку и первый ужасно смешил. Прибой при лунном свете великолепен, особенно налево между скал. Вечер между нашими. Немного музыки и чай. Невыразимо здесь живу жизнью и природой, и желал бы оставаться здесь всю зиму, так как возвращение в Варшаву при теперешних обстоятельствах невозможно*».

19 октября 1863 г.: «*С жинкой ходили пешком по саду. Подходя назад к дому, нас нагнал Саша (Александр II) верхом. Он спросил: «Вы желаете весной опять воротиться сюда в Ореанду?». Я отвечал, что да, что мы бы и не выезжали отсюда, если бы была возможность здесь зимовать, но если будет война, я немедленно ворочусь туда, где всякий русский должен быть. Он сказал: «Я надеюсь, что осенью вы вернётесь в Петербург,*

и я всё имею намерение назначить тебя к председательствованию Государственного Совета» [11, л. 35-37].

Как ни «грустно было прощаться с Ореандой» [11, л. 49], но всё же чувство долга побудило Великого князя к возвращению в Петербург в ноябре 1863 г.

Практически каждый осенне-летний сезон Константин Николаевич старался проводить в своём имении в Крыму. А с 1881 г., после отставки с государственной службы, проживал в Ореанде практически безвыездно. Дмитрий Алексеевич Милютин, также отстранённый от дел с воцарением Александра III, на страницах своего дневника 20 марта 1881 г. отмечал: «Удаление великого князя Константина Николаевича решено окончательно: он сам принял инициативу, и предложение его было принято немедленно... существенная причина заключается в той злобе, которую навлёк он на себя со стороны крепостников своим постоянным и горячим участием в великом деле освобождения крестьян и дальнейшего их устройства. С настойчивостью и часто с увлечением проводил он наперекор ретроградной оппозиции всякую благую меру в смысле легальности и прогресса... Заменить его на председательском кресле в Государственном Совете будет нелегко... Великий князь сегодня же вечером уезжает в Крым. Он не скрывает своего негодования, хотя не теряет ещё надежды на лучшие времена» [25, с. 293]. В Ореанду Константин Николаевич уехал со своей второй, «негласной» [25, с. 347] семьёй – балериной Анной Васильевной Кузнецовой и детьми, которых она родила от Великого князя.

Чередой неудач в жизни Константина Николаевича дополнилась ещё одним трагичным событием – летом того же 1881 г. в ночь с 7 на 8 августа сгорел дворец в Ореанде. «Только сегодня дошло до нас известие о пожаре, истребившем в прошлую пятницу Ориандский дворец. Причина пожара пока ещё неизвестна, говорят, что огонь начался на чердаке. Жаль этого красивого здания, украшавшего живописную местность Ореанды. По всем вероятностям, оно надолго останется руиной. Великий князь Константин Николаевич поселился в маленьком домике, известном под названием «адмиральского» и знаменитого тем, что тут император Александр I, как говорят, почувствовал первые приступы болезни, которая вскоре свела его в могилу», – писал Д.А. Милютин в своём дневнике 9 августа 1881 г. [25, с. 120].

Средств на восстановление дворца у Великого князя не было. В 1883 г. по его инициативе на месте прежней веранды была устроена крытая столовая: «Сегодня гостит у нас Чикалёв, которого я вызвал, дабы сообразить с ним устройство приличной столовой. Я думал выстроить её в виде навеса на столбах подле теперешней палатки, но ближе к источнику... Чикалёв же, осмотрев все места, предложил воспользоваться любой большой верандой и фонтаном подле дворца... Может всё это выйти отлично и недорого» [12, л. 187]. В задумке у Великого князя была и идея возобновить дворец в виде одноэтажного здания: «После завтрака был у меня Штакенинхейдер сын. Я ему показывал проект, сделанный в Петербурге, возобновления Ориандского дворца в виде одноэтажного здания с террасою наверху вместо крыши и просил его осмотреть теперешнее состояние развалин, сообразить и прикинуть, во что это возобновление может обойтись. Поручаю эту работу ему в память об отце» [12, л. 247]. Однако данный проект так и не был реализован.

В 1884 г. в память своей матери, императрицы Александры Фёдоровны, Константин Николаевич решил построить в Ореанде храм. Великий князь говорил: «от покойной Матушки я получил прелестный дворец. Его более нет, и восстановить его я никогда не буду в состоянии. Пусть же из остатков его созиждется храм Божий. Мне кажется эта мысль очень прилична и достойна памяти Матушки» [21, с. 2]. Местом строительства стала живописная дубовая роща, расположенная неподалёку от «адмиральского» домика. В качестве строительного материала предполагалось использовать оставшийся от сгоревшего дворца керченский и инкерманский камень. Проект церкви был разработан архитектором Алексеем Андреевичем Авдеевым в византийско-кавказском стиле, наиболее подходящим к местному ландшафту. В украшении церкви принимали участие архитектор Д.И. Grimm, академик живописи В.В. Васильев, вице-президент Академии художеств князь Григорий Григорьевич Гагарин. Мозаичные иконы и орнаменты для храма были за-

казаны знаменитому венецианскому мастеру Антонио Сальвиати, возродившему старинное византийское мозаичное искусство. Изначально предполагалось назвать церковь Троицкою, но так как Великий князь бывал в Ореанде большей частью осенью, было решено посвятить храм празднику Покрова Пресвятой Богородицы.

На основании дневников Великого князя Константина Николаевича, а также воспоминаний современников, можно утверждать, что Великий князь принимал самое живое и активное участие, как в ходе строительных работ, так и в процессе поиска лучших мастеров для разработки архитектурного проекта и художественного оформления церкви. Д.А. Милютин отмечал, что *«все мысли Его Высочества поглощены исключительно постройкою»*. [25, с. 162] 17 апреля 1885 г. была произведена закладка храма, описание которой представлено в дневнике Константина Николаевича: *«Сперва отслужили панихиду по Саше (Александру II) ради его дня рождения. Именно в этот день в память его я и хотел произвести закладку. После этого убрали панихидный стол, и духовенство подошло к поставленному на место будущего престола, на котором были поставлены образа и, в том числе, тот образ Покрова, который нарочно для этой церкви заказан Пешехонову. Внимательно вслушивался в службу и радовался чудным молитвам, из которых она состоит. Сперва освятили воду, потом вино и елей. Потом окропили камень и в приготовленное углубление налили вино и елей. Тогда в это углубление стали бросать деньги. Я сперва бросил туда девять копеек медных, что в 1881 г. принесла на пожарище неизвестная старуха. Детки положили туда гривенники, и все присутствующие туда клали кто медяки, кто серебро. Сверх этого положили закладную дощечку, и залили её алебастром, причём мы все принимали участие. Потом положили известковую заливку, которую все без исключения и накладывали, и размазывали. После этого накрыли это место первым камнем второго ряда цоколя, и опять все присутствующие колотили по нём три раза молотком. Этим ещё служба не кончилась. Священник стал окроплять всю окружность стен, причём читал чудные молитвы на север, запад и юг и, наконец, на восток окончательная чудная молитва с коленопреклонением. Кончилось всё обычным многолетием. Пока происходила самая закладка и возились с известью, хор всё время пел пасхальные стихи. Всё это было несказанно торжественно и празднично при чудной солнечной, ясной, тёплой погоде и при этом неповторном виде на чудное, совершенно тихое море»* [13, л. 116]. Уже 1 октября того же года храм был освящён. Константин Николаевич пребывал в неописуемом восторге от своей церкви: *«Главная красота церкви, по-моему, заключается в действительном согласии и благородстве всех линий, в удивительной пропорциональности всех форм и частей. Я совершенно ею восхищён и все, которые до сих пор видели её, разделяют моё мнение»* [21, с. 18].

В 1889 г. Великий князь Константин Николаевич тяжело заболел, и в Крыму больше не был. 13 января 1892 г. он отошёл в мир иной и, согласно завещанию, Ореанда перешла во владение его сына, великого князя Дмитрия Константиновича.

В отличие от отца, Дмитрий Константинович не испытывал особого интереса к Ореанде и, нуждаясь в крупной сумме денежных средств для организации конного завода, в 1894 г. продал имение императору Александру III, которое предназначалось для наследника престола цесаревича Николая Александровича.

Имение Ореанда было включено в состав Ливадийско-Массандровского удельного управления. В этот заключительный период существования имения на его окраинах строили казармы и конюшни для Виленского пехотного полка и Крымского татарского эскадрона, а также жилые дома для служащих. Тем не менее, ореандский парк по-прежнему привлекал посетителей своей красотой: *«Ореанда – это одна из очаровательнейших местностей Крыма. Огромный парк Ореанды отличается диким величием... В глубоком ущелье, окутанный густой зеленью деревьев, вьющихся растений, шумно мчит между камнями живописный водопад. Оригинальный фонтан могучей струёй бьёт здесь из ствола огромного дерева. Но особенно живописны в парке Ореанды развалины сгоревшего дворца. Печально торчат одинокие колонны, окутанные густой зарослью парка. Остатки разрушенных стен обвивают прекрасные глицинии... Всё здесь говорит о былом величии погибшего здания»* [6, с. 38].

Прогулки по Ореанде во время пребывания в Крыму любили совершать император Николай II и члены его семьи, о чём свидетельствуют многочисленные записи на страницах его дневника:

22 сентября 1894 г.: «Отправились верхом в Ореанду, на любимое *pledge*, куда папа и мама приехали в коляске на короткое время» [29, с. 42].

20 октября 1913 г.: «Днём совершили семейную прогулку по Ореанде и берегу моря» [29, с. 418].

4 апреля 1914 г.: «Отличный весенний день – в тени было 14°. Сделал хорошую прогулку до конца Ореанды и в двойке с Алексеем» [29, с. 456].

Также представители августейшего дома часто приходили в храм Покрова Пресвятой Богородицы, где молились и осматривали великолепные мозаичные иконы Антонио Сальвиати. Дважды, в 1898 и 1917 гг., данный храм посетил и провёл в нём богослужения отец Иоанн Кронштадский. Упоминания об этом мы встречаем и в дневнике Николая II:

9 октября 1894 г.: «Познакомился и разговоривал с о. Иоанном» [29, с. 19].

12 октября 1894 г.: «В 10 1/2 большая часть семейства отправилась пешком в Ореандскую церковь, к обедне, которую служил о. Иоанн. Он очень резко делает возгласы, как-то выкрикивает их — он прочел свою молитву за Папá, которая произвела сильное впечатление на меня» [29, с. 19].

Как отмечает ряд исследователей, изучающих жизненный путь отца Иоанна, «храм Покрова особенно пришёлся ему по сердцу» [18, с. 227]. Не так давно у стен храма, в знак памяти и уважения к «всенародному пастырю» [18, с. 230], ему был установлен памятник.

В год смерти отца Иоанна Кронштадского (1908) 25 сентября в церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Нижней Ореанде причащалась Святых Тайн будущая преподобномученица Великая княгиня Елизавета Фёдоровна.

В августе того же года Ореанду посетил Великий князь Константин Константинович Романов, известный также как поэт под псевдонимом К.Р. Вспоминая о счастливых детских годах, проведённых в «любимом месте отдыха отца (В. к. Константина Николаевича)» [7, с. 343], при виде развалин сгоревшего дворца, он был охвачен ностальгическим настроением, которое нашло отражение в его знаменитом стихотворении, посвящённом Ореанде:

«Я посетил родное пепелище –
Разрушенный родительский очаг,
Моей минувшей юности жилище,
Где каждый мне напоминает шаг
О днях, когда душой светлей и чище,
Вкусив впервые высшее из благ,
Поэзии святого вдохновенья
Я пережил блаженные мгновенья...» [20, с. 166].

В последний раз члены императорской семьи были в Ореанде в 1914 г. Поездки в Крым были прерваны Первой Мировой войной и последовавшими вслед за ней революционными событиями в России 1917 г. Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, последние месяцы перед эмиграцией в Данию проживавшая под домашним арестом в имениях Ай-Тодор и Дюльбер, даже после получения ею разрешения передвигаться по окрестностям, не пожелала посетить ни Ливадию, ни Ореанду. В письме к своему брату Вальдемару из Ай-Тодора 27 октября 1894 г. Мария Фёдоровна отмечала: «Я ведь никогда не собиралась приезжать сюда, в Крым, который я так любила раньше, когда мы счастливо жили здесь с моим родным, любимым Сашей (императором Александром III). Но после той неопишуемой боли, которую я испытала, потеряв его здесь, и всех тех душераздирающих воспоминаний, я не могла представить себе возможности жить здесь снова» [17, с. 138].

Очарование Нижней Ореанды распространялось и на представителей различных сфер русской культуры. Путешествуя по Южному берегу, многие деятели литературы и искусства стремились воочию увидеть красоты ореандского имения.

30 июня 1831г. Ореанду посетил писатель и дипломат Александр Сергеевич Грибоедов. В своём дневнике он сообщает, что по дороге от Ялты в сторону Байдарских ворот

заехал в Ореанду, принадлежавшую в тот период графу Александру Григорьевичу Кушелеву-Безбородко: «Спустясь на большую дорогу, опять лесом, до Кушелева сада в Урьянде...» [10, с. 67].

В сентябре 1837 г. короткое путешествие в Крым, в рамках обширного путешествия цесаревича Александра Николаевича по России, совершил поэт и наставник наследника российского престола Василий Андреевич Жуковский. Воспоминания об этой поездке нашли отражение в его «Путевых заметках»:

21 сентября 1827 г.: *«Переезд из Алуки в Ореанду. У императрицы с Воронцовым. Просьба, принятая сухо... Отъезд через Мисхор... Приезд ночью в Ореанду. Интересный разговор о политике, Пушкине, драме, романах, Вальтере Скотте, Шатобриане, Тургеневе, истории»* [14, с. 47].

В 1867 г. Ореанду посетил поэт Пётр Андреевич Вяземский и позднее написал ряд стихотворений, объединённых под общим заглавием «Крымские фотографии 1867 г.», которые выявляют нежное и тёплое отношение автора к Ялте и её окрестностям:

*«Слуху милые названья,
Зренью милые места.
Светлой цепью обаянья
К вам прикована мечта.
... Гаспра тихая! Красиво
Расцветающий Мисхор!
Ореанда, горделиво
Поражающая взор!»* [9, с. 264]

В 1876 г. с целью поправить здоровье в Крым приехал поэт Николай Алексеевич Некрасов. В письме к брату Ф.А. Некрасову 15 августа 1876 г. он сообщает: *«Любезный брат Фёдор Алексеевич, здоровье моё очень плохо, а что ещё хуже – это то, что болезнь крайне мучительна. Невозможно описать, что я вытерпел в эти четыре месяца. Числа 24-25 августа я еду в Крым; там хорошая осень, и притом там будет доктор Боткин, едущий туда с Государыней; еду по его совету, он надеется меня поправить»* [28, с. 401]. Проживая в Ялте, в гостинице «Россия», поэт долгие часы проводил в прогулках по Ореанде, покорившей его воображение. Из письма Н.А. Некрасова к А.А. Буткевич 19 сентября 1876 года: *«Даже я в моём трудном положении нахожу минуты, когда море и здешняя природа вообще покоряют меня и утоляют. Выезжаю теперь по утрам каждый день, всего чаще в Ореанду – это лучшее, что здесь пока видел; проходит в езде и прогулке от полутора до двух часов весьма приятно. И сегодня через час туда же пойдём – то хорошо, что вход туда открыт всем, можно и ходить, и ездить»* [28, с. 404]. Мягкий климат и целебный воздух действительно способствовали улучшению состояния здоровья поэта. *«...Мне намного лучше. Погода и природа – чудо. Боткин у меня бывает каждодневно и очень желает сделать, что можно. Боли меня мучат, но не всегда в такой степени, как вы видели в Москве»* [28, с. 405], - писал он своим друзьям 21 сентября 1876 г.

Яркий след в истории Ореанды связан с творчеством писателя и драматурга Антона Павловича Чехова. Его длительное проживание в Ялте (сначала в гостинице «Россия», а затем – в собственном домике в Аутке, именуемом «белой дачей») было связано с необходимостью лечения от тяжёлой формы туберкулёза. Основываясь на обширном эпистолярном наследии Антона Павловича, можно сделать вывод о том, что пребывание в Крыму тяготило драматурга скукой и однообразием местного общества, а также отдалённостью от Москвы и Петербурга, где была сосредоточена культурная и, в частности, театральная жизнь Российской империи. Из письма к В.В. Ладыженскому 17 февраля 1900 г.: *«Я всё в той же Ялте. Приятели сюда ко мне не ездят, снегу нет, саней нет, нет и жизни. За отсутствием практики многие органы моего тела оказались ненужными, так что за ненадобностью я продал их своему турку... Ах, какая масса сюжетов в моей голове, как хочется писать, но чувствую чего-то не хватает – в обстановке ли, в здоровье ли. Вышла премия «Нивы» - мои рассказы с портретом, и мне кажется, что это не мои рассказы. Не следовало бы мне в Ялте жить, вот что! Я тут как в Малой Азии»* [37, с. 338].

Любимым местом А.П. Чехова в окрестностях Ялты была Ореанда. Рядом с храмом Покрова Пресвятой Богородицы в Нижней Ореанде расположена небольшая смотровая площадка с великолепным видом на Ялту, море и горы. Здесь, обдумывая сюжет очередного литературного шедевра, он любил просиживать часами, и именно сюда поместил героев своего рассказа «Дама с собачкой» Анну Сергеевну и Дмитрия Дмитриевича Гурова: «В Ореанде сидели на скамье, недалеко от церкви, смотрели вниз на море и молчали... Гуров думал о том, как, в сущности, если вдуматься, всё прекрасно на этом свете, всё, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своём человеческом достоинстве» [37, с. 105].

На заре XX в. побывал в Ореанде и поэт Иннокентий Фёдорович Анненский. В посвящённом ей стихотворении он отмечал, что «нашёл там свою душу»:

*«...Я с нею встретился в картинном запустенье
Сгоревшего дворца – где нежное цветенье
Бежит по мрамору разбитых ступеней,
Где в полдень старый сад печальней и темней
А синие лучи струятся невозбранно
По блеклости панно и забытью фонтана.
Я будто чувствовал, что там её найду
С косматым лебедем играющей в пруду,
И что поделится мы ветхою скамьёю
Близ корня дерева, что поднялся змеёю
Дорогой на скалу, где грезит крест литой
Над просветлённою страданьем красотой»* [1, с. 78].

В период с 1902 по 1904 гг. несколько месяцев в Крыму провёл Александр Иванович Куприн. Не смотря на то, что проживал писатель преимущественно в Мисхоре, время от времени он наведывался и в Ореанду. Приглашая на Южный берег Крыма своих друзей, он предлагал им «заманчивую программу пребывания: ловля скумбрии, морских ежей, султанки, экскурсии верхом в Ливадию и Ореанду» [22, с. 235].

Прогулки по живописному ореандскому парку любили также писатели Лев Николаевич Толстой и Максим Горький.

В 1903 г. крымский прозаик Михаил Константинович Первухин свой рассказ «Вандалы» из цикла «У самого берега синего моря» посвятил описанию актов вандализма и некультурного поведения в Ореанде. Автор указывал: «Есть в Ореанде, в этом дивном, чуть ли не лучшем уголке Крыма, причудливое сооружение, которое называют «чайной беседкой» (ротонда)... И вот на эту беседку считает долгом забраться каждый, кто только побывает в Ореанде. А забравшись туда, почти каждый явившийся считает долгом возвестить миру, что он, какой-нибудь неведомый никому незнакомец, носящий громкую фамилию Иванова, Петрова, Сидорова, Кошкина..., – именно был здесь. Был тогда-то, во столько часов дня или ночи такого-то числа, такого-то месяца, такого-то года...» [31, с. 23]. Следует отметить, что проблема непонимания определённой частью общества бесценности того или иного памятника материальной культуры в настоящее время ещё более усугублена, и упомянутая в данном рассказе «беседка» в Нижней Ореанде сейчас находится на грани обрушения.

Неповторимые красоты ореандской природы привлекали внимание также и живописцев, самым прославленным из которых является Иван Константинович Айвазовский. В окрестностях Ореанды художником было написано три картины. Самой знаменитой из них является «Вид Ялты при восходе солнца»: «волшебство искусства данной картины состояло в том, что на белой ткани холста над горизонтом возникло солнце и золотым блеском озарило небо, горы, зеркальную гладь моря и городского дома. Слева – могучие пирамидальные тополя. Меж ними вьётся тропинка, уходящая в прохладную тенистую даль. А на переднем плане на лёгкой морской зыби, поднятой морским бризом, искрится и сияет отражённое солнце» [3, с. 14]. В разное время виды Ореанды запечатлели на полотнах Никанор Григорьевич Чернецов, Алексей Петрович Боголюбов, Константин Сергеевич Богаевский, Адольф Иванович Фесслер.

Таким образом, для целого ряда представителей династии Романовых Нижняя Ореанда, с её «величавой красотой дикой природы» [24, с. 157], стала любимым местом отдыха от государственных дел, местом, где можно было насладиться атмосферой покоя и уединения вдали от суетливого Петербурга. Очаровала Ореанда и многих деятелей отечественной литературы и искусства. В настоящее время, когда в политическом отношении Крым является оторванным от России, приятно осознавать, что живописный уголок Нижней Ореанды в историческом контексте выступает как неотъемлемая часть великой русской культуры, и в духовном плане принадлежит к пространству русского мира.

Источники и литература.

1. Анненский И.Ф. Стихотворения и письма. М.: АРГО, 1993. 350 с.
2. Барковец О., Вернова Н. Императрица Александра Фёдоровна. СПб.: АБРИС, 2008. 190 с.
3. Барсанов Н.С. Айвазовский в Крыму. Симферополь: КРЫМ, 1970. 81 с.
4. Бернов М.А. Из Одессы пешком по Крыму. Письма русского пешехода. СПб: Типография Глазунова, 1896. 218 с.
5. Бертъе-Делагард А.Л. Древности Южной России. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1893. 96 с.
6. Бугославский П.И. Южный берег Крыма. Чернигов: Типография Губернского Земства, 1909. 84 с.
7. Вострышев М.И. Августейшее семейство. Россия глазами великого князя Константина Константиновича. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 343 с.
8. Всеволожский Н.С. Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах. Т. 1. М.: Типография Августа Семена при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1839. 495 с.
9. Вяземский П.А. Записные книжки. М.: Русская книга, 1992. 345 с.
10. Грибоедов А.С. Путевые заметки // Русский архив. 1997, №5. С. 58-79.
11. Дневник Великого князя Константина Николаевича // Государственный Архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 722, оп. 1, д. 115. 635 л.
12. Дневник Великого князя Константина Николаевича // ГАРФ. Ф. 722, оп. 1, д. 117. 598 л.
13. Дневник Великого князя Константина Николаевича // ГАРФ. Ф. 722, оп. 1, д. 124а. 545 л.
14. Жуковский В.А. Поездка в Крым. Путевые заметки. Год 1837-й // Крымский альбом. 2001. №6. 105 с.
15. Завьялова Л., Орлов К. Великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи: История семьи. СПб.: Вита Нова, 2009. 570 с.
16. Записка о необходимости присоединения Крыма к России // Русский архив. 1995, кн. 5, № 6. С. 35-48.
17. Императрица Мария Фёдоровна. Жизнь и судьба // Сборник статей. СПб.: Петроний, 2008. 167 с.
18. Карабанова М. Крымская миссия Иоанна Кронштадского // Нева. 1997. №5. С. 223-230.
19. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. Ч. I. Николаев: Типография В. М. Краевского, 1873. 375 с.
20. Константин Константинович, великий князь. Полное собрание сочинений. К. Р. Том 1. Лирические стихотворения. Париж: Военная быль, 1965. 190 с.
21. Краткий исторический очерк постройки церкви Покрова Пресвятой Богородицы в ореандском имении Государя Великого Князя Константина Николаевича на Южном берегу Крыма. СПб.: Государственная типография, 1886. 35 с.
22. Кунцевская Г. Н. Благословенная Таврида. Крым глазами великих русских писателей. Симферополь: Таврия, 2008. 392 с.
23. Лосева А. Петергоф и Ореанда эпохи романтизма // Вопросы искусствознания. 1996. №2. С. 92-107.
24. Марков Е. Очерки Крыма. СПб., 1872. 117 с.
25. Милютин Д.А. Дневник. 1875-1887 гг. Под ред. Л. Г. Захаровой. Т. 3. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 475 с.
26. Монпере де Д.Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. Т.6. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
27. Монтандон Ж. Путеводитель по Крыму. СПб.: Стрела, 1999. 225 с.
28. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 11. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. 471 с.
29. Николай II, император. Дневник. М.: Орбита, 1992. 764 с.
30. Описание путешествий Николая I по России в сентябре-ноябре 1834 г. и в Крым в апреле-октябре 1837 г. // ГАРФ. Ф. 672, оп. 1, д. 35. 553 л.
31. Первухин М.К. Вандалы // У самого синего моря. Ялта: Типография Н.Р. Лупандиной, 1903. С. 22-28.
32. Попов А.В. Романовы на Южном берегу Крыма. Симферополь: Крымиздат, 1930. 64 с.
33. Путешественник (Южный берег Крыма) Николая Сементовского. СПб., 1847. 92 с.
34. Путешествие маршала Мармона. Герцога Рагузского в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря, в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет. Т. 1. М.: Типография И. Степанова, 1840. 331 с.
35. Святловский В.В. Южный берег Крыма и Ривьера. СПб: Издание А.С. Суворина, 1902. 107 с.
36. Филиппов С. В нашей Ницце // По Крыму. Отражения. М.: Крымский контекст, 1998. 469 с.
37. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. Т. 18. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. 409 с.
38. Юсупов Ф. Мемуары в 2-х книгах. До изгнания. 1887-1919. В изгнании // Пер. с фр. Е. Кассировой. М.: 2001. 427 с.

БИОГРАФИЯ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРДА КАК ПРИМЕР АДАПТАЦИИ ИНОСТРАНЦА НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ

МАЛИНОВСКАЯ Е.С.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Случаи привлечения на службу иноземцев в России известны с древнейших времен. Под таковыми подразумеваются граждане других государств на военной и штатской государственной службе, и не рассматриваются иноземные колонисты и лица свободных профессий, жизнь и деятельность которых в России регулировались особыми законодательными актами.

В царствование Екатерины II приглашение иноземцев на службу было особенно масштабным и плодотворным. Отсюда – повышенный интерес к этому периоду. Важное место среди иностранцев на русской службе занимали лица, связанные по долгу службы с Крымом и Севастополем, поскольку освоение присоединённого к России полуострова и строительство нового города-крепости пришлось как раз на правление Екатерины II, и все процессы, характерные для Российской империи того времени, проявились здесь особенно ярко.

Главной причиной привлечения иностранцев на русскую службу была острая потребность в высокопрофессиональных кадрах самых разных специальностей, в том числе и военных. Несмотря на то, что еще в правление Петра I государство стало уделять внимание подготовке собственных специалистов и при первой возможности заменяло ими иностранцев, знающих людей явно не хватало, да и уровень знаний, получаемый ими в отечественных учебных заведениях, оставлял желать лучшего. Поэтому, параллельно с обучением русских людей за границей, шел наём иностранцев для службы в России.

Адаптация иноземцев в российских условиях проходила подчас сложно. И дело не только в непривычных климатических условиях или бытовых трудностях. Среди российских военных были и такие, которые видели в иностранцах конкурентов в продвижении по службе, хотя последние составляли небольшой процент от общего числа командного состава армии и флота.

На отношении к иностранцам на русской службе отражались все перипетии международной ситуации в мире. Любое отклонение внешнеполитического курса России незамедлительно сказывалось и на них.

Французская революция сильно повлияла на положение французов в Российской империи. Уже с 1790 г. франкоговорящие иностранцы оказались под бдительным контролем полиции. Оправившись от шока, вызванного казнью 21 января 1793 г. Людовика XVI, Екатерина II приказала разорвать какие-либо контакты с революционной Францией и привести к присяге всех французов, находившихся к тому времени на территории страны. Их было немало, учитывая франкофильские настроения Елизаветы Петровны (1741-1762) и приток эмигрантов из Франции при Екатерине II, принявшей в 1789 г. бежавших из охваченной революцией страны. По Указу императрицы от 8 февраля 1793 г., французские подданные, оказавшиеся в России, обязаны были подписать документ, осуждающий злодеяния революции, и поклясться в верности королевской власти. Отказавшиеся от принятия присяги подлежали депортации в трехнедельный срок за пределы России [10, с. 300]. Во избежание возможных недоразумений, Екатерина II приказала опубликовать в русских и иностранных газетах имена всех французов, принявших присягу.

Согласно документам, хранящимся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), в начале 1793 г. в России проживали 2424 француза. В подавляющем большинстве они осудили революцию и подтвердили верность Бурбонам. [10, с. 300-301]. Лишь 18 человек отказались «учинить присягу», после чего были выдворены из империи.

Среди присягнувших оказались 39 французов, находившихся на службе в русской армии. Из них 5 состояло в штате Военной коллегии и 5 – Черноморского адмиралтейства. Всего же в начале 1793 г. в русской армии служили 50 французских офицеров [10, с. 300-301]. Неизвестно, по какой причине 11 французских подданных, состоявших на русской службе, не присягнули весной 1793 г. Возможно, на момент принятия присяги кто-то из них был болен, кто-то успел перейти в российское подданство, а кто-то принял присягу позднее. Известно также, что в ряде случаев от присяги освобождались те из французов, которые пользовались безусловным доверием императрицы, главным образом, представители французской аристократии.

Российским историком П.П. Черкасовым в работе «Французы в русской армии в 1793 г.» был опубликован документ, хранящийся в фонде "Внутренние коллежские дела" АВПРИ. Это - «Список Учиненной в Военной коллегии о находящихся в службе Ея Императорскаго Величества французской нации генерал-майоре, штаб, обер и унтер-офицерах, кои по силе имяннаго 793-го, Февраля 8-го Указа приведены к присяге» [13, с. 117-119]. Из него видно, что французы служили практически во всех видах вооруженных сил России – в пехоте, кавалерии и артиллерии (сухопутной и морской), как в столичных гвардейских полках, так и в отдаленных гарнизонах, в том числе и в Тавриде. Некоторые из них навсегда связали свою судьбу с новой родиной.

История основателя российской династии Бертье-Делагардов по своему типична для француза на русской службе екатерининского времени. По свидетельству его внука – известного крымского военного инженера, историка, археолога и нумизмата Александра Львовича Бертье-Делагарда, его дед Иван Александр Генрих Бертье де ля Гард (Jean Alexandre Henri Bertier de la Gard) родился в 1763 в семье мелкого французского дворянина из Прованса Ивана Александра Генриха Бертье де ля Гарда, военного врача по профессии. Имена отца и сына полностью совпадали. Образование младший Александр получил в школе морских инженеров и прослужил во Франции около 10 лет. В годы революции он примкнул к роялистам и в 1791 г. служил штабс-капитаном в одном из полков армии принцев – братьев французского короля (будущих Людовика XVIII и Карла X), которая формировалась в Кобленце. После разгрома этой армии, потеряв многие грамоты и документы, он вынужден был эмигрировать. В конце 1793 г. он оказывается подпоручиком морской артиллерии в Нидерландах, но и оттуда вынужден бежать после захвата страны французами и образования Батавской республики. Летом 1795 г. Делагард прибыл в Россию. Первоначально он жил в Митаве, где какое-то время находился двор графа Прованского, провозгласившего себя после казни королевской семьи Людовиком XVIII.

Вынужденный искать средства к существованию, в Митаве Бертье-Делагард служил гувернёром детей местного предводителя дворянства Шеппинга [2, с. 8]. Согласно послужному списку, хранящемуся в фондах ГААРК [3, с. 17-19], Александр Иванович, как стали называть его в России, 1 августа 1796 г. поступил из голландской службы в российскую майором, а 27 января 1804 г. был переведен в 6-й Артиллерийский полк, располагавшийся в Херсоне. 25 февраля 1806 г. произведен в подполковники. В том же году в составе полка участвовал в походе на Дунай, находясь в делах против неприятеля в Молдавии и Валахии с 23 ноября 1806 г. по 2 апреля 1807 г. После расформирования полка 23 августа 1806 г. был переведен в 11-ю Артиллерийскую бригаду. С 8 января 1807 г. служил в Киевском артиллерийском гарнизоне. В артиллерийский гарнизон Севастополя, или как его тогда называли, Ахтиара, он был направлен 25 апреля 1809 г., а в 1814 г. утвержден командиром Севастопольского артиллерийского гарнизона. В 1821 г. подполковник Делагард входил в состав Комитета для исправления укреплений Севастопольского порта [11, с. 57-58]. За отличие по службе 22 апреля 1822 г. произведен в полковники, а 22 июля 1822 г. ему было объявлено высочайшее благоволение «за отличное усердие и деятельность, оказанные им по исправлению укреплений Севастопольского порта» [12, л. 18]. 19 апреля 1823 г. по болезни Бертье-Делагард увольняется от командования гарнизоном, продолжая в нем состоять на службе.

Как отмечено в послужном списке, Александр Иванович владел французским, итальянским и русским языками, однако, по воспоминаниям родных, изъяснялся по-русски он до конца своих дней очень плохо, что приводило порой к недоразумениям.

Около 1808 г., уже в солидном возрасте, А.И. Бертъе-Делагард женился на Марии Осиповне Латошинской, юной польке. Будущая мать семейства, которой было немногим более 15 лет, стала образцовой хозяйкой. В семье родилось пятеро детей – трое сыновей Александр (ок. 1810 г.р.), Людвиг (Лев) (1812/6, Севастополь – 18.11.1883, Севастополь), Константин (1814 – 05.04.1886, Севастополь) и две дочери – Анжелика (1816 г.р.) и Мария (1823 г.р.). Говоря о своей бабушке, А.И. Бертъе-Делагард отмечал, что поскольку муж в хозяйственные дела не вмешивался, семья *«держалась исключительно ею и, что покажется ныне немало удивительным, совершенно в русском духе. Отец и мать католики, а все их дети от рождения православные, говорили только по-русски и были русскими душой и сердцем; по-французски учились в школах, разбирались в этом языке не все и плохо-вато; о польском не имели и понятия; да и сама бабушка говорила и писала только по-русски»* [2, с. 11].

Тем не менее, подобное было скорее исключением, нежели правилом. В соответствии с российским законодательством, еще начиная с Петра I, а именно с указа от 1721 г., закреплявшего путь принесения присяги на «вечное подданство Российскому Государю», принятие православия не являлось обязательным условием для поступления на службу России. Но в тоже время особые условия в отношении вероисповедания все же оговаривались.

В 1775 г. был принят специальный указ, по которому иноверные церковные служители не имели права совершать обряды над лицами православного исповедания, крестить любого ребенка, если хотя бы один из родителей принадлежал к греко-российской церкви [1, с. 31]. Результатом этого было то, что дети, рожденные от смешанных браков иноверцев с православными, крестились православными священниками и записывались православными. Это способствовало тому, что уже второе или третье поколение потомков иностранцев на русской службе по языку, вероисповеданию и культуре считали себя русскими.

Вместе с семьей Делагардов жила и мать Марии Осиповны Марфа, скончавшаяся в 1816 г. и похороненная на севастопольском городском кладбище [8, л. 72].

На деньги, данные родителями жены, в 3-х верстах от Севастополя, в Дикой балке, позже получившей название Делагардовой, были приобретены 6 десятин земли [12, л. 17]. На участке разбили небольшой виноградник и сад с огородом, где Александр Иванович, без особого успеха, пытался разводить культуры родного Прованса. Здесь же был построен дом, где он прожил до самой своей смерти. Этот дом посетил в 1829 г. один из английских путешественников, нашедший здесь приют и гостеприимство необычного хозяина, француза–легитимиста на русской службе [14, с. 286].

Этот участок перешел по наследству сыновьям А.И. Бертъе-Делагарда. Часть земли в середине 1830-х гг. была продана чиновнице Бурназовой, а от нее перешло Ирине Ивановне Горенко, бабушке А.А.Ахматовой [6, л. 4].

О том, что А.И. Бертъе-Делагарду удалось вполне успешно адаптироваться к российским условиям говорит и факт владения им крепостными крестьянами, без которых нельзя было бы обрабатывать земельный участок. В фондах ГААРК удалось обнаружить дело, материалы которого как нельзя лучше отражают реалии крепостнических отношений в России [4].

Подполковник Бертъе-Делагард 26 января 1817 г. обратился с рапортом к начальнику Южного округа по артиллерийской части генерал-майору Ивану Христиановичу Сиверсу, в котором донёс о том, что вверенного ему ахтиарского артиллерийского гарнизона роты № 44 барабанщик Лаврентий Иванов, получил его позволение жениться на дочери отставного бомбардира Гаврилова (девице Феодосье). Об этом Бертъе-Делагард, как положено, сообщил протоиерею севастопольского Адмиралтейского Николаевского собора Спановскому. Однако, барабанщик обманув их, привел в церковь вместо невесты своей крепостную девку подполковника Авдотью, с которой обвенчался под именем Феодосьи. [4, л. 1]. Бертъе-Делагард, не желавший терять свою крепостную, выступил за расторжение брака. Его не смутило даже то, что у Авдотьи подрастал незаконнорожденный ребёнок от Лаврентия Иванова. Вся история бракосочетания достойна страниц приключенческого романа с тайными встречами, переодеваниями, погонями. Но окончилась история печально. По решению военного суда барабанщик Иванов был наказан шпицрутенами и

дважды пропущен через строй в 500 человек. Помогавший ему барабанщик Шарапов приговорён к 500 ударам шпицрутенами, а поручик Боровский, на квартире которого молодые встречались перед свадьбой, уволен со службы. После экзекуции Лаврентий Иванов был переведен канониром в фанагорийский артиллерийский гарнизон (Тамань). Консистерия, также разбиравшая это дело, решила, что брак, несмотря на обман, расторгать не следует, и Авдотью отправили вслед за мужем под нарядом земской полиции. В документах ничего не говорится о судьбе их сына. Не исключено, что его, рожденного крепостным, оставил у себя Бертье-Делагард.

По указу Правительствующего Сената № 62102 от 20 сентября 1829 г. полковник Бертье-Делагард с семейством был причислен к числу дворян Таврической губернии [3, л. 2] и внесен в 1-ю часть родословной книги дворянства, куда вписывались роды дворянства, пожалованные в это достоинство монархом.

Любопытно, что, судя по архивным документам, русское подданство он принял только в 1829 г. Возможно, это объясняется тем, что в России он очутился в 1795 г., уже после массового приема присяги французами. Вероятно, сыграло роль и активное участие в роялистском движении. Уже после реставрации Бурбонов во Франции король наградил его за прежнюю службу крестом св. Людовика, чем он очень гордился. Этим орденом, после 1795 года, награждались офицеры армии и флота в эмиграции.

Французское правительство, по-видимому, интересовалось своими соотечественниками за рубежом. Так, прибывшее в 1836 г. в Петербург французское посольство пожелало получить сведения о проживающих в России французах, вступивших в русское подданство с 1813 по 1827 гг. По всем губерниям был разослан циркуляр департамента полиции Министерства внутренних дел с предписанием указать имя, звание, род занятий, место рождения и время первоначального прибытия в Россию каждого из них, разделяя тех, кто принял присягу на вечное подданство от лиц, присягавших на ограниченное время. Копию этого документа 24 марта 1836 г. получил и Таврический гражданский губернатор. Подробные ведомости должны были предоставить все города губернии. Управление временного в Севастополе Военного губернатора 9 июля 1836 г. сообщало, что *«французов, вступивших в подданство России с 1813 по 1827 год на жительстве в городе не оказалось»* [5, л. 13]. Не нашлось таковых и во всей Таврической губернии. Естественно, что принявший присягу на вечное подданство России в 1829 г. А.И. Бертье-Делагард в этот отчет не попал.

Выйдя в отставку генерал-майором в 1834 г., он с семейством жил в Севастополе, где и скончался в 1840 г. в возрасте 76 лет. Похоронен был на севастопольском городском кладбище. Уже во второй половине XIX в. А.Л. Бертье-Делагард, пытавшийся отыскать семейные захоронения, писал: *«Самые могилы его и семейства на севастопольском кладбище дотла разрушены, и с ними исчез малейший вещественный след старого роялиста. Сохранилось лишь фамильное имя – единственное наследие, переданное сыновьям»* [2, с. 12].

Следует отметить, что сыновья его, пойдя по стопам отца, достойно служили России. Старший – Александр в армии на Кавказе, дослужившись до звания полковника. Двое других сыновей – контр-адмиралы Лев (Людвиг) Александрович и Константин Александрович, служили на Черноморском флоте, были участниками Крымской войны и обороны Севастополя. Константин Александрович с 1858 г. являлся севастопольским полицмейстером, в 1865 г. он был удостоен французского ордена Почетного легиона [9, с. 217-220; 7, с. 81-83].

Но, пожалуй, лучше известно имя внука нашего героя – Александра Львовича Бертье-Делагарда (26.10.1842, Севастополь – 14.02.1920, Ялта), военного инженера, выдающегося крымского историка, археолога и нумизмата.

Судьба Александра Ивановича Бертье-Делагарда во многом типична для иностранца на русской службе. Посвятив долгие годы жизни служению России, он обрел в ней второе отечество. Большая часть его военной службы прошла в Севастополе, где он немало сделал для укрепления боеготовности севастопольской крепости, возглавляя артиллерийский гарнизон. В Севастополе же появились на свет его дети, продолжившие династию российских Бертье-Делагардов.

Источники и литература.

1. Алакшин А.Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке: Автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2008. 45 с.
2. Бертъе-Делагард А.Л. Автобиография. Избранные труды по нумизматике. Т. 1. Симферополь, 2009. 248 с.
3. Дело о внесении в дворянскую родословную книгу полковника Александра Ивановича Бертъе-Делагарда // ГААРК. Ф. 49, оп. 1, д. 5527, 67 л.
4. Дело по отношению начальника Южного округа по артиллерийской части генерал-майора Сиверса о противозаконном браке барабанщика ахтиарского артиллерийского гарнизона Иванова с крепостною подполковника Бертъе-Делагарда девкою Авдогъею и о прочем // ГААРК. Ф. 118, оп. 1, д. 5580. 40 л.
5. Дело по предложению г. Таврического гражданского губернатора о доставлении сведений о проживающих в России французах, вступивших в подданство с 1813 по 1827 год // ГААРК. Ф. 27, оп. 7, д. 89. 27 л.
6. Дело по прошению жены капитана Ирины Горенко о признании давностного владения ею двумя пустопорожными местами в городе Севастополе // ГААРК. Ф. 376, оп.1, д. 753. 10 л.
7. Ляшук П.М. Потомственные дворяне Таврической губернии на бастионах Севастополя 1854-1855 гг. // Крымская война в лицах. Симферополь, 2009. 220 с.
8. Метрическая книга Севастопольской соборной Николаевской церкви на 1816 год // ГААРК. Ф. 142, оп.5. д. 20.
9. Общий морской список. Часть IX. Царствование Николая I. А-Г. СПб., 1897.
10. Ростиславлев Д.А., Турилова С.Л. Французы в России в 1793 году // Cahiers du Monde russe. 1998, JuilI.-sept. Vol. 39. № 3. С. 304-317.
11. Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб.: Стройиздат СПб, 1997. 320 с.
12. Формулярный список о службе и достоинстве Севастопольского артиллерийского гарнизона артиллерии полковника Бертъе-Делагарда от 23 июня 1831 г. // ГААРК. Ф. 49, оп. 1, д. 5527. 67 л.
13. Черкасов П. П. Французы в русской армии в 1793 г. // Россия и Франция XVIII-XX века. М.: Наука, 2000, вып.3. С. 117-119.
14. Alexander J. Ed., travels to the seat of war in the East in 1829. L.: H.Colburn and R. Bentley, 1830. V. I. P. 286.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СЕВАСТОПОЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Полонская Е.А.

Филиал МГУ в городе Севастополе

В истории России XIX век, по признанию исследователей, занимает особое место. Весь уклад жизни в стране требовал изменений — от формы верховного правления до социальной структуры в государстве. Россия прощалась с феодальной монархией, трансформируясь в буржуазную монархию (хотя этот процесс так и не получил завершения). Манифест 17 октября 1905 г. провозгласил гражданские свободы, к которым страна шла не одно десятилетие, отвоёвывая у самодержавия один рубеж за другим. В этот процесс были включены и благотворительные институции России.

Одним из значимых и малоизученных аспектов социальной истории России второй половины XIX — начала XX вв. является благотворительная деятельность в Севастополе. В отечественной историографии этот вопрос не получил достаточного освещения. Цель настоящей работы — показать направление благотворительной и образовательной деятельности и её место в общественной жизни города в рассматриваемый период.

При подготовке данной статьи были использованы документы из фондов Государственного архива г. Севастополя: отчёты градоначальника, в которых благотворительность отражена в разделе о народной нравственности. Изучение этих материалов позволяет выявить существование в Севастополе различных благотворительных обществ и учреждений, получить сведения об их деятельности, составе, капитале (градоначальник отмечает, сколько было получено и израсходовано средств тем или иным учреждением).

Бесспорно, главным филантропическим учреждением в рассматриваемый период было Ведомство учреждений Императрицы Марии. Это особое благотворительное придворное ведомство, начавшее свою деятельность в 1797 г., когда московский и петербургский воспитательные дома со всеми их заведениями перешли под личное покровительство супруги Павла I императрицы Марии Федоровны, а с 1828 г. оно получило название «Ведомство учреждений Императрицы Марии» (ВУИМ). Заведения Ведомства содержались за счет личных средств государыни (около 50%), казенной субсидии и частных пожертвований. Законодательство николаевской эпохи уделило значительное внимание учреждениям Императрицы Марии. На следующий день после кончины матери, 25 октября 1828 г., Николай I издал указ о порядке управления заведениями, состоявшими под попечением покойной Государыни. Именно этим указом заведения получили наименование «Учреждений Императрицы Марии», и была утверждена особая должность статс-секретаря по делам управления Учреждений Императрицы Марии [9, с. 67].

После смерти Марии Федоровны ведомство последовательно возглавляли: при Николае I и Александре II — императрица Александра Федоровна, при Александре II — императрица Мария Александровна, при Александре III и Николае II — императрица Мария Федоровна. Благодаря личному покровительству и участию членов августейшей фамилии, на протяжении 120 лет существования, ВУИМ заняло выдающееся место в истории русского общественного призрения. Его деятельность, начавшись с попечения о воспитательных домах и институтах благородных девиц, распространилась на всех нуждающихся: детей, стариков, калек. Помощь осуществлялась предоставлением пропитания, проживания, обучения или денежного пособия. Однако приоритетным направлением всегда оставалась помощь детям. Привлекая значительное число местных деятелей, ведомство детских приютов особенно усилило свою деятельность в конце 1880-х — начале 1900-х годов: «за один только 1900 г. в его ведении возникло 85 новых учреждений» [7, с. 231]. Наряду с крупными пожертвованиями, на приюты поступали сбережения совсем небогатых благо-

творителей из групп невысокого социального статуса, что свидетельствовало о позитивном настрое по отношению к самому делу филантропии и уверенности жертвователей, что их деньги попадут по назначению и послужат благому делу. Доверие к Ведомству учреждений Императрицы Марии, как надежному распорядителю капиталов, основывалось на информации об осуществлении ежегодного контроля за средствами внутри ведомства. Основным источником финансирования ВУИМ еще с конца XVIII в. были пожертвования частных лиц. К 1884 г. ВУИМ принадлежало 595 капиталов на сумму около миллиона рублей серебром [5, л. 5].

Из документов явствует, что деятельность севастопольского благотворительного общества, состоящего под покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы, заключалась: в попечении о бедных и больных, доставлении им средств к существованию, медицинской помощи и в содействии к призрению и воспитанию сирот. Капитал общества образовывался из единовременных пожертвований, членских взносов, сборов с лотереи-аллегри, спектаклей, маскарадных и музыкальных вечеров и др. [2, л. 13]. Такая формулировка встречается в каждом обзоре фонда о деятельности и капиталах ВУИМ. А само общество упоминается во всех сохранившихся обзорах градоначальника.

В 1878 г. Благотворительное Общество в Севастополе состояло из 14 почетных и 111 действительных членов и располагало капиталом в 5569 рублей, а лиц, находящихся под покровительством общества было 71. Уже в 1879 г. общество обладало капиталом в 6260 рублей, а число действительных членов увеличилось на 34 человека. В 1882 г. Благотворительное общество под покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы, чья деятельность оставалась неизменной, состояло из 12 почетных и 140 действительных членов, и располагало капиталом в 4807 рублей, а лиц, находящихся под покровительством — 63 человека. В 1888 г. общество имеет своей целью призрение сирот в организованном им приюте и попечение о бедных и больных. Капитал общества составлял к 1888 г. 8762 рубля. Также в этом году общество погасило долг за купленный им в 1887 г. дом для помещения приюта, стоимость которого составила 10392 рубля. В 1891 г. капитал общества составлял 10431 рубль [2, л. 13].

Кроме того, в эти годы существуют Комитет Красного Креста и Попечительство для пособия нуждающимся семействам воинов. История Российского Красного Креста начинается с обороны Севастополя в 1854 г. и связана с именем Даши Севастопольской, первой сестрой милосердия, работавшей вместе с хирургом Н.И. Пироговым. Позже, в 1867 г., Россия присоединилась к Женевской конвенции, и тогда же под покровительством императрицы Марии Александровны, супруги императора Александра II, было создано Общество попечения о раненых и больных воинах. В 1879 г. оно получило название — Российское общество Красного Креста (РОКК). Созданный первоначально как организация общественной помощи населению во время войн, Красный Крест на деле стал осуществлять постоянное участие *«во всех несчастиях, постигающих людей, начиная с самых обыденных и мелких, каковыми являются единичные заболевания, и кончая большими стихийными, каковы голод, эпидемии, землетрясения, пожары и т. п.»* [3]. Значительным достижением РОКК стала подготовка персонала (прежде всего, сестер милосердия), в мирное время постоянно работавшего в больницах и амбулаториях. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Красный Крест оказал помощь больным и раненым на сумму около 16,8 млн. руб. В губернских городах управления Красного Креста открывались при наличии 30 сочувствующих лиц, готовых платить членские взносы в размере 5-10 руб. в год [1, л. 15].

К концу XIX в. РОКК подставляло собой разветвленную структуру с широкой сетью местных учреждений при губернских и уездных городах. В ведении РОКК находилось большинство Общин сестер милосердия. В 1880-1917 гг. РОКК возглавляла императрица Мария Федоровна, супруга Александра III. В годы войны РОКК брало на себя организацию госпиталей на фронтах и в тылу, подготовку санитарного персонала, сборы пожертвований в пользу раненых воинов. В мирное время учреждения РОКК осуществляли попечение о военных инвалидах и семьях погибших воинов, помогали гражданскому населению, пострадавшему от стихийных бедствий, голода и эпидемий. Источниками финансирования РОКК являлись пожертвования частных лиц, проценты с ценных бумаг и раз-

личные сборы – за почтово-телеграфные услуги, заграничные паспорта, железнодорожные билеты [4, л. 14]¹.

В конце января 1878 г. было получено распоряжение Главного Управления Красного Креста об открытии в Севастополе эвакуационного лазарета [5, л. 5]. В короткое время, в течение 2 месяцев, обозначенный лазарет был вполне устроен и 9 апреля открыт, сначала на 150 коек, впоследствии же, с усилением эвакуации больных и раненых с театра войны, число коек было увеличено до 300. Большая часть мягких вещей — белье, одеяла, матрацы, обувь, а также часть мебели и значительное количество посуды для лазарета высылались из Харьковского Центрального склада и нескольких других складов Красного Креста, организованных в России. Лазарет был расположен на возвышенной местности, на восточной стороне Южной бухты в «калмыцких» кибитках и госпитальных шатрах: последние в скором времени были заменены более удобными бараками.

Больные размещались удобно, пользовались хорошим уходом, доброкачественной пищей и надлежащим медицинским надзором.

Первые больные стали поступать в эвакуационный лазарет с 11 по 21 мая, затем был перерыв до 7 июня, а с этого времени лазарет Красного Креста имел постоянно больных до самого дня закрытия, которое последовало 18 октября 1878 г. В лазарете помещались больные и раненые с театра войны в Европейской Турции [6, л. 22].

Всего через лазарет Красного Креста прошло 3982 больных, в том числе 49 офицеров. Помимо устройства самостоятельного эвакуационного лазарета, Главное Управление Общества Красного Креста обратило должное внимание на необходимость оказания помощи лечебным заведениям военного ведомства: тифозному госпиталю у Стрелецкой бухты на 1700 мест, обсервационному лазарету, развернутому из подвижного лазарета 13 пехотной дивизии на 400-600 мест и санитарному лагерю у Георгиевского монастыря на 1500 слабосильных. Особое внимание было обращено на два последних, т.к. тифозный лазарет был более обеспечен средствами, и забота о нем возложена на особого уполномоченного главного управления [1, л. 15].

Помощь обсервационному лазарету и санитарному лагерю выразилась в назначении 10 сестер милосердия; снабжении больных и слабосильных чаем и сахаром, вином и медикаментами; снабжении выписываемых больных бельем, теплыми вещами и обувью; раздаче книг духовного содержания и выдаче винной порции санитарам [9, с. 76].

При содействии и на средства Общества Красного Креста производилась также выдача пособий экипажам пароходов, перевозивших больных, взамен тюфяков, оставляемых для промывки и дезинфекции.

Больных Действующей армии, прошедших через Севастополь в 1878 г., было 15942 чел. Военнопленным туркам во время обратного их следования на родину была также оказана помощь предоставлением им медикаментов, тюфяков и подушек (более 2000), теплых вещей и обуви [7, с. 90].

Также в документе содержится информация о расходах Общества Красного Креста. Так, например, в 1878 году Главным управлением Красного Креста было передано 52849 рублей, из них израсходовано 51795 рублей. Мы не можем назвать точного размера капитала общества в последующие годы, т.к. в обзорах о нем упоминается всего один раз. Но с уверенностью можно сказать, что сумма увеличивалась с поразительной скоростью, так как при обществе открывались приюты, лазареты, школы [1, л. 15].

¹ Общество Красного Креста, как известно, продолжает свою деятельность и в настоящее время, сейчас перед Российским Обществом Красного Креста встали новые задачи по решению проблем, до этого не имевшие место в нашей стране. Бурные социально-экономические и политические преобразования привели к возникновению на карте бывшего СССР новых независимых государств. Вспыхнули межнациональные и гражданские конфликты, что привело к появлению сотен тысяч беженцев, миллионов вынужденных переселенцев. Социально-экономический кризис оставил за чертой бедности не только такие, уязвимые категории как: пенсионеры, многодетные семьи, инвалиды, дети из неблагополучных семей, но и большое количество трудоспособного населения [8, с. 10]. 20 июля 1996 года вышел Указ Президента Российской Федерации «О государственной поддержке Российского Общества Красного Креста», а 27 декабря того же года было принято Постановление Государственной Думы РФ «О государственной поддержке Российского Общества Красного Креста». 15 мая в России отмечается День Российского Красного Креста.

До начала Восточной войны, в Севастополе существовал Дамский Комитет, деятельность которого ограничивалась сбором денежных пожертвований, передаваемых полностью в Главное Управление Общества Красного Креста и собиранием белья и теплой одежды для пострадавших от войны в Сербии [8, с. 376].

В мае 1877 г. Дамский Комитет был преобразован в Севастопольский местный комитет общества попечения о раненых и больных воинах, причем состав его определен из председательницы, ее товарища и 4 членов. Из отчета местного комитета видно, что в первый год существования деятельность его состояла:

- в устройстве на время войны, при содействии города и военного ведомства, перевязочного пункта вблизи береговой мортирной батареи на Артиллерийской слободке;
- в подготовке 10 сестер милосердия под руководством военного врача Назарова;
- в устройстве зимой 1877 г. Дамской мастерской для изготовления теплого платья, в которой принимали деятельное участие 55 местных дам. Поступавшие в мастерскую пожертвования вещами и деньгами, а также изготовленное платье, отправлялись в действующую армию. Практическое применение деятельности комитета в 1877 г. имело место только во время нахождения в Севастополе на излечении раненых с парохода «Веста».

В этот же период существует Дамский кружок для оказания пособия небоеспособным нижним чинам. Кроме раненых и больных, в Севастополь прибывали большими партиями слабые и небоеспособные нижние чины из Кавказской армии, возвращавшиеся на родину. Таковых проследовало, с половины марта до 5 января 1878 г., 570 человек. Помощь, оказанная им Дамским Кружком, состояла в следующем: каждая партия по прибытии в город получала горячую пищу, чай, водку и табак; нуждающимся раздавалось белье, теплые вещи, лекарство и большинству делались перевязки, [5, л. 5].

Средства Кружка, образовавшиеся из пожертвований и собранные от любительских спектаклей, составляли 2662 рубля, из которых израсходовано 2069 рублей. Большая часть медикаментов и белья была выдана с севастопольского склада Красного Креста и, кроме того, значительные пожертвования вещами были присланы московскими купцами.

Наконец, Севастопольское попечительство для пособия нуждающимся семействам воинов образовалось в сентябре 1877 г. первоначально из 13 членов, а затем их число возросло до 68 человек. Денежные средства попечительства образовались из членских взносов, сборов со спектаклей, художественной выставки, устроенной проживающими здесь художниками, и лотереи; всего было собрано 2746 рублей, израсходовано 2060 рублей. Деятельность попечительства заключалась в выдаче «вспомоществования» для выезда на родину семействам нижних чинов, призванных на службу; в снабжении бельем нуждающихся воинов, прибывавших в Севастополь, и в пособиях на лечение семейств нижних воинских чинов [4, л. 14].

Из документов видно, как российская общественность активизировалась в условиях войны: создавались кружки, комитеты, выдавались пособия пострадавшим.

В 1882 г. в отчете градоначальника впервые упоминаются два общества для пособия недостаточным ученикам Севастопольского Константиновского реального училища и ученицам Севастопольской женской гимназии [5, л. 5].

Константиновское реальное училище, основанное в 1875 г., давало возможность после его окончания поступать в технические институты. Название оно получило в честь Великого князя Константина Николаевича, который возглавлял тогда Академию наук. Здание спроектировал архитектор М.Ю. Арнольд, оно сохранилось и до настоящего времени: здесь находится школа № 3 по улице Советской, 57. Директорами этого среднего учебного заведения в разное время были К.С. Попов, Н.Г. Урусов, К.О. Милошевич, И.А. Искра, П.И. Бракенгеймер. Последний был также председателем педагогического совета упомянутой выше Севастопольской женской гимназии, т.е. неудивительно, что попечительства создаются именно при этих двух учебных заведениях.

В это же время в Севастополе существовало благотворительное общество Константиновского реального училища для помощи малообеспеченным ученикам. От платы, по

решению Педагогического совета, освобождались 10% учащихся — дети учителей или служащих Министерства Народного просвещения. Дети небогатых родителей, сироты получали единовременные пособия по 10 рублей на обучение из специальных средств училища. Кроме того, отдельные заседания педагогического совета были посвящены назначению стипендии успешным ученикам.

В Константиновском реальном училище существовали стипендии имени генерал-лейтенанта В.В. Ваховского, отставного статского советника А.А. Лаврова, потомственного почетного гражданина П.Ф. Иванова и др. Севастопольское общество взаимного кредита, Севастопольское общественное собрание также учреждали стипендии. Стипендия назначалась на весь год. Условиями ее получения были: малообеспеченность семьи, хорошая успеваемость и дисциплинированность. В протоколах заседаний педагогического совета содержатся сведения о неоднократном учреждении стипендий от родственников защитников Севастополя в годы Крымской войны. Суммы были различными – от 300 до 1200 рублей. В 1912 г. 49 учащихся имели льготы по оплате за учебу.

Педагогический коллектив училища также занимался воспитанием милосердия в своих учениках. Доказательством этого служит проведение в 1912 г. сборов пожертвований в пользу Черноморского общества Красного Креста, а также Чернявского санитарного отряда, находившегося на Балканах. В училище была поставлена кружка для сбора денег на открытие ракового института, основанного Всероссийским обществом борьбы с раковыми заболеваниями. Сборы пожертвований проводились среди преподавателей и учащихся. Важно было воспитать сострадание и сочувствие к нуждающимся в помощи людям [8, с. 55].

Проводились также вечера благотворительности по сбору средств для нуждающихся учеников. Например, супруга генерал-майора Сергея Карловича Кульстрема, назначенного градоначальником Севастополя в 1909 г., Мария Аполлоновна, передала чек на 350 рублей, *«отчисленных в пользу недостаточных учеников Севастопольского реального училища из сумм, вырученных от гуляния... Принять с благодарностью»*. Другой благотворительный вечер собрал около 484 рублей. И таких примеров немало.

Жители Севастополя тоже оказывали посильную благотворительную помощь. Они проводили вечера для сбора средств, поставляли уголь по льготной цене.

В стенах этого учебного заведения представители различных слоев общества получали качественное образование. Интеллектуальное развитие обеспечивалось добросовестным трудом педагогического коллектива, строгостью и объективностью оценивания знаний учеников и постоянной работой о повышении уровня преподавания. Целенаправленная помощь государства, внимание городских властей к нуждам училища и благотворительность жителей Севастополя позволяли готовить молодое поколение к жизни [10, с. 78].

Из обзора за 1884 г. нам известно, что в Севастополе появляется и приют для престарелых и сирот, устроенный на средства благотворительного общества Императрицы Марии. В обзоре градоначальника за 1888 г., значит, что в Севастополе в 1887 г. был открыт Меньковский приют для севастопольских инвалидов.

Меньков Петр Кононович (1814-1875 гг.) – участник обороны Севастополя, генерал-лейтенант, писатель и военный историк, редактор журналов «Военный сборник» и «Русский инвалид», завещал личные сбережения - 15.000 золотых рублей для открытия приюта для инвалидов - участников Крымской войны и начальной школы для их детей. По тем временам капитал был весьма значительный. Эти заведения были открыты на Центральном холме (ныне ул. Советская, 65) в октябре 1887 г. и получили название «меньковских».

При школе, в которой на тот момент обучались 25 человек, существовал еще и приют, где содержались инвалиды из нижних чинов войск, участвовавших в первой обороне Севастополя. Они бесплатно пользовались помещением с отоплением и освещением, получали деньги на продукты, одежду и обувь. Инвалиды исполняли обязанности сторожей. В школу принимались дети севастопольских инвалидов всех сословий и вероисповеданий. В течение четырех лет их бесплатно обучали грамоте, арифметике, рисованию, закону Божьему, а также слесарному, токарному, столярному и кузнечному делу. Ученики проводили здесь целый день: до 12 часов занятия проходили в классах, затем — в мастерских.

Детей бесплатно кормили завтраками, а также они безвозмездно получали книги, канцелярские принадлежности, инструменты и материалы.

О «меньковской» школе в г. Севастополе сразу же заговорили. В здесь был свой совет, отчетным попечителем которого в 90-е годы XIX века стал участник первой обороны Севастополя контр-адмирал Иван Манто. Большое внимание школе уделял комендант Севастопольской крепости (в 1891 и 1902 гг.) генерал-лейтенант Михаил Пивоваров.

1 июля 1903 г. школа имени Менькова была преобразована в Ремесленную. В дальнейшем она не раз меняла название — называлась ФЗУ, носила имя Совнаркома Крыма, переименовывалась в СИТУ, ремесленное училище. В 20-е годы здесь было создано профессионально-техническое училище, которому в 1961 г. присвоили имя Юрия Гагарина. В 90-е годы училище преобразовали в филиал Киевского индустриально-педагогического колледжа (сегодня это индустриально-педагогический колледж).

В 1888 г. в приюте призревалося 4 инвалида, а в школе при приюте обучалось 36 детей инвалидов, расход на содержание школы составлял 3 тысячи 584 рубля.

Возникновение попечительства шло бюрократическим путем: центральное управление работало под председательством императрицы Александры Федоровны. Члены центрального управления (вице-председатель и 10 членов) назначались по выбору императрицы на три года. Местные «попечительные о домах трудолюбия общества» были организованы по типу благотворительных обществ и работали, исходя из нужд региона [2, л. 13].

В рассматриваемый период в Севастополе существовали филантропические заведения, которые остались за пределами внимания в данном исследовании, но будут подробно изучены в последующих работах автора:

- Городской приют для престарелых.
- Первая севастопольская касса взаимопомощи.
- Особый комитет попечительства о народной трезвости.
- Общество содействия воспитанию и защиты детей.
- Попечительский комитет о тюрьмах.
- Общество покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения, «Патронат».
- Ксенинское общество Яслей.
- Комитет по делам капитала имени вице-адмирала Чухнина.
- Общество борьбы с туберкулезом.
- Церковные братства при храмах Св. Владимира, Св. Николая и Св. Митрофания.
- Греческое благотворительное общество.
- Римско-католическое благотворительное общество¹.
- Караимское благотворительное общество.
- Еврейское благотворительное общество².
- Общество пособия бедным крымчакам-евреям г. Севастополя «Сомех-офлим».
- Общество пособия бедным мусульманам.
- Отделение российского общества защиты женщин.
- Отделение одесского общества покровительства животным.
- Городской ночлежный приют.

Хотя в XIX — начале XX вв. бюджетные расходы на общественное призрение, здравоохранение и народное образование неуклонно росли, они всегда были недостаточными. Поэтому все большее значение для развития социальной сферы, особенно в пореформенный период, приобрел ширившийся поток частных пожертвований (как денежных, так и в виде недвижимости).

Согласно статистическим данным, уже к началу XX в. в России действовало более 19 тыс. благотворительных учреждений. Формально находясь в муниципальном, земском или ведомственном подчинении (например, Военного министерства, Министерства путей

¹ В начале XX в. в Севастополе действовало римско-католическое благотворительное общество и приходское училище. В 1913 году председателем благотворительного общества была М. Хайновская.

² В 1898 г. в Севастополе создали еврейское благотворительное общество. Основателем и первым председателем его был раввин И. А. Фрид. При обществе работали субботняя школа и бесплатная библиотека.

сообщения, Министерства народного просвещения, Российского Общества Красного Креста, Ведомства учреждений Императрицы Марии и др.), они имели значительное финансирование за счет благотворительных пожертвований. В некоторых городах более половины лечебных и учебных учреждений были созданы на частные средства. О высоком развитии благотворительности в Российской империи свидетельствуют значительные размеры денежных капиталов, стоимость собственной недвижимости, ежегодные доходы и расходы благотворительных обществ и заведений.

Что касается благотворительности, можно сделать один из главных выводов. Если в первой половине XIX в. инициатива в развитии благотворительности принадлежала элитным слоям общества, прежде всего, образованному дворянству, и эта инициатива осуществлялась под покровительством царской власти, то после отмены крепостного права и других реформ 1860-1870-х годов, среди которых наибольшую значимость для развития благотворительности имели земская и городская реформы, был дан толчок проявлению общественной активности в благотворительной деятельности. Эта активность оказалась не только востребованной, но и необходимой в связи со стремительной урбанизацией. Растущее количество бедных и безработных жителей в городах было серьезной, прежде всего, социальной проблемой. Их число увеличивалось из года в год и, по официальным данным, к 1915 г. было более 8 млн. нуждающихся в помощи при 170 млн. человек населения. Деятельность благотворительных организаций и объединений взаимопомощи расширялась с каждым десятилетием вместе с ростом населения страны. В конце XIX — начале XX вв. число бедняков, получивших вспомоществование, составило более 3 млн. человек.

В этих условиях благотворительность стала одним из важных компонентов саморегуляции общественного организма в ситуации нарастающей социальной напряженности.

В силу различных причин, в Российской империи система институций помощи бедным (богаделен, приютов, больниц, учреждений трудовой помощи и др.) формировалась постепенно и была сегментированной, не имея единого ведомственного подчинения. В пореформенный период возникли Приказы общественного призрения (1775), Ведомство учреждений Императрицы Марии (1797), Императорское Человеколюбивое общество (1802), администрирование которых находилось в системе государственных органов, однако, сами благотворительные заведения создавались и финансировались за счет частных пожертвований. С введением местного самоуправления круг благотворителей расширился — большинство заведений стало возникать на благотворительные средства под юрисдикцией муниципальных и земских органов.

Благотворительность все более перемещалась в компетенцию местных органов, на что указывает и фактор влияния общественных сил на законодательные инициативы. В пореформенный период значительное развитие получает филантропия, связанная с развитием общественной инициативы: под началом муниципальных земских органов действовали заведения, возникавшие благодаря пожертвованиям купечества, ремесленных и мещанских корпораций, среднего и мелкого дворянства. Повсеместно возникают общества взаимопомощи. Следует отметить, что возникновение в каждый исторический период определенного типа благотворительных институций (обществ, ведомств, отдельных учреждений) было неразрывно связано и с существовавшим политическим и общественным контекстом, и с влиянием умонастроений образованного общества, формировавшего образ мысли тех его слоев, которые причастны к практике филантропии.

Статистический анализ пожертвований показал, что на увеличение потока пожертвований влияли в пореформенный период три важнейших обстоятельства:

1. Получение земствами и городскими общественными управлениями юридических прав на распоряжение местным бюджетом, а также укрепление авторитета местного самоуправления и постепенный переход к нему роли основного распорядителя пожертвований от частных лиц.

2. Стремление благотворителей к завоеванию общественного авторитета, что являлось, в свою очередь, следствием модернизации общества, в котором увеличивалась роль людей из «делового мира», требовавших признания своего влияния;

3. Успешная реализация предшествующих пожертвований, т.е., как правило, деньги не разворовывались, а действительно шли на пользу нуждающимся.

Можно утверждать, что структура, механизм и параметры сменяющих друг друга во времени или действовавших параллельно институтов помощи бедным являлись своеобразным отображением тенденций общественно-политического развития Российской империи. Инициаторами возникновения разных типов институтов были различные силы: государство, общественные группы, частные лица. При этом ряд институций (например, придворное Ведомство учреждений Императрицы Марии) существовали более столетия. Самой формой своего существования и принадлежностью они более всего были примером реализации принципа патернализма как важнейшего направления в политике самодержавия. Другие благотворительные институции возникали как спутники местного самоуправления, сменяя устаревшие.

Общая картина российской филантропии на примере Севастополя дает новые подтверждения тому, что на рубеже XIX—XX вв. в России существовала, находясь в развивающемся состоянии, особая негосударственная сфера социума, где люди могли осуществлять свои гражданские права в неправовом государстве (формально существовавшем до 1905) через самодеятельные ассоциации. До принятия Временных правил об обществах и союзах 4 марта 1906 г. (установивших совершенно новый, регистрационный порядок образования частных обществ) область функционирования негосударственных организаций в России искусственно ограничивалась. В меньшей степени это касалось благотворительных добровольных обществ, в связи с существовавшим в их отношении законодательством и тем значением, которое им придавала сама власть.

Вот почему благотворительная деятельность, являясь в глазах властей наименее подозрительной, получила весьма значительное развитие, и количество филантропических организаций намного превосходило все остальные.

Таким образом можно заключить, что благотворительность играла важную роль как в России в целом, так и в Севастополе в частности. К началу XX в. благотворительность приобрела широкий размах и самобытные формы. Накануне Первой мировой войны в стране сложилась достаточно разветвленная система благотворительности, которая включала тысячи благотворительных обществ и заведений. Она была обеспечена значительными капиталами, а также недвижимым имуществом.

Источники и литература.

1. Государственный архив города Севастополя (далее ГАГС). Ф. 15, оп. 1, д. 5.
2. ГАГС. Ф. 15, оп. 1, д. 1.
3. ГАГС. Ф. 15, оп. 1, д. 3.
4. ГАГС. Ф. 15, оп. 1, д. 7.
5. ГАГС. Ф. 19, оп. 1, д. 67, л. 5.
6. ГАГС. Ф. 19, оп. 1, д. 67, л. 22.
7. Отчеты Севастопольского Градоначальства 1876-1889 гг. // ГАГС. Микрофильмы № 346- 386.
8. Память о прошлом: Сборник научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя / Сост. В.В. Крестьянников. Севастополь: ЧП Арефьев, 2007. 280 с.
9. Севастополь: взгляд в прошлое: Сборник научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя / Сост. В.В. Крестьянников. Севастополь: ЧП Арефьев, 2006. 356с.
10. Ульянова Г.П. Благотворительность в Российской империи XIX — начало XX века. М., 2005. 113с.

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУРХАРДА МИНИХА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Хоменко С.В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

«Дворцовые перевороты» это эпоха, когда во власть попадали большей частью случайные люди, которые не знали, как управлять такой страной, как Российская империя. «Случайные люди» - это иностранцы, занявшие место при русском дворе. Их взлеты и падения происходили, вызывая потрясения в обществе и на политической арене. Генерал-фельдмаршал граф Б. Миних был из числа «случайных людей». Он смог построить успешную карьеру военного, умелого инженера и государственного деятеля, которого впоследствии постигла участь допросов, судебного процесса и ссылки.

Личность Б. Миниха в России, где самодержавие долго оставалось *«гарантом эффективности управления, правосудия, мерой всех и вся в государстве»* [2, с. 292], является важным звеном ее политического строя.

Процесс историографического осмысления предполагает накопление и преемственность знаний, непрерывный поиск истины. Точки зрения историков о жизни и деятельности генерал-фельдмаршала неоднократно изменялись по мере смены исторических эпох и выявления новой источниковой базы. Дореволюционные историки были ограничены в использовании архивных материалов, так как работать в государственных архивах разрешалось лишь по царскому повелению или по распоряжению вице-канцлера. При этом, согласно правилам 1863 г., бумаги выдавались после просмотра их управляющим архива.

Жизнь Б. Миниха можно разделить на три периода: военно-политическая деятельность до переворота 1741 г., общественно-политическая жизнь до отставки фельдмаршала при Елизавете и период, когда Миних оказался в ссылке.

Историография, в которой отображается жизнь и деятельность всех трех периодов Б.К. Миниха, представлена обобщающими трудами российских историков. Н.И. Костомаров посвятил Миниху целую главу в «Истории России в жизнеописаниях и ее главнейших деятелей» [14]. Историк отвел фельдмаршалу важную роль. И перед тем, как сделать вывод, Н.И. Костомаров подготовил существенную фактическую основу. Он писал, что политика Петра Великого привела к обособлению государства от народа и, таким образом, подводит к существованию двух народностей: народности государственной и народности масс. Б. Миниха он отнес к народности государственной, которая укоренит новое в стране, опираясь на народ и крепкую самодержавную власть. Фельдмаршал стал неким «средним звеном» в исторической оценке Н.И. Костомарова.

С.М. Соловьев [26] и В.О. Ключевский [12] старались придерживаться нейтральной позиции по отношению к личности Миниха. А вот С.Ф. Платонов давал фельдмаршалу негативную оценку [21]. Он считал, что история – это путь к национальному самосознанию, уважал государственность и уделял большое внимание личности, которая вела за собой массы и несла в себе государственные начала [20, с. 412]. С.Ф. Платонов не видел в Б. Минихе этого начала, которое содержало бы идею национального самосознания.

Современный историк О. Леонов дал взвешенную оценку личности Миниха, отметив положительные и отрицательные моменты, описывая военную деятельность фельдмаршала. Он также объективно изучил позитивные и негативные последствия деятельности Б. Миниха в укреплении и становлении армии [15].

Подробным анализом биографии фельдмаршала занимался А. Брикнер в «Комментариях к запискам иностранцев XVIII века» [5]. Они действительно представляют немалую ценность для установления роли и определения политических взглядов Б. Миниха.

К.Н. Бестужев-Рюмин отмечал самомнение и самовосхваление графа Миниха [8, с. XIX], обосновывая свою точку зрения тем, что считал себя приверженцем «объективного

знания», основанного на тщательном изучении источников. Но в предисловии к запискам Миниха позволил себе упомянуть, что *«неважно, пристрастен писатель или нет... а важно то, почему он пристрастен»*.

Взгляды советского историка Е.В. Анисимова, работы которого о Минихе изданы уже в постсоветский период, сходятся со взглядами М.Д. Хмырова, историка дореволюционного периода. Оба они выставляли Б.К. Миниха крайне в негативном свете. Е.В. Анисимов всю политическую деятельность фельдмаршала интерпретирует как проявление непрофессионализма и следствие любительского подхода к любым действиям [2; 3]. А историк и публицист М.Д. Хмыров «прославил» генерал-фельдмаршала в сфере военного искусства, в частности, артиллерии. В работе «Фельдцейхмейстерство графа Миниха» [29] он описывал личность фельдмаршала и его артиллерийскую деятельность односторонне и давал несправедливую оценку характеру и значению его деятельности.

«По артиллерии равномерно не могу служить, не зная ее в подробности», - писал Б. Миних в записке при вступлении на русскую службу [29, с. 217]. С этого эпиграфа историк начинал свой труд, тем самым заранее обвиняя фельдмаршала в дилетантстве. Автор заблаговременно сделал этот вывод, т.к. преследовал цель доказать, что Миних не должен был возглавлять российскую артиллерию.

Историки советского периода Т.С. Голубева, Л.С. Геллерштейн [7], Е.В. Артемьева [10], Б.А. Рыбаков («История СССР») [11], не писали о личности Миниха. «Русская история с древнейших времен» М.Н. Покровского 1914 г. издания [23] отличается от «Русской истории в самом сжатом виде» 1933 г. издания, которая не содержала в себе информации о фельдмаршале Минихе как о государственном и военном деятеле Российской империи. Хотя во введении сказано, что текст печатается без изменений [22, с. III].

Авторы второго издания Большой Советской Энциклопедии не были оригинальны и писали, что фельдмаршал – типичный иностранный политикан, не обладал полководческим талантом и занимался преимущественно политическими интригами, участвуя в дворцовых переворотах [17, с. 537]. Однако в третьем издании можно обнаружить лишь факты, но никакой оценки деятельности Миниха [18, с. 290]. Все эти сочинения являются примером послевоенной историографии, когда роль немцев осуждали или вообще пытались вычеркнуть их из отечественной истории.

Но более серьезно к обвинению Б. Миниха подошел Л.Г. Бескровный. В своем военно-историческом труде [4] он пытался обвинить фельдмаршала в упадке военного дела из-за снижения темпов выплавки металлов, в пустой трате денег из государственной казны, приводя в доказательство таблицу по производству стрелкового оружия 1725-52 годов.

Исследователь привел данные по производству стрелкового оружия, однако, подсчитанная сумма изготовленных вооружений за 1726, 1728, 1731, 1733, 1737 и 1751 годы и отремонтированного оружия за 1731 и 1746 годы неверна. В скобках приводимой ниже Таблицы 1 приведены данные Л.Г. Бескровного. Из Таблицы 1 видно, что Л.Г. Бескровный пытался скрыть рост производства оружия с 1730 г., когда Миних занял пост президента Военной коллегии. В сравнении с 1731 г. (по Л.Г. Бескровному) разница между ними невелика. Это позволило историку обвинить Миниха в упадке военного дела. При этом Л.Г. Бескровный говорил, что денежные средства уходили на починку старых ружей, а не на изготовление новых. В 1731 г. историк увеличил разницу почти на 1 тыс. единиц, стремясь показать, что деньги тратились зря.

Л.Г. Бескровный также утверждал, что «под нажимом Миниха» снижалась производительность железоделательных заводов, заводов по выпуску оружия и выплавке металла. И это несмотря на то, что Российская империя занимала второе место по выплавке чугуна, а к 1740 г. и вовсе перегнала Англию по этому показателю.

Наиболее подробно в историографии освещена политическая активность Б. Миниха до дворцового переворота 1741 г. и его военная деятельность. Однако менее изучена служба фельдмаршала на посту президента Военной коллегии (1730 г.) и его военные походы, в частности, проблема военных потерь. Историки Н.И. Костомаров, Е.В. Анисимов, Н.А. Полевой, Н.Ф. Ковалевский, М.Н. Покровский, М.Д. Хмыров, С.Ф. Платонов, Л.Г. Бескровный и др. обвиняют Миниха в огромных потерях, не изучив этого вопроса

досконально. Историки умолчали о таком понятии как «санитарные потери»¹, в которых не было вины фельдмаршала. Эту проблему не освещают объективно даже те историки, которые положительно оценивают способности Миниха как главнокомандующего.

Почти не изученным в историографии остается деятельность фельдмаршала как начальника над российской артиллерией.

Таблица 1. Производство стрелкового оружия с 1725 по 1751 год

Годы	Изготовлено новых				Починено старых			
	Солдатских фузей	Драгунских ружей	Пистолетов (пар)	Всего	Солдатских фузей	Драгунских ружей	Пистолетов	Всего
1725	400	2385	1155	3940	24	532	-	556
1726	1548	4854	4392	10794 (10821)	44	327	-	371
1728	7652	4055	3575,5	15282,5 (15288,5)	3455	5	-	3460
1729	4109	7285	2824	14218	8666	-	-	8666
1730	3393	5578	3161,5	12132,5	11993	1761	856	14610
1731	4040	6939	2136	13142 (12242)	10622	893	169,5	11684,5 (12254)
1732	-	-	-	22987	-	-	-	-
1733	21342	8295	12651	42288 (42268)	-	-	-	-
1734	-	-	-	32987	-	-	-	-
1736	25000	-	-	25000	-	-	-	-
1737	14656	5823+1611 карабинов	6000	29090 (28089)	-	-	-	57645,5
1738	25000	-	2172	27172	-	-	-	-
1739	-	-	-	26539	-	-	-	48893,5
1740	-	-	-	32735,5	-	-	-	50208
1742	5549	2700	4104		6070	933	-	7003
1746	17057	11958+800 карабинов	7037		14350	7650	-	22000 (22500)
1751	13599	5432	7039	26070 (26050)	1029	679	-	2008

Таблица 2. Выплавка чугуна в России и Англии

Год	Урал			Вся Россия			Англия		
	число домен	чугун, в тыс. пудов		число домен	чугун, в тыс. пудов		число домен	чугун, в тыс. пудов	
		всего	на одну домну		всего	на одну домну		всего	на одну домну
1720	10	158	15,8	41	730	17,8	60	1040	16,3
1724	16	556	34,8	43	1165	27,1	Сведений нет		
1740	30	1396	46,5	58	1952	42,0	49	1080	28,0
1750	37	2052	55,4	61	2730	44,7	61	1866	30,6

Единственное, за что историки хвалят Миниха – это за победу в решающем Ставучанском сражении русско-турецкой войны 1735-1739 гг. Каждая победа давалась ему с трудом, и он делил ее со своими солдатами.

¹ Потери личного состава вооружённых сил во время войн за счёт раненых и пораженных различными видами оружия, а также больных, поступивших в медпункты (лечебные учреждения) на срок более суток. Санитарные потери следует отличать от общих потерь, которые включают так называемые безвозвратные потери (убитые, умершие от ран до поступления в медпункты, пропавшие без вести и попавшие в плен). Обычно санитарные потери значительно превышают безвозвратные.

Удивительно, но мнения историков расходятся даже по вопросу о том, каким образом Миних поступил на русскую службу.

Несмотря на заслуги Б. Миниха при строительстве Ладожского канала, сложилось мнение о нем как о «нежеланном госте» в Российской империи. С.Ф. Платонов писал, что он явился в Россию без «руководящих идей» [21, с. 312]. Тем не менее, Б. Миних смог достичь успехов. Хотя фельдмаршал не смог полностью изменить армейскую подготовку, он постарался описать все возможные варианты действий. Он жестко боролся за дисциплину. Историки постсоветского периода не отрицают того, что Миних не был гуманен по отношению к солдатам. Иностранные источники (Дюк де Лирия, Лефорт) подтверждают представленный довод [16, с. 116].

Политический аспект бурной деятельности Бурхарда Миниха приобретает новый оттенок в придворных интригах. Анна Иоанновна пресекла попытки «верховников» изменить политический режим, но не устранило политических противоречий, которыми впоследствии воспользовался Миних. Он сумел организовать гвардейцев как основную ударную силу дворцового переворота 1740 г., подняв награды и выплаты участникам заговоров.

К последнему периоду жизни Б. Миниха историки отнеслись гораздо благосклоннее. Е.В. Анисимов, который раньше описывал фельдмаршала как «каналопателя, горе-полководца и доносчика» [3, с. 38-39], был поражен его самообладанием и стойкостью в ссылке. Однако, после возвращения фельдмаршала из ссылки, историк возвращается к критической точке зрения и называет Миниха «никому не нужным» [3, с. 42]. Д.Н. Бантыш-Каменский представляет Б. Миниха заурядным деятелем и относится к нему как к обычному человеку, которому свойственно подниматься вверх по служебной лестнице и делать ошибки. Н.И. Костомаров пытался оправдать Миниха, делал из него героя. На фоне личности фельдмаршала всем остальным деятелям эпохи отводится второстепенная роль.

Исследователи приукрасили сельскохозяйственную деятельность Миниха в ссылке, представив его в виде обычного сельского барина, утратившего прежний статус, регалии и награды.

Хоть Миних жил и под стражей, офицер «делал ему послабления» [1, с. 134], за что фельдмаршал и поплатился. В Петербург полетел донос, и там сожгли все бумаги Миниха, чтобы показать их малое значение для общества.

В историографической традиции сложилось мнение о Минихе как об энергичном, жизнерадостном, храбром и даже отважном человеке, способном рисковать и не терять головы в трудных ситуациях. Одновременно Миниха отличали склонность к интригам, лживость, способность к предательству. Отмечается также, что во время войн он проявлял личную храбрость, однако, его полководческие способности, по мнению большинства историков, были невелики. В упрек Миниху обычно ставят то, что он не жалел солдат, и это привело к неоправданно большим потерям. Но существует и такая точка зрения: Миних честно служил России и сумел доказать, что не каждый немец – Бирон или Остерман.

Источники сохранили свидетельства, отражающие повседневную и военную жизнь одной из первых персон государства. Зачастую другие иностранцы не ценили в нем личных качеств и критиковали за ненадлежащее отношение к людям. Но все же это не мешает ему принять от русского народа «*прозвания столпа Российской империи и сокола со всевидящим оком*» [8, с. 51]. Однако, такие эпитеты сохранились лишь в записках фельдмаршала Миниха и не нашли распространения в других источниках.

Таким образом, в историографии сложился противоречивый образ генерала-фельдмаршала Б. Миниха. Поэтому, точка в оценке его личности и вклада в российскую историю еще не поставлена. Ведь, как говорила о фельдмаршале Екатерина II, «*Не будучи сыном России, он был одним из её отцов*» [9].

Источники и литература.

1. Андреев В. Правители власти в России после Петра I. СПб., 1871. 428 с.
2. Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб., 1997. С. 292.
3. Анисимов Е.В. Дворцовые тайны. СПб., 2005. 200 с.
4. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958. С. 3-293.
5. Брикнер А.Г. Комментарии к запискам иностранцев о России в XVIII столетии. СПб., 1875. 18 с.
6. Брикнер А.Г. Русский двор в 1728-1733 годах. По донесениям английских резидентов // Исторический вестник. СПб., 1890. Т. 46. № 10. С. 36-63.
7. Голубева Т.С., Геллерштейн Л.С. Рассказы по истории СССР. М., 1986. 256 с.
8. Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Записки фельдмаршала графа Миниха / Под ред. С.Н. Шубинского. СПб., 1874. 406 с.
9. Зеленский В.Е. Основоположники военно-инженерного дела в России [Электронное издание]. Режим доступа: <http://zielenski.narod.ru/photoalbum3-3-1.html>.
10. История СССР. В 2-х частях / Под ред. Артемьева Е.В. М., 1982. 512 с.
11. История СССР / Под ред. Рыбакова Б.А., Сахарова А.М. М., 1991. 303 с.
12. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.4. Курс русской истории. Ч. 4. / Под ред. В.Л. Янина. М., 1989. 398 с.
13. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2004. 2143 с.
14. Костомаров Н.И. Фельдмаршал Миних и его значение в русской истории // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. - [Электронное издание]. Режим доступа: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kostom/kostom51.htm>.
15. Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Регулярная пехота: 1698 – 1801. М., 1995. 296 с.
16. Лирия де. Записки герцога де-Лирия-Бервика, бывшего Испанским послом при Российском дворе, с 1727 по 1831 год // Сын отечества, 1839. Т. 12. Отд. 3. С. 71-125.
17. Миних Бурхард // Большая советская энциклопедия. Гл. ред. Б.А. Введенский. Т.27. 2-е изд. М., 1954. С. 537.
18. Миних Бурхард // Большая советская энциклопедия. Гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 16. 3-е изд. М., 1974. С. 290.
19. Писаренко А.К. Тайны дворцовых переворотов. М., 2009. 400 с.
20. Платонов С.Ф. Курс лекций. М., 1993. С. 412.
21. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. – Петроград, 1917. 430 с.
22. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом виде. М., 1933. 545 с.
23. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. М., 1914. 338 с.,
24. Полевой Н.А. Русские полководцы или Жизнь и подвиги российских полководцев, от времен императора Петра Великого до царствования императора Николая I. СПб., 1845. 355 с.
25. Рондо К. Донесение от 3 января 1731 г. // Русский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С. 80-81
26. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 29 т. Т. 21. М., 2008. 198 с.
27. Тургенев А.И. Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. 528 с.
28. Фроянов И.Я. История России от древнейших времен до начала XX в. [Электронное издание] // Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_f/foyan08.php.
29. Хмыров М.Д. Фельдцейхмейстерство графа Миниха // Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Записки фельдмаршала графа Миниха / Под ред. С.Н. Шубинского. СПб., 1874. С. 217 – 389.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АРУТЮНЯН**
Лариса Владимировна
Кандидат философских наук, доцент кафедры фундаментальной подготовки Севастопольского филиала Саратовского государственного социально-экономического университета
- БОЙЦОВА**
Елена Евгеньевна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, проректор по научной работе Севастопольского городского гуманитарного университета
- ИШИН**
Андрей Вячеславович
Кандидат исторических наук, доцент кафедры Российской истории Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, проректор Таврической Духовной семинарии
- КУЩЕВ**
Валерий Юрьевич
Кандидат технических наук, доцент, зав. отделом Научно-исследовательского центра ВМС Украины «Государственный океанариум»
- КРАПИВЕНЦЕВ**
Максим Юрьевич
Преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
- КРАСОВСКАЯ**
Татьяна Михайловна
Доктор географических наук, профессор кафедры Физической географии мира и геоэкологии Географического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова.
- КУЗЬМИНА**
Анна Васильевна
Преподаватель Севастопольского филиала Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов
- ЛАТЫШЕВА**
Елена Владимировна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины и вспомогательных исторических дисциплин Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
- СИДОРОВИЧ**
Егор Сергеевич
Научный сотрудник Херсонского областного краеведческого музея, соискатель ученой степени кандидата исторических наук (Институт истории Украины НАН Украины)
- ФЕСЕНКО**
Анжела Артуровна
Начальник отдела Государственного архива города Севастополя

* * *

- АВСЕНЁВА**
Светлана Николаевна
Студентка IV курса исторического факультета ТНУ им. В.И. Вернадского (научн. руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков ТНУ им. В.И. Вернадского **Петрова Элеонора Борисовна**)
- БОРОВСКАЯ**
Полина Максимовна
Студентка II курса Севастопольского филиала Саратовского государственного социально-экономического университета (СФ СГСЭУ) (научн. руководитель – кандидат философских наук, доцент кафедры фундаментальной подготовки СФ СГСЭУ **Арутюнян Лариса Владимировна**)
- КАРДАИЛЬСКАЯ**
Дарья Андреевна
Студентка V курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Бойцова Елена Евгеньевна**)
- КРАЙНОВ**
Валерий Эдуардович
Студент II курса Севастопольского филиала Саратовского государственного социально-экономического университета (СФ СГСЭУ) (научн. руководитель – кандидат философских наук, доцент кафедры фундаментальной подготовки СФ СГСЭУ **Арутюнян Лариса Владимировна**)
- КУЛАКОВА**
Татьяна Игоревна
Студентка V курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Филимонов Сергей Борисович**)
- МАЛИНОВСКАЯ**
Екатерина Сергеевна
Студентка II курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Викторов Юрий Геннадьевич**)
- ПОЛОНСКАЯ**
Екатерина Александровна
Студентка V курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Бойцова Елена Евгеньевна**)
- ХОМЕНКО**
Сергей Васильевич
Студент II курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Викторов Юрий Геннадьевич**)

Научное интернет-издание

Избранные статьи по материалам докладов, прочитанных в секции «Новая и новейшая история России и стран Причерноморья» на IX Международной научной конференции «Лазаревские чтения» в 2011 году / под общей редакцией В.И. Кузицина.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА:

С.Б. ФИЛИМОНОВ, В.В. ХАПАЕВ

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Дизайн, макет и верстка выполнены
в историко-археологической лаборатории
кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ в г. Севастополе**

**Подписано к публикации 07.02.12 г.
Формат 70 x 108 1/16
Объем 17,75 п.л., уч. изд. л. 10,2.
Распространяется через сеть Интернет**

